

СПЕКТАТОР

Русскій „Термидор“.

(Сумерни коммунизма)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Зарождение социализма в Россіи. Политика и интеллигенція. Партія большевиков. „Завтра“ стало „Сегодня“. Положеніе гос—промышленности. Гос.—торговля. Сельское хозяйство. „Хитрая Механика.“ „Красный купец“. Возникновение капитализма в промышленности. Частный капитал в торговлѣ „Нэп“ и его результаты. Нѣкоторые параклели. „Термидор.“

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА

Russische

Bibliothek

München 27, Königsstr. 5

3960

MA 144
1927 г.

Издательство „Свобода Россіи“

Предисловіе.

С момента перехода совѣтскаго хозяйства от военнаго коммунизма к новой экономической политикѣ прошло уже около 5 лѣтъ. За это время в экономикѣ народнаго хозяйства должны были произойти глубокія измѣненія, нашедшія себѣ отраженія как в совѣтской статистикѣ, так и в мѣняющихся тенденціях самой коммунической партіи, испытывающей нынѣ глубокій и все острѣе чувствующійся раскол. Система „Нэп'а“, сотканная из противорѣчій, самыя уступки капиталистическому способу хозяйственных отношеній пытающаяся истолковать, как „обходное наступательное движеніе“, является любопытной переходной эпохой, во время которой начинается борьба отмирающих коммунистических начал политическаго строя с началами иного уже капиталистическаго характера, развивающимися на почвѣ экономических отношеній.

Раскол в средѣ правящей партіи является в этом случаѣ показателем роста новых общественных тенденцій, послѣдовательно приводящих к переходу в стадію чисто капиталистических отношеній. Оппозиція при всем ея так называемом «лѣвом уклонѣ» есть движеніе активно реакціонное и для нашего времени весьма знаменительное.

При таких обстоятельствах представляет значительный интерес прослѣдить хотя бы в самых общих чертах как тѣ измѣненія, которые за 5 лѣтній період времени намѣтились в составѣ совѣтской экономики, так и тѣ тенденціи, в которых сказываются так называемыя „соціалистическія предпосылки“ совѣтскаго хозяйства.

Этими задачами и задавался автор, сообщая статистическія сводки отдѣльных отраслей сов. хозяйственной жизни. Само собой разумѣется, что приводя тѣ или иные данныя, автор не мог претендовать ни на их полноту, ни на их обстоятельность и объективность. Черпая цифры из совѣтской періодической печати и государственных изданій, с которыми ему пришлось познакомиться за время пребыванія в Сов. Россіи, он не имѣл возможности располагать иным вполне достовѣрным матеріалом с одной стороны (иных данных и не имѣется), а с другой ограниченность рамок настоящей работы не позволила ему развить и должным образом обосновать многія положенія, заслуживающія болѣе подробнаго анализа.

Выводы автора, приводящіе к заключенію, что «Нэп» изжил уже в данное время самого себя, и что дальнѣйшее сосредоточеніе в руках государства „командных высот“ соціализма неизбежно влечет к замиранію всякаго хозяйственнаго прогресса СССР., думается, будут тѣм цѣннѣе, что они основаны ни на чем ином, как на цифрах самой же совѣтской статистики.

Зарожденіе соціализма в Россіи.

„Ни расцвѣтъ, ни упадок, ни деспотизм, ни свобода, не являются случайностью на подобіе игры в кости и не могут быть созданы по произволу человѣка. Они происходят при извѣстных условіях, от которых мы не в силах освободиться.“

Тэн. «Происхожденіе современн. Франціи»
(т. 1, 127.)

На другой день послѣ большевистскаго переворота подавляющее большинство интеллигентных представителей русскаго общества высказывало увѣренность в том, что большевики продержатся у власти недолго. Большевизм считали явленіем случайным. Люди научнаго склада мышленія, историки и соціологи, как П. Милюков, политическіе дѣятели, как Чернов и Савинков, представители капитала, как Ліанозов и Третьяков, военной силы, как Юденич и Деникин, — словом представители революціи и монархіи в этом вопросѣ были солидарны.

Большевизм разсматривался как нѣкое внѣшнее явленіе, как орудіе внѣшней разрушительной пропаганды врагов Россіи. Отсюда эти нерѣдко и до сих пор повторяемыя ссылки на „запломбированный вагон“, при посредствѣ котораго начальник германскаго генеральнаго штаба Людендорф внѣдрил в предѣлы Россіи зловредныя бациллы большевизма; отсюда утвержденія, что без иностранной поддержки боль-

шевизм так же скоро сошел бы с исторической сцены российской действительности, как ею и овладел.

Однако же общественные явления не могут быть слѣдствием единственно произвола злой воли кого бы то ни было, и 150 миллионный народ не мог явиться лишь пассивным зрителем, слѣпым орудіем в руках иностранцев.

Такое воззрѣніе было бы странной политической аберраціей, дѣлающей из исторических фактов игру случая. Как говорит Тэн, революція „такая или иная“ происходит при извѣстных условіях, от которых живущіе в гущѣ историческаго процесса „освободиться не могут“.

Большевизм, как общественное явленіе, подготовлен был всей совокупностью бытовых условій настоящаго и прошлаго, он коренился в характерѣ народа; его успѣх обусловлен как предпосылками прошедших исторических переживаній русской жизни, так и экономикой страны.

Партія большевиков в ряду этих явленій—лишь частности, она результат, а не творец. Это лишь минутная стрѣлка на гигантских путевых часах Россіи.

Вот почему она и концентрирует на себѣ вниманіе лишь послѣ октябрьскаго переворота 1917 г.

Чтобы понять послѣдній, придется мельком бросить взгляд на прошлое, на тот період времени, который сѣял сѣмена, пожинаемой нынѣ современниками политической бури.

* * *

Россія—страна европейской культуры. С давних пор западная цивилизація проникает все сильнѣе всѣ стороны русской жизни, прежде всего военное дѣло,

затѣм технику, наконец, налагает свой отпечаток на обычаи и нравы.

Всего медленнѣе Европа оказывает свое вліяніе в области правовых и политических отношеній, и именно послѣ Петра 1-го крѣпостное право и самодержавный образ правленія еще усиливаются. К срединѣ XVIII вѣка свободныя политическія формы существовали только в очень немногих государствах Европы, а примѣръ Польши, превратившей свободу дворянства в своеволие шляхетскаго „[не позволяю], сдѣлавшее из этих „шляхетскихъ правъ“ предмет торга с иностранными дипломатами, являлся слишком живым аргументом против введенія в строй Россіи „шляхетскихъ свобод“.

Только послѣ великой французской революціи образованные классы русскаго общества, т. е. по преимуществу дворянство, начинают теоретически признавать необходимость перемѣн в строѣ имперіи.

Возстаніе декабристов было первым предупрежденіем самодержавію. Оно явилось результатом подражанія настроеніям Запада, вдохновлялось не столько сознаніем гуманитарных и освободительных идей, сколько эгоистическими стремленіями.

Дворянство того времени в массѣ было далеко от народа.

Идеи вѣка, утонченное французское воспитаніе, лоскъ придворных зал и палат—все болѣе отдаляли высшее сословіе от крѣпостного люда, создавали атмосферу взаимнаго непониманія и отчужденности.

Раньше крестьянин был хотя по своей культурѣ близок помѣщику. Воспитанный издавна в понятіях тяжелаго, но неизбѣжнаго и необходимаго государственнаго служенія, крестьянин, скрѣпя сердца, кое—как мирился с крѣпостничеством, еще не утратившим

характера патріархальной простоты отношеній, и не успѣвшим выродиться в рабовладѣніе.

Крестьянин видит, что и помѣщик всю жизнь служит государству на войнѣ и в приказах, он признает извѣстную цѣлесообразность его существованія, иначе его, крестьянина, некому будет защищать во время татарских набѣгов или польско—литовской войны.

Но когда служилое сословіе превратилось в сословіе праздных людей, владѣющих крѣпостными ради своего удовольствія, располагающих их трудом, их свободой, обработанной ими землей без всякой пользы для государства, оно из государственной повинности стало ничѣм не оправдываемы насиліем. Когда же, вслѣд за тѣм и патріархальная близость двух классов исчезла, когда ее смѣнила утонченная испорченность полуинострнца, жадная система скупца или спекулянта на человѣческой свободѣ, когда два класса разошлись и в культурном отношеніи, ухудшившееся тѣм временем крѣпостное „право“ стало для крестьянина, никогда не забывавшаго свою прошлую свободу, совершенно невыносимым гнетом, возмутительнѣйшим беззаконіем.

Декабристы в большинствѣ этого не понимали или не хотѣли понимать. В противном случаѣ им ничего не препятствовало отпустить на волю крестьян, однако, такіе примѣры были в их средѣ лишь единственным явленіем.

Только Тургенев и Лунин освободили своих крѣпостных.

Вмѣсто этого эти люди строят новую Россію по образцу своих французских учителей, разсуждают о правах человѣка, обсуждают планы цареубійства, хотя перенести столицу в Нижній—Новгород и так

плохо понимают національные интересы, что не только рѣшают возродить Польшу, но и отдать ей всѣ русскія области Запада.

В этих программах уже имѣется налицо все то, чѣм будет болѣть русское правосознаніе во все послѣдующее столѣтіе, это уже первая неясная глава большевизма с „добровольным роспуском имперіалистических захватов“.

Строить новую Россію они хотѣли, начиная с „цѣлительнаго“ кровопролитія,—убійства того императора, который сумѣл охранить государство от величайшей опасности завоевавѣя геніальным корсиканцем, который, как и они, нѣкогда мечтал над Руссо, который, если и был виновен в том, что не освободил крестьян, то во всяком случаѣ вину эту дѣлил с самими обвинителями.

Было ли здѣсь слѣпое подражаніе „великим“ примѣрам французских Брутов, или полусознательное лицемѣріе, прикрывавшее пустоту практическаго содержанія бесполезных для народа проектов опасной, а потому привлекательной авантюрой? Кто знает!

Лишенные возможности практической политической дѣятельности, русскіе политики и в будущем будут смотрѣть на свои проекты, самые радикальные, самые страшные для государственнаго организма, как на извѣстнаго рода опыт или игру. Их не занимает мысль, выполнимы ли они, дѣйствительно ли они полезны для народа. Народа они не знают, они видят его в видѣ спины кучера, дворовых слуг, не смѣющих сказать, слова, или театральных „дѣвок“; им противно подойти к нему ближе, всмотрѣться в его жизнь, ибо народ французских духов не употребляет, и от него пахнет потом.

И они обращаются к своим французским учителям, изучают „Общественный Договор“ Руссо, и в нем находят того „абстрактнаго человѣка“, политическій костюм котораго как нельзя лучше подходит для всѣх стран и народов.

И опять русская общественная мысль в дальнѣйшем в теченіе многих десятилѣтій пойдет по этом слѣдам. Больного русским полнокровіем будут лечить от иностраннаго малокровія; лекарства будут искать там, гдѣ налицо яды.

Будут любить, как Ницше, дальняго, а не ближняго. И отдав всю любовь свою „всему человѣчеству“ пройдут равнодушно мимо родной Россіи, но умрут на парижской баррикадѣ.

Возстаніе декабристов—эта первая попытка сверженія власти закончилась неудачей. Меч выпал из слабых дворянских рук. Впослѣдствіи его подхватит болѣе энергичный болѣе ловкій, болѣе самоотверженный. Это будет уже не дворянин, а разночинец—интеллигент—соціалист, если же дворянин, то дворянин кающійся, желающій искупить „грѣхи“ происхожденія“ подвигом самопожертвованія,—тип также далекій от пониманій реальной дѣйствительности, слѣпо вѣрящій в мгновенныя превращенія людей путем катастрофических переворотов, презирающій упорный труд и малые дѣла.

Извѣстный критик Г. Брандес, говоря о том разочарованіи, которое охватило умы Европы послѣ эпилога великой французской революціи, когда филофскія задачи переустройства государства и общества, поставленныя всемогущим, казалось бы, человѣческим разумом своему разрѣшенію, закончились столь неудачно,—этой неудачѣ рационалистической фило-

софіи приписывает то всеобщее разочарованіе, пѣвцом котораго явился Байрон.

В полу—поэтических образах он приблизительно так рисует настроенія начала XIX вѣка.

„Девятнадцатый вѣкъ подобен орлу, у котораго подрѣзаны крылья. Сидя на высокой скалѣ, он обводит печальным взором далекіе горизонты степей и гор, он мог бытъ туда летѣть, но не может.—убита вѣра во всемогущество человѣческаго разума.

Свободныя формы политической жизни не дали народам ожидаемой полноты счастья. В результатѣ—одни ударились в пессимизм, стали разочарованы,—как Чарльз Гарольд и Печорин, другіе, болѣе пылкіе, провозгласили, что аналог общаго счастья лежит вовсе не в политических формах, а в коренный ломкѣ человѣческаго общества и замѣнѣ его новым, возсозданным на началах полнаго экономическаго равенства. Словом, оформлены были начатки социалистической доктрины.

„Жилище русскіе создают непрочное, деревянное, часто покрытое соломой, но политику свою, или какую нибудь электрофикацію они хотят строить не только для своего поколѣнія, дѣтей или внуков, не только для ближайших десятилѣтій, а так лѣтъ на тысячу,“ сказал как—то Уэльс. И это не только парадокс...

Давно замѣчено, что русскій ум имѣет склонность к абсолютным истинам, к метафизикѣ, к абстрактным теоріям планетарнаго масштаба. Любимая тема разговоров русскаго интеллигента—эта спор о провинденціальной роли его отечества в міровом прогрессѣ. Русскій—враг методичной послѣдовательности и упорства. Методичность ему кажется униже-

ієм, настойчивость германца антипатична, бережливе жопидомство француза—просто смѣшно.

Мистическая наклонность вѣры в чудо, в его святость, живущее доселе в низах, вытравленное идом скептических идей вѣка в верхах, находит себѣ замѣстителя. Благодаря духовной потребности русской натуры, вѣра мистическая превращается в вѣру социальную, гдѣ чувство замѣняет всѣ доказательства, гдѣ всякіе противо—нравственные проступки извиняются благою цѣлью проповѣдников „Новаго Евангелія“ человечеству, уже лишенному вѣры отцов.

Нигдѣ, ни в одной странѣ социализм, как учение, как вѣра жизни, как живой идеал не меркнувшей абсолютной истины не встрѣтил таких страстных послѣдователей, как в Россіи.

Нѣмец, француз, итальянец цѣнят в социалистическом ученіи его теоретическую правильность, как доктрины, способной со временем и медленно измѣнить природу общества, цѣнят его практическія выгоды для рабочаго класса; они, вступив в партію, не перекраивают наново своей жизни, не становятся фанатиками, не образуют секты, не теряют реального представленія о своих силах и значеніи общественных и государственных учреждений, ибо там общественное зданіе воздвигнуто общими усиліями всѣх.

На Западѣ Вандервельде или покойный Зингер не отказываются от своих милліонов и фабрик; бельгійскій рабочій в 1910 году дебатирует на столбцах своих социало—демократических газет,—слѣдует ли ему отказаться, как социалисту, от потребленія пива и рѣшает, что эта жертва социализму чрезмѣрно велика; А. Бріан не желает отказаться от министерскаго портфеля Франціи, англичане и голландцы совмѣщают социализм с протестантизмом.

И только одни русскіе интеллигенты, потерявшие своего Бога в поисках трансцендентальной истины, оторванные от родной почвы французским воспитаніем, французской литературой и философией-тѣми законами подражанія, которые также сильны, как и мало изучены, одни они увидали в социализмѣ „Евангеліе мира“, увѣровали в истину его догматов и из глубины своих кабинетов, с поля застольных бесѣд и споров, восторженные и счастливые, понесли эту новую вѣру, как пасхальную свѣчу, в народ, твердо вѣря, что именно эти социалистическія идеи избавят от зол все человѣчество, а, стало быть, и их Россію. На первом планѣ фигурировали мечты о спасеніи человѣчества, на втором — Россія. Послѣдняя была лишь приложеніем к первому, не болѣе, и первое всегда заслоняло второе.

Развѣ о русском крестьянинѣ думал Герцен, проповѣдуя, что только в русской общинѣ спасеніе Запада от социалистических зол?

Еслибы он когда либо до эмиграціи занялся серьезным изслѣдованіем жизни русской деревни, он при его умѣ легко бы уяснил, истинныя нужды крестьянства, он увидѣл бы не отвлеченнаго человѣка „всѣх времен“, а русскаго крестьянина, пахавшаго деревянной сохой, не умѣющаго читать, полного суевѣрій, полу—умирающаго от голодовок из за скудости надѣла, крѣпостного безправія, тиранніи общины. Он понял бы тогда, что перед лицом этого труженика первым долгом всякаго образованнаго человѣка является пропаганда идеи свободы личности, освобожденіе крестьянина от гнета государства, помещика, общины путем завоеванія политических свобод, затѣм непосредственная помощь техническими знаніями его хозяйству, а не фантастическія постройки

теоріи закабаленія крест'янина общинѣ во имя освобожденія Западной Европы и челоуѣчества.

Интеллигент, кающійся дворянин, разночинец—это все один и тот же постоянный тип чисто русскій, несущій на себѣ проклятіе эпохи.

От народа разночинец отдѣлен не только стѣной недоуѣрія к „барину“, но и бюрократическим самоуправством, ревниво ограждавшим крест'янство от всякаго внѣшняго вліянія, до конца прошлаго вѣка препятствовавшим образованію даже всесловной волости. У людей его эпохи не могло быть другого дѣла, как „служить“ в канцеляріи или полку. Живой челоуѣкъ однако же не хотѣлъ быть ни Молчалиным, ни Дмухановским.

Знакомый с жизнью Запада, хотя бы только книжно, он вынужден был коротать бездѣятельную жизнь или служить, наблюдая сѣрую безцвѣтную дѣятельность всепроникающаго бюрократическаго государства; и он жил, устранный от всякой общественной работы, дающей удовлетвореніе, стѣсненный в умственном трудѣ свирѣпой цензурой, задавленный полицейским строем, лишенный элементарных гражданских прав.

Область творчества у него была захвачена государством.

Ему оставалось только мечтать о будущей социалистической, т. е. свѣтлой, прекрасной, хотя и далекой жизни, когда „зацвѣтет міръ“... Хотя через двѣсти лѣтъ,—как мечтали персонажи Чехова.

И вмѣсто того, чтобы дѣятельно работать, дѣятельно мечтают. Мечты о переустройствѣ соціальнаго мірового правопорядка вырастают в глазах такого челоуѣка в—настоящее большое дѣло“, совершенно заслоняющее собой всякую притягательную силу на-

стоящей работы. Все будет казаться „мѣщанством“, „жалким палліативом“, „убогой постепеновщиной.“

Мысль, рѣдко опускаясь до родной дѣйствительности, витаетъ больше в эмпириях, занимается вопросами „спасенія Европы“ от „неминуемаго грядущаго разложенія“, обсуждаетъ способы разрушенія существующаго столь несовершеннаго общественнаго организма по указкѣ моднаго соціалистическаго учителя. Ихъ было и прошло передъ русской аудиторіей немало, и всѣ они послѣдовательно были „властителями дум“ сотен и тысяч интеллигентов.

Уже Ж. Ж. Руссо в своемъ „разсужденіи о политической экономіи“ писалъ; „собственность несправедлива не только по своему происхожденію, но еще и потому, что она притягиваетъ на свою сторону власть. Всѣ общественныя преимущества не являются ли преимуществами сильных и богатых?“

Прудон скажетъ просто: „всякая собственность—воровство.“

Еще Дидеро писалъ: „Вѣчное супружество—обман, тираннія мужчины, превращающаго обладаніе женщиной во владѣніе; счастье и добрые нравы наблюдаются лишь в такихъ странах, какъ Таити, гдѣ бракъ длится лишь мѣсяцъ, нерѣдко—день, гдѣ изъ гостепріимства предлагаютъ чужезему свою жену или дочь“.

Фурнье разовѣетъ эти идеи первобытнаго коммунизма. Наконецъ, послѣ Луи Блана появляется Маркс, наступаетъ моментъ, с котораго по мнѣнію современныхъ коммунистовъ слѣдуетъ начинать изложеніе настоящей исторіи человѣчества.

Соціализмъ преповѣдывался и популяризировался в Россіи в теченіе долгихъ десятилѣтій. На служенію ему отдали свои лучшіе годы десятки серьезныхъ публицистовъ и писателей,—свою жизнь—сотни и тыся-

и рядовых самоотверженных пропагандистов, но до недавняго времени, примѣрно до 1905 г., его успѣхи народных массах были невелики.

Уничтоженіе крѣпостничества, проведенное сверху, не могло, конечно, усилить шансы социалистов с одной стороны; с другой—крестьянство тяготилось общиной,—этим фетишем социалистов первого призыва. Община связывала его хозяйственную самостоятельность, препятствовала прогрессу земледѣлія черезполосицей, обязательными выгонами и передѣлами земель, она была непріятна фискальной стороной ея дѣятельности, как полуправительственнаго органа. После освобожденія крестьянин ждал укрѣпленія общинных земель в собственность, в раздѣл, нуждался в интенсификаціи производства, в организаціи широкаго кредита и развитія школьной сѣти, требовал расширенія площади своих земельных надѣлов за счет помѣщичьих земель. Получив из рук царя не только свободу, но и землю, при всѣх тяжелых обстоятельствах, при жалком пониманіи властями и землевладѣльцами своих обязанностей перед ним,—земледѣльцем—опорой и кормильцем всего государства, созданнаго им, но гдѣ он был лишь пасынком, он ждал в надеждѣ на то, что, когда нибудь Царь вновь облегчит его участь.

Социалисты, выступавшіе с проповѣдью цареубійства, были в глазах мужика „барами“, мстящими царю за то, что он их освободил, вредными людьми.

Карьера социалистическаго пропагандиста 70-х годов прошлаго столѣтія в средѣ крестьянства нерѣдко заканчивалась тѣм, что его слушатели крутили ему руки веревкой и везли к становому,—картина, описанная в „Накануне“ Тургенева.

Попытки поднять крестьян были нѣсколько удачныѣ там, гдѣ пропагандисты дѣйствовали грамотами, якобы исходившими от Царя (Чигиринскій бунт и др). Спускаясь до роли обманщиков, выпускающих фальшивые манифесты о „ч е р н о м п е р е д ѣ л ѣ“, социалисты 70-х годов тѣм самым показывали, что авторитет Царя в крестьянствѣ был безконечно выше ихняго, они в сущности становились в положеніе царских чиновников, хотя и самозванных.

Крестьянина отталкивала от социализма помимо всего прочаго еще не угасшая вѣра. Когда вѣра ослабѣвает, когда крестьянин становится в ряды фабричнаго пролетаріата, когда пропагандист—свой рабочій, тогда отношенія мѣняются.

Создаются условія, при которых для социалистических партій открывается возможность поколебать устои зданія, политическая верхушка котораго—слишком ветхая—не только не соответствовала стремленіям образованной части русскаго общества, но и условіям матеріальнаго и духовнаго развитія всей страны.

Когда реформы приходят слишком запоздало, онѣ не удовлетворяют уже никого. Наиболѣе продуманныя мѣры власти—подвергаются жестокой критикѣ; стремленіе к уступчивости и разумному компромиссу объявляются трусостью или слабостью власти; и ничто уже общественнаго мнѣнія не удовлетворяет.

Требуют все большаго и кончают тѣм, что вмѣсто исправленія закладывают динамит под самые устои государственнаго зданія и радуются при мысли о возможности его паденія, не думая о том, что грамадная тысячелѣтная историческая храмина, обрушившись, может придавить под своими развалинами и тѣх, кто закладывает мину.

Политика и интеллигенція.

„Если с самага перваго дѣтства дѣти встрѣчали одинъ лишь цинизмъ, высокомерное и равнодушное отрицаніе; если слово отечество произносилось передъ ними не иначе, какъ с насмѣшливой складной, если къ дѣлу Россіи всѣ воспитывавшіе ихъ относились съ презрѣніемъ или равнодушіемъ; если великодушнѣишіе — твердили имъ лишь объ идеяхъ“ общечеловѣческихъ; если еще въ дѣтствѣ ихъ прогоняли ихъ нянскъ за то, что тѣ надъ холыбельками ихъ читали «Богородицу», то скажите, что можно требовать отъ этихъ дѣтей?

Ф. М. Достоевскій. Днев. пис. т. 8 стр. 343.

Полѣ неудачи декабристовъ, мечтавшихъ о конституціи, передовые элементы русскаго общества, увлеченные идеей „прыжка изъ царства безправія въ голубой рай таинственнаго и чудеснаго социализма, от политики отвернулись. Слѣдуя по пути послѣднихъ революціонныхъ разочарованій Европы, они устами Герцена и славянофиловъ провозгласили догматъ о „гнилости Европы“. Реформа политическихъ учрежденій по образцу европейскихъ не могла поэтому не казаться имъ безцѣльной въ одномъ случаѣ, не достаточно радикальной—въ другомъ.

У русскихъ, передовыхъ людей мечты о социальномъ переворотѣ всецѣло захватили вниманіе и отодвинули далеко назадъ вопросы политическаго освобожденія. Нерѣдко послѣднія были имъ прямо враждебны, какъ измышленія аристократической верхушки.

/ Къ чему въ самомъ дѣлѣ строить баррикады и ломать свои и чужіе головы, если въ концѣ сраженія увидишь плоды побѣды захваченнымъ другими.

Вѣдь освобожденіе человѣчества лежит не по ту сторону баррикады!—учили теоретики утопическаго соціализма.

Немудрено, если русскіе их ученики, направлявшіе общественную мысль Россіи в опредѣленное русло, интересовались болѣе теоретическими построеніями будущаго идеальнаго общества, популяризацией утопическаго соціализма, чѣм вопросами практической политики, да при цензурных условіях того времени и не могли, если бы и хотѣли, трактовать послѣднія, как должно.

Рѣдкіе случаи, когда публицисты спускались со своих заоблачных высот и занимались вопросами практической политики Россіи, нерѣдко иллюстрировали их слабое знакомство с вопросом, который они брались разрѣшать.

Так Русское Богатство и ряд экономистов в теченіе многих лѣтъ стояли на позиціи отрицанія возможности развитія в Россіи капиталистической промышленности, газета извѣстнаго сибирскаго публициста Ядринцева—„Восточное Обозрѣніе“ считала ненужной и вредной для края забавой постройку Великаго Сибирскаго жел.-дорожнаго пути, а при началѣ постройки послѣдняго публицист и экономист „Русскаго Богатства“ Южаков серьезно совѣтовал русскому правительству воспользоуаться Сибирской жел. дор. чтоб облегчить малоземелье китайскому крестьянству, разрѣшив ему заселеніе Сибири и т. д, и тому под.

Русская бюрократія за двухвѣковое существованіе свое вмѣстѣ с недостатками накопила много опыта, унаслѣдовала от исторіи немало полезных знаній в области управленія государством.

Читая в руководящих журналах того времени рецепты „спасенія Россіи“ претворявшіеся в жизнь то в видѣ совѣта отказаться совершенно от покровительства родной промышленности, то в формѣ критики пользы желѣзных дорог и вообще капитализма, бюрократія поневоле проникалось извѣстною дозой законнаго предубежденія против радикальной интеллигенціи, требовавшей передачи власти себѣ, не вѣрила в ея силы и способности, боялась за государственныя судьбы страны.

Она поступала, как тот неразумный опекун и воспитатель, который держит ребенка слишком долго в пеленках, а затѣм удивляется, что ребенок „все еще не ходит“.

В один прекрасный день ребенок, став взрослым и сильным юношей, разорвет пеленки, и вмѣсто того, чтобы прислушаться к совѣтам опытнаго наставника, разсерженный этой нелѣпой системой воспитанія, выбросит из окна дѣтскіе костюмы и самого наставника и долго будет полунагим бродить ощупью без знаній, пока жизнь не научит послѣ длинной цѣпи неудач понять значеніе всякой вещи в мірѣ, всякаго института в человѣческом обществѣ.

Лишенные знаній пріобрѣтают их в практической жизни лишь цѣной больших жертв, многих неудачъ и тяжелых расплат.

Бюрократія не захотѣла или не смогла превратиться в мудраго совѣтника народа на тот случай, если бы ему была дарована политическая свобода.

И ребенок, возмужав, начал рвать пеленки, а с ними калечить и собственное тѣло. Когда народо-вольческая партія послѣ убійства императора Александра II сошла со сцены в результатѣ проявившейся в самом русском обществѣ реакціи, революціонное под-

поле заполнила вскорѣ новая революціонная группа — социал-демократы, — марксисты. Главой и учителем их явился дворянин Плеханов. Социализм Плеханова был пропущенными началами, чѣм анархизм Бакунина и его учеников-народовольцев; его учение было чистым западничеством, здраво расцѣпывающим политическіе и аграрные недуги тогдашней Россіи. Плеханов доказывал необходимость раскрѣпощенія крестьянства от опеки общины и помѣщика, развитія капитализма, учитывал трезво политическую обстановку и экономическія условія, но его программа передачи крестьянам земельных „отрезков“ показалась его ученикам слишком узкой, его методы борьбы с самодержавным режимом слишком нерѣшительными, и в результатѣ внутрипартиіной борьбы большая половина Росс. соц. демокр. партіи из западной превратилась в партію большевиков, воспринявшую значительную долю старо—народнических бакунинских построений революціоннаго утопическаго социализма, во главѣ ея стал другой дворянин—Ленин.

На русской почвѣ, видимо, социализм иным быть не мог, его предтеча и антипод—капитализм—был еще слаб и хил, щеголяя в пеленках бюрократической опеки, он не имѣл времени пересоздать духовный склад русскаго чловѣка,

Политическая исторія Россіи двадцатаго вѣка почти цѣликом связывается с именем социализма.

В глазах народной массы только социалисты показали себя безстрашными борцами за право на чловѣческое существованіе, за народную свободу; только они боролись и гибли, прочіе были простыми зрителями.

Политическая борьба в Россіи приняла бы, вѣроятно, иной характер, если бы русскіе либеральные

круги показали себя болѣе энергичными, болѣе смѣлыми, явились бы на арену исторіи как единая сплоченная партія.

Однако вплоть до эпохи 1904—1905 г. г. такой партіи не было, и все живое, все то, что не мирилось с уродливой Россійской дѣйствительностью и искало борьбы и подвига во имя освободительных идей, ушло в нѣдра социалистических партій и кружков.

Русских либералов в западно—европейском смыслѣ этого слова не было в тѣ моменты, когда в глубинах жизни ковались новыя формы русскаго правосознанія. Когда же грянул первый гром революціи и появился манифест 17 Октября, россійскій „либерализм“ выявился в октябризмѣ,—этой малочисленной группѣ Гучкова. Ея стремленіям поддержать октябрьскую конституцію, завоеванную не ея усилями, не доставало авторитета, она не выросла в процессѣ борьбы за свободу, как младо—турецкая партія, с которой ее часто в тѣ годы сравнивали, она не имѣла и мужества в отстаиваніи ясно осознанной своей собственной политической программы.

Называя себя монархической, она в лицѣ своего лидера А. Гучкова в критическій для монархіи час 1915—17 г. и дальше в момент отреченія императора Николая II не поймет великих опасностей для государства мѣнять во время величайшей войны формы правленія и убѣждая послѣдняго царя отречься от престола, ничего не предпримет, чтобы сохранить монархическій строй.

Кто такіе были ка дэ?

Были ли Милюков, Кизеветтер, Шингарев и др. дѣйствительно конституціонными демократами.

Названіе, конечно, еще ничего не говорит,

Творцы партіи, давшіе ей это имя, не были убѣжденными конституціоналистами, как октябристы не были подлинными монархистами.

В ка—дѣтском катехизисѣ, редактированном Киселевым и покойным Кокошкиным, совершенно опредѣленно признавалось, что в сущности строй республики и парламентарной монархіи такой как Англія по основным положеніям мало чѣм отличается друг от друга, и что поэтому партія включает в себя и тѣх и других: и республиканцев, и конституціон.—монархистов.

Профессора, редактируя „катехизис“, забыли одно,—что они не читают объяснительныя лекціи по государственному праву, а создают партію, общество людей для защиты опредѣленных идей. Гонимая за угодобленіем и компромиссом, они впали в самый опасный оппортюнизм, заранее обрекая себя на будущія пораженія при поединках с болѣе послѣдовательными противниками.

Из фактора, творящаго исторію, оцѣнивающаго значеніе опредѣленных идей, лозунгов, партія ка—дѣ превращалась в тростник, колеблемый в разные стороны революціонной бурей.

Тѣ же люди на протяженіи одного года то стоят на монархической платформѣ, то отвергают ее и становятся республиканцами, отбрасывая попутно и старое свое названіе.

Принцип переносится в область татики.

Еще менѣе послѣдовательнаго либерализма проявила партія в своей соціальной программѣ.

При образованіи ея эклектики созидатели не могли отрешиться от соціалистических увлеченій русской интеллигенціи, они в своих програмных построеніях опредѣленно указывали, что в состав партійной орга-

низации входят также и тѣ социалисты, которые стоят на платформѣ, утверждающей, что ранѣе приходится говорить о политическом устроении государства и завоеваніи политических свобод, а уже послѣ—о социализмѣ.

Таким образом самая вліятельная интеллигентская партія Россіи в сущности была блоком республиканцев и социалистов с одной стороны и демократов—не социалистов и конституціоналистов с другой.

Ясно из всего предыдущаго, что в этом блокѣ должны были вскорѣ возобладать социалистическіе элементы.

Партія ка дѣ по своей программѣ и была, конечно, болѣе социалистической, чѣм демократической.

В рабочем вопросѣ она цѣликом восприняла программу—минимум соц.—демократов—меньшевиков, а в аграрном пошла дальше, требуя передачи всѣх не крестьянских земель в государственный земельный фонд за справедливое вознагражденіе, а не только „отрезков“.

Своей пропагандой принудительнаго отчужденія частнаго землевладѣнія она много способствовала укрѣпленію мненія в цѣлительность утопическаго способа разрѣшенія аграрной проблемы.

Центр вопроса стоял, конечно, не в том, слѣдует ли землевладѣльцам платить за землю или нѣтъ, тѣм болѣе что самое выраженіе ка-дѣ программы—„по справедливой оцѣнкѣ“ могло быть трактуемо самым разнообразным способом в соотвѣтствіи со вкусами cadaго;

а в том характерѣ насильственнаго отчужденія, который сам по себѣ разрушал нормальныя понятія о правѣ и собственности, ставя над ним интересы цѣлесообразности.

Разрушая понятія права собственности в сферѣ аграрныхъ отношеній, непослѣдовательно было остановиться на полу—пути.

Если насильственное отнятіе земель у частныхъ землевладѣльцевъ было полезно крестьянину, если оно улучшало его благосостояніе, то почему нельзя было бы продѣлать того же и по отношенію фабрик и заводовъ.

Развѣ передача ихъ рабочимъ не казалась полезной и желательной для послѣднихъ?

А затѣмъ чѣмъ разнится положеніе землевладѣльца, получающаго земельную ренту с помѣстья, от положенія домовладѣльца, стригущаго купоны со своихъ жильцовъ.

И развѣ не будетъ также справедливо отобрать не только фабрики и заводы, но и дома и вообще всякую собственность, всѣ орудія производства от ихъ владѣльцевъ?

Есть принципы, перейдя которые, уже невозможно ни на чемъ дальше остановиться. Утеревъ равновѣсіе, отдѣлившихъ от почвы права и сознанія соціальнаго значенія института собственности, партія отреклась тѣмъ самымъ от основы западно—европейскаго либерализма, отождествила себя с соціально—революціонными элементами и тѣмъ обрекла себя на неустойчивое положеніе балансирующаго на канатѣ человѣка, рискующаго свалиться при малѣйшемъ нарушеніи равновѣсія, при самомъ слабомъ сотрясеніи.

Европейская война оказалась потрясеніемъ далеко не слабымъ, она могла сломить и болѣе мощные организмы, нѣмъ русскія политическія партіи, слишкомъ недавнія, чтобъ накопить опытъ, выковать тактическое орудіе борьбы, создать подлинныя устойчивыя убѣжденія.

Впрочем русская интеллигенція почти всѣх направлений сходилась именно в том пунктѣ, который открывал широкую дорогу соціальному утопизму.— „Если И. С. Аксаков благословлял счастливую отсталость Россіи, то наши субъективисты (Н. К. Михайловскій) и народники (А. И. Герцен, землевольцы, Юзов, В. В. и другіе) настойчиво доказывали, что Россія может, и в виду печальнаго опыта Зап. Европы, должна, миновать капиталистическую форму развитія и сразу перескочить в соціалистическую“ (Плеханов).

Соціалистическій „опыт“ большевиков, таким образом, не являлся их „благопріобрѣтенной“ болѣзью, он был болѣзью унаслѣдованной. Когда вожди большевизма появляются на русской политической аренѣ, они находят почву вполне подготовленной; в самом существенном пунктѣ их взгляды мало кто и оспаривает. Старый поборник марксизма Г. В. Плеханов наклонѣ своих дней вынужден был видѣть, как созданная им рос. соц. демокр. партія вновь превращается в партію нечаевцев, как сцену политической жизни, казалось бы, возрожденной к новой жизни Россіи все болѣе занимает воскресающій утопизм, одѣтый в псевдо—марксистскіе ризы большевизма. Идейная битва выиграна еще до сраженія. „Великій соціальный опыт“ был предрѣшен задолго до 1917 г., во дни послѣдняго спор шел лишь о том, кто его будет осуществлять,—Чернов или Ленин.—соціал—революціонеры или большевики.

Во взаимной бррьбѣ партій побѣда должна была достаться той организаціи, которая была наиболѣе соціалистична, наиболѣе прямолинейна, которая рисковала итти на всѣ крайности и не жалѣла ничего, которая соединяла в себѣ революціонную активность

с упрощенными привычными народу воззрѣніями на собственность и на право, на государство и на закон.

Русская интеллигенція, создавшая политическія партіи, роковым образом должна была испытать страшный урок нагляднаго предметнаго опыта того строя, к которому она стремилась в теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія.

Всѣ партіи от ка—дѣ до соц.—демократов и соц. революціонеров волею исторической Немезиды обречены были на гибель. Им было суждено получить смертельный удар не от реакціоннаго правительства, которое было для того слишком безсильно, а от своих болѣе послѣдовательных товарищей, также социалистов, вчерашних соратников по революціи.

Все отрицающіе россійскіе политики знали и умѣли критиковать, искусству созидать они не успѣли научиться за недостатком времени и примѣненія сил.

Большевистское разрушеніе началось с политических партій.

Онѣ первыя испытали тяжелую руку командора.

Партія большевиков.

„Дай всѣм этим современным высшим учителям (соціализма) возможность разрушить старое общество и построить заново,—то выйдет такой мрак, такой хаос, нѣчто до того грубое, слѣпое и безчеловѣчное, что все зданіе рухнет под проклятіем челоуѣчества, прежде чѣм будет завершено“.

Ф. М. Достоевскій т. 8 стр. 340.

Наше интеллигентное образованное общество отличалось необычайной оторванностью от практической жизни и слабой волей, и когда на долю этих непрактичных интеллигентов типа князя Львова или Керенского выпала неожиданная великая удача вести государственный корабль в момент революціоннаго шторма, они обратились к практикѣ „непротивленія злу насиліем“ или метались из стороны в сторону, мечтая утишить бурю словом.

Было бы однако же несправедливо и даже смѣшно приписывать весь пассив государственнаго баланса Россіи 1917 г. бездарности Львова и Керенского, как то пытаются дѣлать нѣкоторые дѣятели революціи.

Обѣ эти фигуры русских „жирондистов“ типичны для всего пред—революціоннаго періода русской исторіи, онѣ—квинт—эссенція русской интеллигенціи, онѣ были возведены на свои посты обще—признанным избраніем, иных фигур тогда ни Государствен-

ная Дума, ни Совѣты не выдвинули. Это были, видимо, „лучшіе“ люди того періода, который с треском захлопнулся 7 ноября того же года.

К этим двум дѣятелям, как и вообще ко всѣм русским интеллигентам, болѣе всего может быть примѣнима слѣдующая характеристика жирондистов:

— „Они работали в политикѣ чувством и фантазіей, были паркетными дипломатами, дрожавшими перед тѣми элементами, которые служат необходимым рычагом при созданіи дѣйствительной демократіи.

„Они не умѣли употреблять в дѣло всякое средство, а дѣйствовать энергично им мѣшали колебанія из стороны в сторону. В рѣшительную минуту они представляли горсть офицеров покинутых своим войском, на произвол судьбы.“

(Л. Гейссер. Ист. франц. револ.)

Нужными для революціонера качествами обладал не Керенскій,—этот пустой и честолюбивый фразер, а Ленин.

Только этот послѣдній обладал ясной оцѣнкой перспективы революціи, один он из всѣх революціонных вождей был увѣрен в своей побѣдѣ, только он был социал—революціонером в привычном русском стилѣ—до предѣла,—требуя абсолютнаго немедленнаго уничтоженія всякой собственности.

И в то время как русская либеральная буржуазія боялась призрака кровопролитія, от первых дней переворота боялась одна взять в свои руки власть и стоя в оппозиціи к социалистам, все же не поддержала выступленія Корнилова, питая конституціонныя иллюзіи, надеясь, что положеніе спасет Учредительное Собраніе, Ленин вскорѣ же послѣ неудачи выступленія Корнилова в обращеніи от конца сентября на имя

Центральнаго Комитета Р. С. Д. [большеви́ков) писал:

„Перед нами всѣ предпосылки успѣшнаго возстанія, только наша побѣда положитъ конецъ измучившимъ народъ колебаніямъ“.

В другомъ письмѣ [„Письмо товарищамъ отъ 16-17 октября 1917 г.“] убѣждая поднять возстаніе, Ленин между прочимъ пишетъ:

Выхода нѣтъ, объективно нѣтъ, не можетъ быть кромѣ диктатуры корниловцевъ или диктатуры пролетаріата“.

(т. XIV ч. II Собр. Соч. Н. Ленин)

Русскій большевизмъ съ его категорическими лозунгами, обѣщавшій народу, „все и сразу“ безъ долгихъ напряженныхъ усилій эволюціонныхъ процессовъ, манившій разъ на всегда дать обезумѣвшему отъ четырехлѣтней кровавой войны человѣчеству миръ, хлѣбъ и счастье, казался многимъ неотразимо привлекательнымъ.

К большевикамъ пристали солдаты, которымъ надоѣло убивать и рисковать своею жизнью во имя торжества какихъ то неясныхъ или вредныхъ для Россіи идей вродѣ „самоопредѣленія націй“.

К большевикамъ пристали всѣ неудачники и недоучки, которые питали къ интеллигенціи зависть и думали, что революція должна привести не только къ смѣнѣ авторитета власти но и къ уничтоженію авторитета знанія, опыта и науки, которые мечтали из жалкаго положенія до—революціонныхъ илотовъ превратиться въ членовъ великой партіи, обновляющей вселенную...

К большевикамъ пристали и многіе изъ недовольныхъ, обиженныхъ судьбой и самодержавнымъ строемъ интеллигентовъ—полупролетаріевъ.

Живя в постоянной нищетѣ, чувствуя непрерывно гнет властей, оторванных от народа, поэтому неавторитетных, не имѣя никакой будущности, как могли эти люди не мечтать о новом справедливом строѣ!

И, конечно, не через сто—двѣсти лѣтъ, „когда созрѣют объективныя предпосылки“, как тому учили соц. дем. меньшевики, ибо ждать значило бездѣйствовать или ограничивать и ограблять свою мечту.

Что могло их остановить на этом пути?..

С молодых лѣтъ им внушали на словах и на письмѣ, что собственность—кража, что отнять у помѣщика землю—справедливо, что это предписывает социализм, что такое отнятіе в сущности даже и самому помѣщику не повредит, ибо новый социальный порядок даст возможность всѣм жить в довольствѣ и любви.

Но... для этого необходимо произвести маленькую операцію в видѣ социальной революціи.

Это слово их не пугает. Если можно отнять без вознагражденія землю у помѣщика или частнаго владѣльца, быть может, только вчера купившаго эту землю на вырученныя от продажи фабрики деньги, то почему нельзя отобрать фабрики, заводы, всѣ орудія производства?..

Развѣ нельзя было сослаться на принципы французской революціи, пред которой наши современники так преклонялись?

Развѣ К. Демутэн в одной из своих рѣчей в Палэ—Роялѣ в 1789 г. не восклицал: „Раз животное в западнѣ, убейте его. Никогда подобная богатая добыча не доставалась побѣдителям. Сорок тысяч дворцов, отелей. Двѣ пятых имущества всей Франціи“.

Монархія пала. Буржуазный звѣрь попал в разставленную им же западню, и его имущество должно было быть наградой побѣдителей...

Соціалистическія лозунги XX вѣка освящали принцип всеобщаго ограбленія, они придавали ему нѣкоторое приличіе, не мѣняя, конечно, сути дѣла.

Рабочіе были заинтересованы в націонализациі промышленности, по своему понимая этот замысловатый термин, как передачу заводѣв и фабрик лично им, рабочим, в раздѣл.

Впослѣдствіи через восемь лѣтъ коммунисты попытаются свалить на эс.—эров обвиненіе в „потребительском соціализмѣ“, им стоитъ будетъ большихъ усилій внѣдрить в умы рабочихъ мысль, что фабрика—завод не достояніе и удѣл рабочихъ, а государственное предпріятіе,—дѣло всего народа, процвѣтанію коего они—рабочіе—должны всемѣрно содѣйствовать; работать и создавать, а не расхищать и распредѣлять между собой „по ѣдокамъ“ заводскіе товары и имущество...

К большевикам, наконецъ, присоединились многіе не русскіе элементы, которыхъ привлекала идея „свободы сепарациі“.

Историческое угнетеніе національностей окраин, в общемъ политически болѣе развитыхъ, чѣмъ великорусскій центр, рядъ обид и такихъ безобразныхъ явленій, какъ еврейскіе погромы, не могли не провести рѣзкой грани между прошлымъ и настоящимъ.

Быть можетъ, благодаря столь значительному участию в революціи представителей иныхъ племенъ, чѣмъ русское, октябрьская революція пріобрѣла столь враждебный прошлой исторіи Россіи характер. Только рука вчерашняго едва терпимаго полу—гражданина, озлобленнаго, несущего лишь тяготы гражданства, но

не его права, низвергла памятники прошлого, волочила с гиком и свистом по улицам городов монументы истории, стерла с географической карты имя Великого Основателя нашей столицы.

Только она посягнула даже на то, на что в свое время не мыслили посягнуть ни Анахарсис Клодц, ни Марат ни прочие фантасты французской революции — на самое имя государства, насчитывавшего болѣе тысячи лѣтъ существованія, великих дѣл, внушающих удивленіе историкам, государства коему эти полуиностранны были во всяком случаѣ пріютом, если не гостепріимством, и гдѣ они расположились как завоеватели.

Имя Россіи, как цѣлаго, перестало существовать, оно стало удѣлом части, наравнѣ с Закавказскими республиками и Узбекистаном. Впрочем, в началѣ революции до таких крайностей большевики не доходили. Сам Ленин, — этот реалист в своем утопизмѣ при жизни не предполагал мѣряться с Петром Великим и „октябрить“ своим именем города и улицы. Идолопоклонством занялись его эпигоны лишь послѣ его смерти.

Революцію в октябрѣ продѣлали города, но она могла совершиться только благодаря сочувствію деревни. Деревня в это время шла уже на штурм помѣщичьих усадеб, ждаль Учредительнаго Собранія она не хотѣла и готова была признать всякую партію, всякую власть, которая узаконяла земельные захваты.

Таким образом за февралем пришел октябрь.

Радикальныя партіи Россіи хотѣли бы изобразить исторію октября, как коренную ломку февраля, однако эта концепція является умышленной или бессознательной ошибкой.

Анархію нес не большевизм, как политическая партія. Анархія, безначаліе и разнузданность толпы вторглись в русскую жизнь одновременно с февральской революціей. Власть так называемаго „Временнаго Правительства“ была совершенно призрачной, и в этом повинна была лишь в малой части бездарность его представителей, безконечно большее значеніе имѣло то обстоятельство, что разлитыя в народѣ большевистскія наклонности и объективныя предпосылки сказывались во всѣх сторонах жизни.

Жизнь и имущество отдѣльных граждан до октября 1917 г. были не болѣе обезпечены от эксцессов, чѣм и послѣ.

Большевики лишь развязали инстинкты толпы и дали им пищу, в дальнѣйшем они окончательно оформляют их, приводят в систему, составляют из себя штаб.

Создать все движеніе десяти тысячам коммунистов было, конечно, не по силам, да этого и не нужно было.—

— За них работала сама прошлая исторія Россіи...

Октябрь восторжествовал при ничтожном сопротивленіи групп юнкеров, студентов и части интеллигенціи.

Мечта долгих десятилѣтій сбылась... Соціалисты были у власти.

Мір и Россія зацвѣтут!—не через сто—двѣсти лѣт, как мечтал Чехов, или как учили эти педанты—меньшивики, а скоро, скоро...

„Завтра“ стало „сегодня“

„Всемогущій принцип, поселившись в мозгу, который не может вмѣстить и двух идей. дѣлается холодной и яростной маніей, жестокой и в уничтоженіи прошлаго, которое он проклиняет, и в водвореніи царства Божія, которым она занята, узаконяющей диктатуру. И все это для того, чтобы привести к противорѣчивому соціальному строю, напоминающему то вакханалію бѣсновнатых, то спартанскій монастырь, все для того, чтобы подставить вмѣсто человѣка живого, медленно созданнаго исторіей, выдуманнаго автомата, разрушающаго самого себя, как только внѣшняя механическая сила, вызвавшая его к жизни, перестанет его поддерживать“.

Т э н. „Происхожденіе современ. Франціи“.

Послѣ октября 1917 года прошло уже болѣе девяти лѣтъ.

За послѣднія три столѣтія русскій народ не испытал столь грандіознаго разгрома, и ни одно из живших на протяженіи этого періода поколѣній не вынесло тѣх ужасов и невзгод, какія пришлось испытать поколѣнію, на долю котораго выпало „счастье“ осуществлять соціалистическіе идеалы.

Голод, холод, тьма, подневольный труд, междоусобіе, болѣзни, усиленная смертность от непрекращаю-

щихся эпидемій, грязь и вши превратили на пять лѣтъ страну в какое то царство отверженных...

Когда люди от голода стали пожирать друг друга, настала пора новой экономической политики „Н э п ‘ а “.

Пятилѣтній „исправительный дом“ для соціально-помѣшанных—такова была философія исторіи этого мрачнаго періода.

Пять лѣтъ „заключенія“ для русскаго народа закончились, но и послѣ того он еще не на свободѣ,—он только на испытаніи—так сказать с каторги переведен на поселеніе...

И время, слѣдующее непосредственно за введе-ніем „Нэп‘а“ еще очень тяжело для населенія былой Россіи.

Всюду—нищета, голод, холод и безработица. В массах нѣтъ и слѣда проснувшагося національнаго самосознанія, враждебныя чувства отдѣльных слоев населенія друг к другу еще не улеглись, гнет власти часто невыносим, налоги—грабительскіе.

При всем том страна начинает медленно оправляться от столь продолжительной, поистинѣ застарѣлой пятидесятилѣтней болѣзни—разсѣивается обманчивый мираж соціалистическаго утопизма.

Впервые интеллигент—мечтатель и соціалист волею исторіи призван был править Россіей. Судьбы величайшаго государства, созданнаго кропотливыми трудами и жертвами безконечных поколѣній народных масс всецѣло были отданы под власть „разума и совѣсти“ современнаго соціализма. Какіе гордые замыслы и какой по истинѣ жалкій финал! Когда зданіе рухнуло в 1921 году при звуках выстрѣлов кронштадтских матросов,—этих недавних гвардейцев „сѣ-

верной коммуны“,—его, быть может, не проклинали человечество, как того ожидал Ф. М. Достоевский (для того оно оказалось слишком неповоротливым и тупым), но зато его могильщиком был сам его творец—Ленин. Еще так недавно он извлек из революціоннаго архива этого коммунистическаго маньяка, обрядил его в современное платье, и он же спѣшно готовил ему похоронный наряд в обрядѣ „нэп’а“. Какими путями, какой страшной цѣной дошел вождь коммунизма до отрицанія того, что он провозглашал еще так недавно абсолютной истиной, мы едва ли скоро узнаем, ибо его ученики по весьма понятным причинам не расскажут нам никогда исторіи этого страшнаго отступленія фантаста или расскажут легенду.

Пышныя и хитрыя фразы о „передышкѣ“ и о будущем новом наступленіи на капитализм были придуманы им лишь для толпы, сам „апостол“ не мог не пережить глубокой внутренней драмы человека, вынужденнаго признать хотя бы только перед своей совѣстью, что он завел повѣрившій ему народ не в прекрасную заоблачную высь, как завел пророк Ибсена, а в непроходимое болото.

Если этот процесс мысли вождя сейчас еще не стал ясен для нас и безспорен, то он выявляется уже вполне опредѣленно в поступках его учеников. Усталость, разочарованіе, невѣріе все сильнѣе накладывают свою печать на убѣжденія членов коммунистической партіи, убивая ея единство. Сама партія, ранѣе требовавшая от своих членов лишь подвига, двигавшаяся фанатической вѣрой ея адептов, становится органом правительства, раздает награды, теплыя мѣста, принадлежность к ней дает власть и деньги. Неудивительно, что в ея ряды проникают все в боль-

шем числѣ авантюристы и карьеристы, которых торговля убѣжденіями не отталкивает, а привлекает. Наблюдаются случаи даже массовых переходов в состав коммунистов цѣлых организацій. Таким образом на-
примѣр вступила в их ряды цѣликом еврейская пар-
тія бунда, ранѣе стоявшая на соц.—демокр. плат-
формѣ. Сама собой понятна относительная цѣнность
такого массоваго обращенія в момент, когда комму-
низм торжествовал свою побѣду внутри страны.
„Обращеніем“ двигал расчет, а не вѣра. Коренная
русская интеллигенція в это время уже переживала
другой процесс...

Ф. М. Достоевскій, говоря о том, как он исцѣ-
лился от соціалистических увлеченій юности, об'ясняет
это слѣдующим:

„Не годы ссылки, не страданія сломили нас...
Наши убѣжденія лишь поддерживали наш дух соз-
наньем исполненнаго долга“. Дѣйствовало другое—
„это нѣчто другое—было непосредственное соприко-
сновеніе с народом, соединеніе с ним в общем не-
счастьи, понятіе, что с ним сравнен и даже прирав-
нен к самой низшей ступени его“ (Дн. Писат.
стр. 342).

На каторжных нарах сибирских острогов великій
психолог русской души понял ошибки свои, как ин-
теллигента; опустившись на дно общества, он изба-
вился тѣм от подавлявшей молодой ум психологіи
кающагося дворянина, и общность страданія сблизила
его с народом, открыла ему родник народной души,
народных вѣрованій...

Такой же процесс пережила во время военнаго
коммунизма и переживает частью и сейчас русская
интеллигенція.

В „каторжных“ условіях современной русской жизни, превращенной во „всероссійскій централ“, русскій интеллигент испытывает тѣ же чувства, которыя в свое время были испытаны великим писателем, и этот психологическій процесс идет именно по тѣм путям, по которым он шел у послѣдняго, по путям отказа интеллигенціи от прежних увлеченій соціализмом, по путям духовнаго объединенія с народной массой, трезваго и простого взгляда на жизнь, — словом в сторону національнаго возрожденія.

Интеллигентская мечтательность еще ютится на столбцах официальной прессы, но утратила всякую привлекательность, превратившись в официальную казенную риторiku. Печать утопизма лежит на эмблемах власти, но недавніе пророки его, став у правительственнаго руля, столкнувшись с дѣйствительной жизнью и ея законами, все болѣе склоняются на дѣлѣ к катадер—соціализму, заражаясь от сохи и фабричнаго станка, от общенія со „спецами“ извѣстным практицизмом.

Вчерашній фанатик теоріи „поравненія“ Бухарин, ставившій в 1921 году государству задачу „сбивать головки у середняков—крестьян, превращать их в пролетарскую бѣдноту, выбрасывает лозунг—„обогащайтесь“.

Экономическіе органы коммунистов печатают длинныя статьи, доказывающія необходимость усиленія темпа накопленія населеніем капиталов и пытаются поднять довѣріе массы к государственным сберегательным кассам.

На словах в правящих кругах по прежнему на всѣ лады склоняется слово соціализм, по прежнему „с клятвой и біеніем в грудь“ утверждается положеніе, что „н э п“—это лишь передышка, переходная к

подлинному социализму форма, но эти клятвы и заявления звучат, как казенная отписка, в них нѣтъ и тѣни былой вѣры, былого энтузіазма.

Пять лѣтъ борьбы и смертельных опасностей и лишений вытравили пафос. Слова произносятся прежнія, но убѣжденіе исчезло. Вернуться добровольно в „всеобщій дом для помѣшанных“ ни у кого нѣтъ охоты.

Сами официальные истолкователи „Н э п ‘ а “ плохо ѡбъяснят в слова бодрости, свои предсказанія, удивительно ли, если их рѣчи звучат по казенному и „истины“, будучи произнесены, убѣждают лишь наивных простецов...

Приниженная, лишенная привычных своих вожаков и отдѣленная от всего міра заставами политической полиціи масса, чувствуя тягости жизни, не сразу отдает себѣ отчет в том, кто сдѣлал из жизни тюрьму, а из труда каторгу,

Она оглушена еще громкими выкриками официальных клакеров и хвалителей, непрестанно повторяющих, что всѣ бѣды жизни—продукт „бѣлогвардейских замыслов“ и происков „империалистов всѣх стран“.

Кампанія „логики“ и поход „здраваго смысла“ начинается не гдѣ нибудь, а из среды самой коммунистической партіи.

В ея средѣ, в средѣ самих коммунистических лидеров находится ряд лиц, осмѣливающихся заявлять, что государственная промышленность СССР является не социалистической, а чисто капиталистической. Под подозрѣніе берутся самыя основы ленинизма, создается раскол.

Его создает не кто другой, как Троцкій, Зиновьев, Каменев, Пятаков, Преображенскій, его поддержи-

вают десятки других менѣ замѣтных для большой публики имен.

Движеніе, начатое ближайшими сподвижниками Ленина, то вспыхивает, то затихает. Оно рѣдко проявляется наружу, оно, как ржавчина, разъѣдает организм господствующей партіи, лишая ее внутренняго единства. Будучи официально побѣждено уже не раз, оно продолжает жить, привлекая к себѣ все новых адептов, из явнаго дѣлается подпольным и тѣм болѣе опасным. Но этого мало, в партіи нашлись люди, которые прямо и рѣшительно заявили, что совѣтская власть в настоящее время должна являться властью рабочих и крестьян, то есть просто демократической, почему от принципа диктатуры пролетаріата слѣдует отказаться. Правда, автор послѣдняго предложенія Оссовскій за ересь исключен был из партіи, но такія мнѣнія среди членов послѣдней не являются единичным явленіем.

Под подозрѣніе критической мыслью партійцев таким образом взяты основы большевизма „диктатура пролетаріата“, „соціализація промышленности“.

И чтобы доказать свою соціалистическую сущность совѣтская власть борется с привидѣніями, усиленно выселяя бывших помѣщиков с обрабатываемых ими клочков земли, организует процессы против бывших полицейских и контр—революціонеров, и заказывает длинныя статьи в официальной прессѣ, гдѣ утверждается как дважды два, что усиленіем государственной фабрично—заводской промышленности создаются предпосылки соціализма

А в это же самое время, как отмѣтил Н. Суханов *) вмѣсто пролетарских кадров, организоваанных в процессы сельско—хозяйственного производства, коммунисты

*) „К вопросу об Эволюціи сельскаго хозяйства“.

уже в період непосредственной борьбы за социализм имѣют перед собой огромныя массы мелких собственников, распыленных, реакціонных, враждебных социализму“.

Крестьянин, получив часть земли, усиленно ее раздѣляет по дворам и отрубам и все яснѣе отдает себѣ отчет в том, что власть, при которой он получил прирѣзку, его безжалостно обсчитывает, обмѣривает и не доплачивая на хлѣбѣ, отбирает от него остатки сначала налогами, а потом „торгами“, что, слѣдовательно власть эта для него, крестьянина, невыгодна.

Конечно, он не испытывает никакой нѣжности ни к дѣтелям стараго режима, ни, тѣм болѣе, к помещикам и ни мало не мечтает о их возвращеніи, но может встрѣтить благопріятно всякую попытку замѣнить диктатуру коммунистической партіи всякой иной диктатурой, при которой интересы крестьянства играли бы первенствующую роль в государствѣ.

До войны, в пятидесятилѣтній интеллигентскій період русской исторіи образованными кругами нашего общества был утерян смысл отдѣльных производящих классов общества, как факторов положительнаго значенія.

Торговля отождествлялась со спекуляціей и воровством, фабрикант предприниматель был в глазах интеллигента кровопійцей, высасывающим кровь из рабочих, строитель желѣзной дороги или учредитель банка—эксплоататором и ростовщиком и т. д.

В этих наивных представленіях причудливо сливались в одно цѣлое дворянское міровоззрѣніе натурального періода хозяйства с радикальными воззрѣніями Запада.

Значеніє для всей страны усиленія индивидуальной підприємчивости, значеніє класса підприємателей для развитія народнаго хозяйства совершенно не понималось.

Революція, как и во всѣх других областях русской жизни лишь завершила этот період, довела его до абсурда и наглядно показала народу, что произойдет с обществом, если уничтожить класс підприємателей, купцов, заводчиков, строителей и банкиров, если умственный труд подчинить физическому.

Революція и должна длиться неизбежно до тѣх пор, пока весь русскій народ с низу и до верха не поймет своей ошибки, не осознает, что социальная структура современнаго общества неизбежно требует участія в процессѣ производства цѣнностей не только одного рабочаго, но и организатора—предпринимателя, капиталиста, полномочных специалистов, торговца крупнаго и мелкаго, банкира и власти, не мѣшающей в хозяйственные процессы или по крайней мѣрѣ не вмѣшивающейся до извѣстнаго предѣла.

В этой сферѣ психологическій переворот в народѣ несомнѣнен. Прогресс сказался не только в самом явленіи Нэп'а, допустившем существованіе (хотя по идеѣ и временное) торговца, промышленника, банкира, сказывается не только в признаніи необходимости спеца, но и в рядѣ фактов болѣе поздняго происхожденія.

Как извѣстно, новая оппозиція в лицѣ Троцкаго—Зиновьева носит ретроградно—лѣвый характер, остріе ея критики направлено в сторону ускоренія индустриализаціи страны путем примѣненія нѣкоторых мѣр, напоминающих эпоху военнаго коммунизма, и тѣм не менѣе оппозиція в области обмена выдвигает

требованіе передать торговлю в руки частника и кооперации, отказавшись от системы торгов.

Очевидно, опыт гос—торговли с ея взяточничеством, безпомощной глупостью и роготѣйством показал лѣвым коммунистам, что они, несмотря на завѣтъ Ленина—„учитесь торговать“ этого завѣта не выполнили и выполнить не в силах...

Впрочем дѣло вовсе не в том, что коммунисты не учатся или не хотят научиться торговой премудрости.

Суть в том, что самое свойство торгово—промышленной дѣятельности требует настолько напряженной, гибкой и подвижной работы, проявленія столь значительной инициативы и независимой личной энергии, что ни один государственный или кооперативный аппарат за частным предпринимателем и купцом в этой сферѣ угнаться никак не может.

Истина эта как будто стала ясна для коммунистической оппозиціи в области торговли, она уясняется все болѣе для народа в приложеніи ко всѣм прочим областям русской экономической жизни.

Когда государственная власть болѣе или менѣе независима от непосредственных производственных процессов, она до извѣстной степени имѣет возможность стать регулятором взаимоотношеній между предпринимателем и рабочим.

Она ограждает жизнь и здоровье рабочаго, пресѣкает возможность крайней эксплоатации труда капиталистами, разрѣшает рабочим самооборону в видѣ стачек. Частных предпринимателей много, они конкурируют друг с другом и уволенный из одного предпріятія рабочій имѣет возможность устроиться в другом.

Но вот всё предприниматели ликвидированы, всё предприятия сосредотачиваются в одних руках всемогущаго и всепроникающаго государства или общественных организаций. Рабочіе объявлены владыками государственной власти, фабрик, заводов, им сказано: „ты не раб, ты властелин судьбы“ (Надсон)

Когда проходит „пафос борьбы“, и „революціонныя завоеванія“ удержаны, когда настают рабочіе будни, „властелин судьбы“ начинает оглядываться кругом и видит дѣйствительность, очень непохожую не только на мечты, но и на недавнее проклинаемое прошлое.

В годы военнаго коммунизма он имѣл право получать лишь голодный паек вмѣсто заработной платы.

В годы „Н э ' п а“ он лишен права стачек, вновь превратившихся, как и 50 лѣт назад в политическое преступленіе и не имѣет работы.

Количество безработных все растет, на 1 іюня 1926 г. по совѣтским официальным данным оно достигло цифры 1.114.260 человек, в том числѣ квалифицированных рабочих 111798 и полуквалифицированных 99229. При общем числѣ рабочих около $2\frac{1}{2}$ миллионов человек, это даст на каждых 25 работающих 11 безработных.

Итог для „соціалистическаго“ государства далеко неутѣшительный.

В самой Москвѣ безработных на 1 Сентября 1926 года насчитывалось 141417 человек, тогда как еще год назад их там было всего 116326 (Эконом. Жизнь № 230 и 232 за 1926 г.).

Эти числа, по крайней мѣрѣ, для столицы показывают рост безработицы.

Отчеты совѣтских газет о засѣданіях так называемых „производственных совѣщаній“, этих своеобразных фабричных парламентов, приподнимают иногда завѣсу порядков, царящих на совѣтских фабриках, и характеризуют настроенія рабочих.

Отзывы рабочих в подавляющем большинствѣ указывают на хаос и безхозяйственность, крайнюю нераспорядительность администраціи, непроизводительную растрату труда, чрезвычайную изношенность машин и проч. Во главѣ заводов и фабрик стоят коммунисты, как организаторы совершенно неопытные и в большинствѣ вообще невѣжественные люди; к тому же, будучи непрестанно переводимы с одного предпріятія и производства на другое, они не могут накопить опыт, если бы и были к тому способны. Рабочіе корреспонденты сообщают из этой области факты совершенно невѣроятные в иных, не совѣтских, условіях. Дѣло доходит иногда до того, что благодаря атрофіи распорядительности администраціи, рабочіе нерѣдко бывают заняты производительным трудом всего три часа в день вмѣсто восьми.

Подобные же безотрадные выводы дѣлает из обозрѣнія совѣтских фабрик норвежская рабочая делегация, посѣтившая СССР в прошлом году.

Покойный Дзержинскій в концѣ 1925 года на съѣздѣ „красных директоров“ констатировал потрясающее паденіе производительности труда, В химической промышленности, на примѣр, гдѣ до войны работал один рабочій, там сейчас работают их три, в кожевенной—два и т. д. и т. под. В то же время издѣлій подобный рабочій штат вырабатывал вдвое меньше, чѣм до войны.

Это паденіе интенсивности труда в очень слабой степени возможно приписать винѣ одних рабочих,

причины приходится искать главным образом в самой „соціалистической“ системѣ организаціи производства. Однако, как только этот вывод становится ясен для рабочих, у них неизбежно пропадает охота к труду; рабочий начинает относиться к дѣлу так же формально, как и администратор, и изыскивает все мѣры к тому, чтобы как можно меньше сил удѣлять этой безрадостной работѣ; столбцы совѣтских газет пестрят сообщеніями о массовых прогулах рабочих. Убытки заводов от них исчисляются сотнями тысяч рублей.

В эпоху „Н э п“ а заработная плата рабочих поднялась. Так в 1924—5 году мѣсячная плата рабочего в среднем по всему Союзу в довоенных цѣнах равнялась 20, 65 рублей, в слѣдующем—24, 6 руб. (В. Громан. Основные черты 1925—26 хоз. года).

Несмотря на нѣкоторое увеличеніе за год, она и до сих пор не может сравняться с довоенной, при том—не всегда аккуратно выплачивается, а паденіе за послѣдній год червонца ставит рабочего еще перед большей угрозой.

В тѣх же производственных совѣщаніях и печати коммунисты проблему повышенія заработной платы в настоящее время ставят в зависимость от повышения производительности труда. Такая формулировка проблемы была бы по существу правильной, если бы производительность фабрик зависѣла только от интенсивности труда.

Так как эти причины кроются в гораздо сильнѣйшей степени в самой формѣ организаціи промышленности, в бюрократизмѣ, называемом „соціализмом“, в невѣжествѣ администраціи, прикрывающемся лозунгами „диктатуры пролетаріата“, в отсутствіи капиталов, объяснимом только войной, провозгашенной капита-

лизму, то, конечно, всякій развитой рабочій считает такую постановку проблемы заработной платы злостной попыткой дальнѣйшей эксплуатаціи его труда и коммунистам его трудно убѣдить в противном, сколько бы они ни рисовали привлекательных картин будущаго переустройства міра. Всякій человек хочет жить сейчас, и чѣм болѣе проходит времени от октября 1917 года, тѣм менѣе в рабочей массѣ остается запаса энтузіазма.

Проблема рабочих жилищ еще тяжелѣе. Жить рабочим становится положительно негдѣ. Коммунисты пытаются облегчить жилищную нужду путем организаціи жилищно—строительной коопераціи, но итоги неутѣшительны. На совѣщаніи текущаго года при В. Центральн. Совѣтѣ Профессіональных Союзов (ВЦСПС) участники констатировали, что „квартиры Центрожилстроя обходятся рабочим непомерно дорого (60-70 рб. в мѣсяц), что % удовлетворенія квартирами ничтожен и что никаких иллюзіій насчет жилищной коопераціи строить нельзя.“ (Экон. Жизнь от 14 Января 1926 г.) Ассигнованія на жилищное строительство из сумм казны, сталкиваясь с отсутствіем средств, далеко недостаточны. И рабочіе донецких копей и заводов за полным неимѣніем жилья ютятся в углах заводов, сараях, спят под машинами и в корридорах; рабочіе городов счастливы, если имѣют площадь в одну квадратную сажень на человека, т. е. только право на койку, стола и стула они уже не всегда могут имѣть. Жизнь заключенных в тюрьмѣ при таких условіях комфортабельнѣе убогой жизни представителей класса „полновластных пролетаріев“.

Картина была бы неполна, если бы не упомянуть про положеніе рабочих в смыслѣ их охраны от не-

счастливых случаев. Судя по советским газетам, это положение крайне печально. Еще недавно на страницах московской „Экономической Жизни“ в отчете о съезде инженеров—строителей докладчик Богданов дал такую характеристику условий труда:

„Даже в капиталистических странах заботятся о положении рабочих, а у нас, если все будет идти так же, как сейчас, то через два-три—года мы перекалчим две трети наших строительных рабочих, особенно при отсутствии лечебной помощи.“*)

В то же время германские наблюдатели, побывавшие в Москве, констатируют, что на частных заводах и фабриках русской столицы, насчитывающих ныне уже тысячи рабочих, вышеописанные отрицательные явления менее заметны. Рабочие на них очень дорожат своим местом и строго соблюдают трудовую дисциплину. С другой стороны, и предприниматели смотрят на рабочих, как на своих ближайших помощников и оплачивают их труд выше, чем на государственных предприятиях.

В результате этих явлений психологический сдвиг в сознании рабочих не может не произойти.

Видимым отражением такого изменения отношений рабочих масс к государственной и частной фабрике явилось образование программы так называемой „рабочей группы“ и усиление в рабочей среде меньшевистских течений, требующих между прочим возвращения фабрично—заводских предприятий их прежним владельцам. Впрочем эти тенденции, судя по сообщениям Бухарина в „Правду“ замечались уже в 1923 году.

*) „Экон. Жизнь“ № 81 за 1926 г.

Положеніе промышленности.

Большевики, придя к власти, получили в наслѣдіе от капитализма громадныя цѣнности.

Промышленность и сельское хозяйство за послѣдній перед войной пятилѣтній період прогрессировали весьма быстро.

Для иллюстраціи этого положенія напомним нѣкоторыя цифры:

Число рабочих, занятых в различных предприятиях всей Россіи в 1913 году достигало 3- $\frac{1}{2}$ милл. человек, для послѣдняго перед войной четырехлѣтія цифры числа рабочих по предприятиям, подчиненным фабричному надзору, рисовались слѣдующим образом:

1910 г.	1952	тысячи человек
1911 г.	2051	
1912 г.	2151	
1913 г.	2319	

Увеличеніе равнялось почти 19% за період.

Общее число предприятий, подчиненных надзору фабрично—заводской инспекціи, равнявшееся в 1906 г. 12903, к 1911 году достигло цифры 16.600, увеличившись за пятилѣтіе почти на 28%.

Добыча каменнаго угля прогрессировала за довоенное четырехлѣтіе в таких размѣрах:

1910 г.	1522	милл. пуд.
1911 г.	1739	
1912 г.	1904	
1913 г.	2214	

Увеличеніе за четырехлѣтіе на 46%

Изъ Донецкаго бассейна в 1913 г. вывезено угля 1291 милл пуд.

Выплавка чугуна в 1910	186 милл. пуд.
1911	219
1912	256
1913	283

Увеличеніе за четырехлѣтіе 52 %.

Если бы коммунисты, получив столь неизмѣримо богатую „добычу“, сумѣли развить промышленную энергію и, возродив производство, двинуть его по пути развитія, измученная анархіей страна, несомнѣнно, многое бы им простила и со многим бы примирилась. Однако же несмотря на величайшія жертвы населенія, этого не призошло.

Сравните колоссальность полученной большевиками от эпохи капитализма добычи с результатами их девятилѣтняго господства при режимѣ полного и безпрекословнаго подчиненія ста сорокамилліоннаго народа, и результаты эти в хозяйственной области окажутся лишь отрицательными.

Реконструктивные и восстановительные со времен „Нэп‘а“ процессы в странѣ сопровождались успѣхом лишь там, гдѣ они не насильовали экономической природы соціальных отношеній,—в земледѣліи, на примѣр, гдѣ мелкій владѣлец земли, не взирая на страшныя стѣсненія в сбытѣ своей продукціи, развил энергичную и плодотворную для всего государства дѣятельность;—в кустарной и мелкой промышленности, гдѣ ту же восстановительную программу выполняютъ индивидуальные производители, преодолювающіе всѣ преграды экономического и политическаго свойства;—словом, там, гдѣ менѣе всего оказываются планирующіе и регулирующіе бюрократическіе эле-

менты власти, гдѣ слабѣе вмѣшательство государства.

Результаты получаются совершенно обратные, если обратиться к разсмотрѣнію достижений крупной государственной промышленности и торговли,

К такому выводу неизбежно должен притти всякій, кто попробует присмотрѣться внимательно даже к тѣм цифрам, которыя ежедневно даются официальной коммунистической прессой и статистикой совѣтских учреждений.

Промышленность СССР в 1926-1927 г. испытывает всѣ благопріятныя послѣдствія двухлѣтняго подряд урожая, и при сравненіи с прошлым 1924-1925 годом замѣтно прогрессировала в отношеніи продукціи.

По официальным совѣтским данным цифры продукціи совѣтской промышленности рисуются слѣдующим образом:

	В черв. рублях	
	1924 25	1925 26
Валовая продукція учитываемаго ЦОС круга предпріятій в млн. рублей.	4.923	7.238
Число рабочих в тыс.	1.510	1.894
Продукція на 1 рабоч. в р. . . .	3.250	3.819
Заработ. плата в мѣс. в бюдж. рубл.	43.5	55.6

Так как червонные рубли имѣют по отношенію к до—военным лишь половинную стоимость, то в переводѣ на довоенные рубли цѣнность продукціи значительно измѣнится, а именно:

	В довоенных цѣнах (*)	
	1924 25	1925 26
Валовая продукція в мил. р.	2.560	3.603

*) „Эк. Ж.“ № 226-1926 г.

Число рабочих в тыс.	1.510	1.894
Продукція 1 раб. в. р.	1.649	1.901
Заработн. плата в мѣс. (в бюдж. р.)	20.65	24.6

По утверждению совѣтских экономистов государственная совѣтская промышленность в 1926 г. заканчивает свой возстановительный процесс, подойдя вплотную к довоенным нормам выработки.

Это утверждение приходится принять с большой осторожностью и во всяком случаѣ далеко не по всѣм отраслям промышленности. По послѣдним наиболее внушающим довѣрія данным конъюнктурнаго института мы имѣем за 1925-26 г. цифры, гдѣ производство еще далеко отстало от довоенных норм. Так добыча каменнаго угля равнялась 1488 милл. пуд., выплавка чугуна 134 милл. пуд., добыча желѣзных руд была равна трети довоенной, число рабочих достигло лишь 1892 тысяч человек и т. д.

Если под термином окончанія возстановительнаго періода—понимать пуск в ход прежних капиталистических фабрик и заводов, то это заявленіе коммунистов будет вѣроятно в общемъ приближаться к истинѣ, но сам по себѣ этот факт еще ничуть не доказывает подъема промышленности на здоровых началах самоокупаемости.

Достичь максимума продукціи пуском промышленнаго предпріятія, когда самый завод или фабрика уже имѣются,—достался как военная добыча революціи, когда на фабричных складах имѣются частью и запасы сырья, добытые таким же „революціонным“ способом, для совѣтской власти не предоставляло непреодолимых затрудненій.

Вложеній в основной капитал не требуется, долгов и амортизаціонных отчисленій платить не прихо-

дится, а необходимый оборотный капитал дает обычно казна в порядкѣ бюджетнаго ассигнованія.

Как ни истрепаны машины, как ни невыгодны для народнаго хозяйства в цѣлом результаты подобной эксплоатации, товарный голод в странѣ столь силен, спрос настолько обширен, таможенные рогатки настолько строги, что продукція самой отсталой в техническом отношеніи фабрики всегда найдет себѣ сбыт.

Но легко понять, что подобное положеніе долго длиться не может, заводы и фабрики Россіи не обновляли своего оборудованія всѣ в теченіи 13 лѣтъ, а нѣкоторые от 13 и до 30 лѣтъ и грозят остановкой, если их не переоборудовать.

Для иллюстраціи этого положенія приведем данныя, оглашенныя на московском теплотехническом съѣздѣ 1926 г. Предсѣдатель съѣзда инженер Шефтель в докладѣ 11 ноября нарисовал чрезвычайно мрачную картину состоянія паровых котлов и вообще всего энергетическаго оборудованія фабрик СССР.

Согласно данным, приведенным докладчиком, по всему СССР имѣется 24,3 тыс. паровых двигателей с общей мощностью 2.773,4 тыс. лош. сил. 21,2 тыс. двигателей внутренняго сгоранія и водяных турбин с общей мощностью 927,4 тыс. л. с. и 191,9 тыс. прочих мелких механических двигателей с общей мощностью 952,7 тыс. л. с. Общая мощность всѣх 237,4 тыс. механических двигателей опредѣляется в 4.650,5 тыс. л. с. Паровых котлов в СССР имѣется свыше 50 тыс. шт. с общей поверхностью нагрѣва около 3.500 тыс. кв. метров.

Распредѣленіе обслѣдованнаго оборудованія по возрасту характеризуется следующими данными: 23 проц. всѣх механических двигателей падает на двига-

гатели, установленные с 1911 по 1916 гг., и двигатели, установленные с 1901 по 1905 гг.; 18 проц.—на двигатели с 1906 по 1910 гг.; 42 проц.—на двигатели, установленные с 1911 по 1916 г., и 9 проц.—на двигатели, установленные послѣ 1917 г.

Из учтенных котлов 35,5 проц падает на котлы, установленные до 1900 г., 17 проц.—на котлы, установленные с 1901 по 1905 гг., 16 проц.—на котлы с 1906 по 1910 гг., 26,5 проц.—на котлы, установленные с 1911 по 1916 г., и, наконец, 4 проц.—на котлы, установленные с 1917 г.

Принимая во вниманіе цѣлый ряд факторов, обусловливающих долговѣчность и пригодность котлов и двигателей для дальнѣйшей работы, докладчик приходит к выводу, что в ближайшее 5-лѣтіе подлежат замѣнѣ 51 проц. мощности всѣх двигателей и 53,5 проц. поверхности нагрѣва котлов, в том числѣ подлежат немедленной замѣнѣ 29 проц. мощности двигателей и 36,5 проц. поверхности нагрѣва котлов.

Приблизительная возстановительная стоимость оборудованія, подлежащаго замѣнѣ в ближайшее 5-лѣтіе, опредѣляется в 534 млн. руб., а подлежащаго немедленной замѣнѣ—в 334 млн. руб. Стоимость эта касается только основного оборудованія, не включая расходов по зданіям. *)

Едва ли этот доклад нуждается в комментаріях. Можно лишь просто резюмировать его так—половина двигателей развалилась уже сейчас, на одно возстановленіе таковых требуется громадная сумма в 868 мил. рубл., не считая притом неизбѣжных расходов по приспособленію и перестройкѣ зданій и т. д..

В таком же полу—разрушенном состояніи находятся и прочія машины и установки совѣтизиро-

*) № 2381 „Эк. Ж.“

ванных заводов и фабрик, их строения и жилища рабочих.

И вот в этом отношении между восстановительным процессом СССР и Зап. Европы замѣчается первая разница. В то время, как промышленныя заведенія СССР возстанавливаются на старой технической базѣ, в капиталистических странах—Франціи, Германіи, отчасти Англіи, не говоря уже о Соединенных Штатах, в это время происходит мощный процесс реконструкціи, основанный на улучшеніи и обновленіи техники.

Разница эта уже подмѣчена сов. экономистами (Эк. Ж. № 226. СССР в міровом хозяйствѣ), и она вносит пессимистическія нотки в разыгрываемую советскими публицистами побѣдную „симфонию будущаго“.

С другой стороны не слѣдует забывать и другого обстоятельства. Мы привыкли сравнивать современное положеніи советской индустріи с таковым же русским до войны. В международном масштабѣ такое сравненіе не заслуживает никакой цѣны, ибо если мы в теченіе тринадцати лѣтъ топчемся на мѣстѣ или идем вслѣдъ, то далеко не тѣм занимаются другія страны,—онѣ работают и прогрессируют. Если таким образом сравнивать с чѣм либо советскую продукцію, то никак не с таковой же русской, а с иностранной. Такой метод приводит к результатам иным.

Добыча угля в процентах к міровому итогу в 1913 г. в Россіи составляла 2,4%, в 1925 г. она составляла только 1,2%.

Выработка стали в 1913 г. равнялась 5,6% міровой, в 1926 г.—только 3,2%; чугуна—1923 г.—5,3%, 1926 г.—2,8%. Легкая промышленность СССР в

1927 г. достигнет 90% довоенной, но удѣльный вѣс
ея в % отношеніи к міровому снизился на 30%:

Чтобы догнать до международных соотношеній
в металлургіи совѣтской промышленности придется
почти удвоить продукцію; вся же вообще промыш-
ленность нуждается в переоборудованіи. Какіе же к
этому имѣются ресурсы и перспективы?..

Год назад совѣтская власть проектировала в пя-
тилѣтіе с 1925-26—1929-30 г. произвести капита-
льных затрат в промышленности на сумму свыше 6
милліардов рублей, в том числѣ на 1926-27 г. 1543
милліона. Дѣйствительность разбила эти мечты, и
нынѣ Госплан предполагает вложить на текущій хо-
зяйственный год сумму почти вдвое меньшую—до
845 милл. рубл., а сколько будтт вложено в дѣй-
ствительности, это будет зависѣть от того, сколько
можно будет взять с мужика налогами и ростовщиче-
ской разницей на хлѣбѣ.

Эта цифра 845 милл [ВСНХ увеличивает до
910] подлежит однако же дальнѣйшему расшифрова-
нію и анализу.

Согласно цифр ВСНХ (Сов. Нар. Хоз.) СССР
затраты на капитальное строительство выражаются в
слѣдующей таблицѣ.

	В 1925-26 26-27 г. В том . На ч. на до новыя стройку работы			
Металлопромышленность	170.7	219.2	29.0	0.5
Электропромышленность	12.0	17.0	4.9	0.8
Каменноугольная пром.	86.3	110.2	46.3	—
Нефтяная промышл.	128.9	141.8	6.0	6.0

Горная промышленность	29.5	32.2	—	—
Химическая промышленность	49.7	55.1	7.0	4.7
Производство строит. мат.	32.1	31.4	10.0	5.5
Лѣсная промышленность	23.2	24.5	4.2	3.8
Бумажная промышленность	25.5	33.0	15.6	—
Текстильная промышл.	142.7	115.2	12.6	1.5
Стеклофарфоровая пром.	9.3	12.6	6.1	—
Кожевенная промышл.	17.6	9.1	1.3	1.1
Пищевая промышл.	54.8	52.2	2.4	4.4
Полиграфическая пром.	2.8	3.1	—	—
Различные затраты	0.1	4.0	—	3.0
Неучтенная промышл.	8.8	10.5	—	—
Строительство синдикатов	6.5	7.0	—	—
Нераспредѣленный резерв	—	32.7	—	—

И т о г о 800.5 910.8 145.4 31.3

Цифры эти, надо замѣтить, максимальныя. По исчисленіям нѣкоторых совѣтских экономистов (Свѣтлов) фактически на капитальное строительство непосредственно в промышленности, исключая электрофикацію, государство в 1925-26 г. в состояніи было затратить приблизительно на 150 милл. меньше, всего не болѣе 640 милл. рубл.

Из этих цифр видно, что на усиленіе существующих предпріятій предполагается истратить около 734 милл. рубл. и на возведеніе новых всего только 31 милл. руб. в червонным исчисленіи, а в довоенном это уже будет вдвое меньше (не считая притом позднѣйшаго послѣ сентября 1926 г. паденія курса червонца). К цифрѣ капитальных вложеній далѣе необходимо прибавить еще 577 милл. на пополненіе оборотных средств промышленности, в итогѣ общая потреб-

ность промышленности в средствах выражается в 1488 милл. рубл.

Из этой суммы только 651 милл. промышленность находит у себя, 425 милл. она заимствует у банков, т. е. в сущности у государства, ибо банки государственные учреждения, и 412 милл. рубл. она получает по государственному бюджету.

Даже и по этой сокращенной программѣ цифры государственных отчислений громадны.

Государство—промышленник устремляет свою энергию в область производства, в бѣдной, раззоренной войной и революціей странѣ оно усиливает налоговый пресс до невѣроятных размѣров.

По бюджету 1925-26 г. общее число налогов, платимых населеніем, равнялось 1750 милл. рублей, на слѣдующій год эти цифры предположено увеличить на 400 милл. рубл., но, видимо, и этот чудовищный нажим окажется недостаточным, ибо совѣтскіе экономисты предвидят бюджетный дефицит до 200 милл. и требуют дополнительнаго обложенія частных промышленников и торговцев. (Эк. Ж. от 1 окт. 26 г.) Между тѣм процент обложенія частных предпринимателей уже и сейчас достигает чудовищной цифры 80% дохода и выше, а наслѣдственные пошлины доходят 90% (при стоимости наслѣдства свыше полумилліонна рублей.)

Процент обложенія крестьян—фермеров также с этого года значительно повышен.

Государство лихорадочно отбирает доходы у населенія все во имя насыщенія этого ненасытнаго „Молоха“ индустріализаціи.

Нуждам земледѣлія отводится минимальное вниманіе. Нужды народнаго образованія, культурнаго характера—отходят на второй план.

Цифры выдач из государственного кошелька промышленности, однако, далеко не покрывают потребности послѣдней в капитальных вложеніях, и вопрос о заграничных кредитах по прежнему сохраняет свое актуальное значеніе.

Если сравнить вложеніе капитала в русскую промышленность при совѣтской власти с таковым же при капиталистическом строѣ, то эти результаты максимальнаго напряженія платежных ресурсов народов СССР окажутся сравнительно с прошлым весьма скромными.

По совѣтской же статистикѣ за пятилѣтіе с 1908-1912 г. на русском рынкѣ было размѣщено эмиссіи на 3687 мил. р., если присоединить сюда эмиссіи заграничныя, то получается слѣдующая таблица вложенія капиталов русских и иностранных в производство и финансы Россіи.

Размѣщено с 1908-1912 г.

В Россіи за границей Всего вложено в мил. р.

Закладные листы и облигаціи земельного кредита.	2192.2	100	2292.2
Промышленныя акціи и облигаціи.. . . .	71.05	417.7	1128.2
Банковыя акціи	349.2	63.9	413.1
Желѣз. дор. акціи и облигаціи.	170.4	557.3	727.7
Государственн. займы	200	175	375
Городскіе „	65	198.9	263.9
	3687.1	1513	5200.1*

Прилив капиталов в Россіи только по заемным операціям, прошедшим через каналы бумажнаго обра-

*) В. Лексис „Кредит и Банки“ Москва 1923 г.

ищенія, ежегодно превышал один миллиард рубл. (или около двух миллиардов рублей червонных), не принимая во вниманіе при этом займов и вложеній единоличных предпринимателей.

Как видно, при капитализмѣ промышленность недостатком капитальных вложеній не страдала в противоположность теперешнему худосочию.

В нормальных условіях капиталистическаго строя промышленность имѣет возможность находить ресурсы для своего обновленія и дальнѣйшаго развитія в себѣ самой путем амортизаціонных отчисленій из прибылей.

Этот путь для совѣтской промышленности до сих пор был закрыт благодаря дефицитности веденія хозяйства. Самым удачным в смыслѣ доходности является 1925—26 г., но и в этот „счастливый“ год по данным совѣтской статистики общій доход от всѣх видов націонализированной совѣтской промышленности исчисляется в суммѣ 476 милл. черв. рубл. (Рѣчь Рыкова на 15-ой парт. конференціи) или около 230 милл. довоен. рубл., при 50 милл. довоенных рубл. амортизаціи.

Если мы вспомним, что товарная продукція всей націонализированной совѣтской промышленности равнялась от 6 до 7 миллиардов черв. рубл., то исчисленную совѣтскими статистиками цифру доходности (476 мил.) придется признать весьма преувеличенной.

К обороту это даст около 7%, а к основному и оборотному капиталу только около 3%,—соотношеніе совершенно уродливое, лишній раз позволяющее признать, что вложенные в промышленность капиталы основные и оборотные администрируются невѣроятно плохо и не используются надлежащим образом, не

отвѣчая ни в какой степени нормальному капиталистическому доходу,

Принимая же во вниманіе тенденціозность совѣтской статистики, приходится сдѣлать то болѣе вѣроятное предположеніе, что цифра доходности значительно преувеличена, и что она в лучшем случаѣ является ничѣм иным, как амортизаціей, лишь неправильно отнесенной совѣтскими бухгалтерами в недолжную графу доходов.

Небезинтересно с этим сопоставить, что по нормам договоров на сдачу в аренду бездѣйствующих московских фабрик кустарям и частникам М. С. Н. Х. устанавливается обычно от 4 до 6% отчисленія валовой продукціи в пользу Московскаго Совѣта в арендную плату. В переводѣ на % исчисленіе это дает от 20% до 50% на основной капитал арендуемаго предприятия. Разницу между 3%, и 20—50% т. е. от 16 до 44% уплачивает населеніе государству в видѣ преміи за безхозяйственную экономическую политику коммунистов.

Промышленность обходится совѣтскому государству дорого в смыслѣ ежегодных приплат по бюджетным ассигнованіям, но, может быть, продукція промышленности благодаря жертвам населенія обходится дешевле, чѣм до революціи.

Быть может здѣсь возможно найти оправданіе произведенной промышленной націонализациі?

К подобным выводам склоняются нѣкоторые, в том числѣ, напримѣр, Пѣшихонов.

Выводы эти, однако, всецѣло опровергаются данными совѣтской статистики, при которых даже, признавая правильной цифру дохода совѣтской промышленности в 476 милл. черв. рубл., этот результат

народно—хозяйственной точки зрѣнія приходится признать чрезвычайно убыточным.

До войны, как известно, наши промышленныя издѣлія не могли похвалиться своей дешевизной и тѣм не менѣе сейчас продукція совѣтскихъ фабрикъ еще болѣе вздорожала. По металлургіи, на примѣр, вздорожаніе рисуется в слѣдующихъ размѣрахъ (цѣна за тонну в рублях)**)

	1913 г.	1925—26
Рельсы	.68.32	124.44
Оси паровоз.	158.60	380
Бандажи ваг.	86.60	195
Мосты	201.30	390

Таким образом продукція вздорожала от 1.9 раза до 2 и даже болѣе чѣм в два раза, и эти цифры не являются каким либо исключеніем, по даннымъ совѣтской статистики коэффициентъ вздорожанія по донецкому углю и коксу сравнительно с 1913 г. (когда цѣны стояли выше предшествующаго періода), равен трем, а обще—промышленный коэффициентъ тоже значительно выше двухъ.

В итогѣ, при выработкѣ продукціи на сумму, близкую к 8 милліардамъ рублей государству она обходится вдвое дороже, чѣм до войны, т. е. иными словами с народно—хозяйственной точки зрѣнія населеніе переплачиваетъ на удорожаніи производства около четырехъ милліардовъ червонныхъ рубл., т. е. именно ту сумму, в которой сбалансированъ весь государственный бюджетъ СССР на 1925—26 год.

При колоссальныхъ жертвахъ населенія, при столь значительной внутренней дороговизнѣ продукціи собственнаго производства, при полученіи прибыли столь

**) Эк. Ж. № 230—1926 г.

незначительной, как указано выше, творцам экономической политики остается лишь утѣшаться постройкой фантастических замков во вкусѣ Жюль—Верна о будущей электрофикаціи не только промышленности, но и деревни.

Другая часть коммунистов видит опасности подобнаго потребительскаго характера націонализированной промышленности, но отказаться от утопических мечтаній, поставить крест над націонализаціей промышленности, возратить бывшим владѣльцам столь убыточные для народа предпріятія они пока не имѣют силы воли,—слишком велика ошибка. Слишком дорого обошлась она русскому народу!

Гос-торговля.

Уже с фабричного станка таким образом продукты промышленного производства выходят удорожившись в два с половиной раза против нормы.

Чтоб дойти до потребителя, они должны пройти еще цѣлую длинную сѣть торговых организацій, и так как это организаціи преимущественно совѣтскія, а совѣты, несмотря на завѣтъ Ленина—учитесь торговать—этому до сих пор не научились и научиться не могут,—то населеніе на оплату услуг товаропроводящей сѣти вынуждено тратить колоссальныя суммы.

Банковскій и торговый капитал в условіях нормального капиталистическаго хозяйства, выполняющій функціи обмѣна и перераспредѣленія товаров между его потребителями, находится и работает в атмосферѣ напряженной конкуренціи, всякій торговец, не умѣющій низвести свои торговые и организаціонные расходы до минимума, немедленно же вытѣсняется с рынка иным болѣе умѣлым, ловким, довольствующимся меньшим процентом.

Это сталь примитивная аксіома пользы для народнаго хозяйства торговой конкуренціи остается для коммунистов не пріемлемой, и за это должен платить народ. Угар утопических переживаній еще не окончательно испарился, боятся выпустить из рук „командные высоты“, боятся ослабленіем зажима инициативы энергичных и способных торговцев обречь на ско-

рую смерть свои рахитическія организаціи гос. торгов и коопераціи.

Как ведется торговля в послѣдних, какія нелѣпости и сколько злоупотребленій больших и малых совершается коммунистами и их ставленниками, об этом возможно написать цѣлые томы, но этой цѣлью мы не задаемся. Со всѣм этим слишком часто встрѣчаешься при чтеніи сообщеній всякой совѣтской газеты.

Разрисовывая и с торжествующим видом сообщая о поимкѣ и ликвидаціи того или иного растратчика, коммунисты этим оправдывают перед массой свои неудачи и промахи в экономической жизни Россіи, нынѣ ими управляемой.

„Если бы не мошенники, то как бы расцвѣла наша совѣтская социалистическая республика!“—как бы говорят ежедневныя сообщенія о процессах и растратах.

Статистика кооперативных растрат ясно доказывает, что положеніе совѣтской кооперативной торговли не нормально в виду осады ея растратчиками, вошедшими в кооперативную жизнь, как нормальное явленіе.

По данным совѣтской юстиціи в 1925 г. ежемѣсячно проходило через слѣдственные камеры растрат на общую сумму трех милліонов рублей. Такова цифра растрат раскрытых, дѣйствительность на много превышает эти цифры, так как совѣтскіе хозяйственные органы крайне неохотно возбуждают подобныя дѣла, опасаясь непріятных разоблаченій в судѣ.

По официальным данным, расходы на содержаніе правленій и ревизіонных комиссій по коопераціи к концу 1925 г. опредѣлялись слѣдующими цифрами: по низовой потребительской кооперативной сѣти—3

милл. рубл. в мѣсяц, по с.-х. низовой кооперативной сѣти—2.6 милл. р., по кустарно—промысловой—1.7 мил. р.

Общее число членов правлений и ревизионных комиссій по этим видам коопераціи исчислялось в 400 тыс. человек, а общая сумма ежемѣсячных расходов на их содержаніе достигла 7,5 милл. рубл. в мѣсяц или около 90 милл. рубл. в год. Эти цифры не полны и в дѣйствительности значительно выше.*)

Весь собственный капитал коопераціи в 1924-25 г. опредѣлялся в 142 милл. рубл., слѣдовательно, растратчики в этом году сѣли четвертую часть капитала, а содержаніе правлений обошлось в цифру, превышающую 50 % размѣра послѣдняго.

Ни в одной капиталистической странѣ подобнаго явленія легальнаго и нелегальнаго присвоенія ввѣренных капиталов в подобных поражающих размѣрах не наблюдалось.

Коммунисты правящей группы, как извѣстно, придают особое значеніе развитію коопераціи в деревнѣ, в их представленіи соціалистическія тѣнденціи в крестьянствѣ именно в коопераціи имѣют прочный залог дальнѣйшаго развитія, это было лишній раз подтверждено на послѣдней 15-й парт.—конференціи в 1926 г.

Эти пышныя завѣренія получили надлежащую оцѣнку на одновременно происходившей 20-ой сессіи совѣта сельскохоз. союзов. Устами кооператоров послѣдняго жизнь нарисовала такую картину современнаго положенія сельской коопераціи: тов. предс. совѣта Сельскосоюза С. Л. Маслов, считая положеніе

*) „Эк. Ж“. № 83-1926 г.

с.-х. кооперации критическим, указывает, что некоторые центры с.-х. кооперации существуют лишь благодаря снисходительности и помощи государства. Если в с.—х. кооперации и наблюдаются некоторые организационно—технические улучшения, то экономическая работа ее несколько не прогрессирует. Оратор считает не основанными расчеты на рост капиталонакопления в с.—х. кооперации.

Крестьянское население относится по словам ораторов совершенно безразлично к этому „залогу социалистического развития“, оно и понятно, если вспомнить, что делает кооперация со своими основными капиталами. Исход из положения кооператоры видят однако же не в оздоровлении кооперации, а в казенных подачках.

Так член правления Сельскосоюза т. Татаев отмечает кризис в положении с.—х. кооперации, отсутствие интереса к ней со стороны населения и считает необходимым, в интересах привлечения населения в кооперацию, установить систему наибольшего благопріятствования кооперированному населению перед не кооперированным. *)

„Система благопріятствования“ уже и сейчас неуклонно проводится в практикѣ кооперативов, ибо они живут за счет государства ссудами из средств казны, т. е. именно за счет не—кооперированного населения. Этого оказалось, видимо, недостаточным и теперь предлагается давать кооператорам „личные премии“... Это, быть может, в той или иной формѣ и будет осуществлено, но это уже будет не кооперация, а богадельня еще для одного убогаго социалистическаго выкидыша.

Кооперация из организации самопомощи и самодеятельности населения превратилась в СССР в казенное учреждение и тем определила как отношение к ней крестьян, так и собственную судьбу.

При таких условиях и преступно—разрушительном направлении деятельности советской кооперации, утратившая жизненные силы и общественное значение благодаря характеру принудительности и отсутствию свободы в избрании руководителей общественными капиталами, приняла тот безнадежный бюрократический и мертвый характер, который приводил в отчаяние даже покойного Дзержинского.

Это все тот же распыленный по периферии и управляемый из центра громадный неподвижный аппарат, который, не имея инициативы, появляющейся только там, где есть элементы хозяйственной свободы, выросший на почве произвола, питается сменами последнего, лишен правовой основы и живет тем же, чем и все остальные советские организации,— подачками из государственной казны, т. е. питается трудом и потом крестьянской массы, как истинный паразит.

Государственная и кооперативная торговля своими расценками мало отличается от частной торговли в области сбыта тех товаров, которые находятся на рынке в достаточном количестве и которые попадают от трестов торговцу безпрепятственно, т. е. на которых не тяготит запрещение отпуска „частнику“. Таким образом переплаты населения за плохую организацию и дороговизну услуг советской торговли оказываются безнадежно бесплодными. Такой вывод опять таки не является выводом какого либо принципиального врага хозяйственной советской системы, он ежедневно подтверждается самими коммунистиче-

скими наблюдателями на столбцах ежедневной советской прессы и индексами цѣн приводимыми изслѣдованіями сов. экономистов.

Так на страницах „Экономич. Жизни“ (№ 2380) в отдѣлѣ торговли дана такая характеристика государственной товаро—проводящей цѣпи:

„Характерным [для гос.—торговли] является то, что рынок обычно получает не то, что надо, не тогда, когда надо, не столько сколько надо, при чем все по неустойчивым цѣнам. Весной, напримѣр, когда требуется для разнаго рода подѣлок и ремонта с.-х. инвентаря мелкій гвоздь, достать его на рынокъ нельзя было; осенью же, когда постройки кончаются и требуется, главным образом, крупный гвоздь, на рынокъ въ предложеніи имѣется лишь мелкій гвоздь.“

В теченіе всего года в Сибири острый недостаток кровельнаго и сортоваго желѣза. Не лучше положеніе с олифой и красками, а также с кирпичем, и стеклом. Цемент появился в предложеніи только во второй половинѣ строительнаго сезона.

Осенью этого года сотни и тысячи вновь отстроенных домов не могли быть закончены за отсутствіем на рынокъ стекла; любимое дѣтище коммунистов — Волховстрой не могъ дать своевременно Петрограду электрической энергіи из за отсутствія или неприбытія в срок машинных частей, запоздав почти на цѣлый год. и т. д., и т. под“.

Необходимо при этом замѣтить, что разница между оптовыми и розничными цѣнами все растет, и торговые накладки гос.- торговли и коопераціи непрерывно увеличиваются. Для характеристики приведем статистическія данныя советскихъ учрежденій по наценкам на ситец, т.е. на товар по преимуществу широкого рынка... На протяженіи послѣднихъ трехъ лѣтъ циф-

ры накидок рисовались в слѣдующим видѣ. В октябрѣ 1924 г. они составляли 25,2 % оптовых цѣн, в январѣ 1925 г. 29,8 %, в октябрѣ 1925 г.—47,5 %, в январѣ 1926 г.—51 %, в іюлѣ 53,5 %. Даже на такой товар, как керосин, который обычно на рынках совѣтской торговли имѣется в изобиліи, накладки не понижаются менѣе 25 %. Удорожаніе производства, повторяющееся из года в год прогрессивным темпом, сопровождается удорожаніем услуг сов. торговли. К концу 1926 г., на взирая на всѣ торжественныя увѣренія о предстоящем уменьшеніи цѣн на промышленные товары послѣдніе вновь повысились на 10-15 %, как то констатируется резолюціями 15-ой парт. конференціи.

Однако же для широкого рынка тяжела не только дороговизна товаров. В нѣкоторых случаях крестьяннѣ, кустарь, горожанин согласны были бы заплатить и тройную цѣну за вещь, лишь бы ее только имѣть. Особенно губительно на народном хозяйствѣ сказывается недостаток сельско—хозяйственных машин, уборочнаго снопо—вязальнаго шпагата, желѣзных издѣлій, стекла и сырья для кустарной и мелкой промышленности.

В тот самый год (1926), когда из за границы в цѣлях поощренія скорѣйшей индустріализаціи сельскаго хозяйства было ввезено около десяти тысяч тракторов, и на это истрачены были миллионы народных денег, часто без пользы для населенія (по отсутствію инструкторов, мастерских и недостатку частей для машин), сельско—хозяйств. склады не могли удовлетворить 40 % крестьянскаго спроса на менѣе сложный, но болѣе необходимый с.-хоз. инвентарь в видѣ простѣйших машин и орудій, как напр. вѣялок, граблей конных, жаток, кос и т. под. В том же го-

ду по свѣдѣніямъ совѣтской печати уборочные с.-хоз. машины Сѣвер. Кавказа в большинствѣ не имѣли примѣненія за полнымъ отсутствіемъ снопо—вязальнаго шпата у коопераціи и гос. торговли. Кустарныя заведенія центра Россіи в тот же періодъ времени не имѣли возможности развернуть свое производство в мѣру своихъ потребностей в виду невозможности достать на рынкѣ достаточнаго запаса желѣза, шерсти, пряжи и т. под.

В видѣ утѣшенія и компенсаціи лѣтомъ 1926 г., когда украинскій крестьянинъ с нетерпѣніемъ ожидалъ прихода на рынокъ серпов, кос и топоровъ, ему кооперативами Полтавской и Харьковской губерній было предложено раскупить сорокъ тысячъ только—что прибывшихъ из Австріи ночныхъ эмалированныхъ горшковъ. —„Даже борща в нихъ нельзя сварить“—жаловались крестьяне,—крышекъ нема!..“—

Таковы знанія и распорядительная энергія государств. торговца! Легко себѣ представить, какъ подобный жалкій невѣжда торгуетъ на иностранныхъ рынкахъ, завоевывать которые онъ собрался!

Сколько убытка онъ можетъ принести странѣ по своей торговой неграмотности или недобросовѣстности! Недаромъ даже бывшій каммисаръ финансовъ Сокольниковъ (Бриліантъ) пришелъ къ заключенію, что монополія внѣшней торговли должна быть уничтожена.

Какъ полно обслуживаетъ гос.—торговля нужды населенія в товарахъ? Общихъ цифръ по всѣмъ отраслямъ мы не имѣемъ возможности привести, ограничимся лишь данными по снабженію металлами. В этой области, какъ и в большинствѣ другихъ, наблюдается товарный голодъ. По подсчетамъ Совѣта труда и Оборонныя потребность рынка в черныхъ металлахъ за 2 послѣдніе года и сте-

пень удовлетворенія рисуется в слѣд. таблицѣ:

	1925—26 г.	1926—27 г. в милл. дов. р.
Потребность	412	481
Удовлетвореніе	299	346
Дефицит	113	135

Как видно, не смотря на всѣ усилія гос.—промышленности развить производство металлов, отсутствіе капиталов не позволяет обслужить рынок, удовлетворить вполнѣ платежеспособный спрос, дефицит снабженія, т.е. товарный голод не сокращается, а увеличивается. Приведенныя цифры далѣе слишком суммарны, чтобы понять, до какой степени гос.—торговля не справляется с задачами снабженія населенія металлами, необходимо разбить потребителей металлоиздѣлій по категоріям и установить, в какой мѣрѣ удовлетворяется каждая из них. Сов. экономист Гр. Спектор приводит в своей статьѣ такую характерную таблицу.*)

Группы потребителей	1925—6 г.	1926—27 г.
	% удовлетворенія	
Транспорт	89.8	96
Металлич. промыш. союзная	78	77
„ „ кустарная	46.9	48.7
Торговля и кооперація	44.2	38.5.

Таким образом только нужды транспорта металло—промышленность удовлетворяет болѣе или менѣе удовлетворительно, хотя и не вполнѣ, нужды самой металло промышленности притом общесоюзной—наиболѣе важной—она удовлетворяет всего лишь на 77 %, кустарей она обслуживает менѣе, чѣм в половину их потребности, а широкій рынок потребленія всего на 38 %, причем сравнительно с прошлым го-

*) „Эк. Ж.“ № 163 за 1926 г.

дом процент удовлетворенія уменьшается. Таким образом товарный голод в деревнѣ и городѣ на металлическихъ издѣлія не только не уменьшается, а непрерывно растет. При такомъ положеніи не приходится удивляться, что цѣны товарнаго рынка—цѣны голодные, непомерно вздутыя. Здѣсь уже сказывается законъ спроса и предложенія.

В результатѣ неумѣнія однихъ и злонамѣренности другихъ под покровомъ бюрократическаго режима сосредоточенія „командныхъ высотъ“ торговли в рукахъ государства, т. е. общей безхозяйственности и отсутствія инициативы, населеніе обязано платить колоссальную дань: по исчисленію совѣтскихъ экономистовъ (Эк. Ж. № 2345 Арт. Кактынт) на чисто торговые накладные расходы (без транспорта, акцизовъ и т. п.), а именно: организаціонные, комиссіонные, погрузочно—разгрузочные, складочные, страховые и промышленный налог—падаетъ расхода от двухъ с половиною до трехъ миллиардовъ рублей червон.

Цифру было бы возможно взять под подозрѣніе, еслибъ она не приходилась совѣтскимъ офиціозомъ.

Коммунисты нерѣдко стремятся оправдать дороговизну промышленныхъ товаровъ общими условіями послѣ—военнаго періода и сослаться на примѣры западныхъ странъ.

Такія ссылки однако же невѣрны, и нынѣ они сами в этомъ вынуждены сознаться.

Такъ по даннымъ экономическаго бюллетеня конъюнктурнаго института № 5 за 1926 г. совѣтскія оптовыя промышленныя цѣны стоятъ в два с половиною раза выше таковыхъ же цѣнъ мірового рынка.

В теченіе всего 1926 г. коммунисты дѣлали отчаянныя усилія къ сниженію цѣнъ на промышленныя

товары. Покойный Дзержинскій, внося по обычаю своему насиліе в экономику, даже предписал, чтобы к 1 августа 1926 г. цѣны промышленных товаров были снижены на 10 %.

Как и слѣдовало ожидать, эти предписанія остались на бумагѣ. Само совѣтское правительство в теченіи того же года три раза повышало тарифы на перевозки грузов по жел. дорогам и тѣм первое показало, что слѣдует не „режиму экономіи“, а непрерывному удорожанію производства.

Не трудно, конечно, представить страшное значеніе для всего народнаго хозяйства этих колоссальных переплат,—как в области промышленности, так и торговли. Это уже не милліоны, а милліарды народных денег, приносимых властью в жертву современному Молоху коммунизма,—милліарды, пропадающіе зря не столько благодаря непроизводительному потребленію, как указывает экономист Маслов, а влѣдствіе веденія производства и обмѣна людьми, поставившими себѣ цѣль ввести его в плановые рамки, но совершенно раздавленными как нахлынувшим на них хаосом хозяйственных задач и противорѣчій, так и психологической природой всякаго человѣческаго существа, слишком эгоистическаго, чтоб направлять всю свою дѣятельность лишь по линіи, полезной для всего общества.

Сельское хозяйство.

„Эта несчастная страна, сбита с толку в погоню за утопическими химерами, представляет из себя громадную развалину“.

А. Юнг.

(О Франції 1792 г.)

Когда грянула революционная буря, когда рухнула власть, и сцену русской истории заняла международная толпа фантазеров и авантюристов и стала ломать человеческое общество и человеческую природу; когда полилась широким потоком русская кровь, когда одна часть образованного русского общества перешла через границы и эмигрировала, а вторая—, подчинившись,—утратила творческую энергию; когда труд потерял внутреннюю ценность, превратившись в барщину на государство, а государство из европейского превратилось в ассирийскую сатрапию; когда в результате всего этого труд перестал творить, а земля рождать плоды и наступила катастрофа великого злобщаго голода 1920-1921 г., казалось, что государство, заболбвшее столь острой формой социального помбшательства, обречено на гибель.

Среди мрака и ужаса настоящего только инстинктивная вбра в крбпость жизненных сил народа позволяла сохранять бодрость и не впасть в отчаяние.

Однако же болбзнью оказалась зараженной только верхушка общества.

Корни русского государства глубоко вросли в крепкую глубокую подпочву русского крестьянства.

И когда ствол дерева был сорван бурей революции, корни дали новые ростки, и дерево ожило во времена „Н э п ' а“.

С той поры прошло уже болѣе пяти лѣтъ. Города все по прежнему продолжают оставаться окутанными тусклыми миражами чудодѣйственных социальных превращеній; по прежнему труд, придавленный пятой казенных теорій, не оплодотворенный хозяйственной энергіей, инициативой, свободным разумом и наукой, приносит лишь жалкіе горькіе плоды; по прежнему положительныя черты человѣка,—его творческая энергія, предприимчивость, бережливость эти социальные предпосылки, создающія единственную возможность работать в свою и общественную пользу,—подвергаются величайшим гоненіям.

По прежнему удушается все оригинальное, индивидуальное, не подходящее к унылому сѣрому фону этой казармы—государства.

Но внизу уже видны новые сильные побѣги, они пробиваются сквозь чертополох искусственных загражденій, они ломают поставленные властью преграды, тянутся к свѣту и хотят жить не миражем, а дѣйствительностью.

На поверхности русской жизни появляется вновь издавній строитель государства—крестьянин и все настоятельнѣе предъявляет свои требованія и желанія.

К фантазіям города он не чувствует ни малѣйшаго уваженія. Эти хитрыя социальные построенія кажутся его мужицкому уму в лучшем случаѣ блажью, в худшем—желаніем „отвести глаза“ и тѣм легче очистить его карманы.

Дисциплинированный вѣками государственной жизни, он отдѣляет потребности государства от его прихотей и выполняя первыя, он все сильнѣе оказывает противодѣйствіе вторым.

Понимая, что всякая власть, как бы ничтожна она ни была, должна располагать воинской силой для охраны от иноземных вторженій, он акуратно поставляет государству новобранцев, он исправляет повинности, как онѣ ни тяжелы, платит палогі, если это по его силам, словом, — выполняет все то, что может от него требовать всякая разумная власть.

Но когда эта власть, которую ему скорѣе навязали, в избраніи коей он не участвовал, пробует посягнуть на его вѣру, он из безучастнаго зрителя, из индифферентнаго исполнителя обрядов, превращается в упорнаго сторонника церкви и добивается того, чтобы власть не трогала его святынь.

Он многого не понимает в окружающей город туманной мглѣ, его уши оглушены этим ежедневным потоком официальной лжи, казенных похвал, расточаемых правителями самим себѣ, он не сразу ориентуется в навязчивых ежедневных увѣреніях властей, что онѣ его, мужика, слуги и радѣтели.

Ему некогда удѣлять много вниманія городским дѣлам. Послѣ эпохи военнаго коммунизма, послѣ разгромов его собственнаго хозяйства военными отрядами, отбиравшими хлѣб, он занят возстановленіем хозяйства, разрушеннаго городом, и он уже доволен, если город его не тревожит, не мѣшает его трудам.

В этих непрерывных заботах и напряженном трудѣ проходят мѣсяцы, годы.

Неусыпная напряженная работа наконец приносит плоды. Бог посылает урожай. Убогое хозяйство

деревень немного начинает оправляться от разрушений.

Появляется нужда в земледѣльческих орудіях, в гвоздѣ, в одеждѣ и обуви, в строительных матеріалах, и к удивленію крестьянина город дает ему только половину нужнаго количества, а за предлагаемое требует тройныя деньги.

Приходит новый урожай. Потребности крестьянскаго двора еще болѣе растут. Крестьянин прикидывает, сколько нужных ему товаров он может получить за собранное зерно, он оцѣнивает его по привычным нормам, за долгую жизнь он привык это дѣлать и научился считать.

И вдруг и на этот год повторяется та же исторія: товаров в нужном количествѣ нѣтъ, то, что есть —непомѣрно дорого, и когда он подсчитывает, что же он получит от города взаменъ отданнаго послѣднему хлѣба, он видит, что он безсовѣстно и нагло обманут.—От хорошаго урожая у него не осталось ничего или почти ничего. Все взяло—во первых—ненасытное всемогущее государство и во вторых—город—на обмѣнѣ товарами.

И тогда крестьянин, чувствуя себя жертвой какой то „обманной механики“, начинает приглядываться к городу, начинает дѣлать свои наблюденія и выводы.

Что же он может увидать?

Сельское хозяйство СССР в 1926 году увеличило свой темп развитія весьма значительно,—в этом году приблизительно 88 % земель, обрабатывавшихся в 1913 г., уже находились в распашкѣ.

По данным выборочнаго обслѣдованія, произведеннаго в 1926 г. по 35 губерніям в составѣ крестьянских хозяйств по посѣву на протяженіи послѣдних

4-х лѣз замѣчались слѣдующія измѣненія (в процентном отношеніи).

	1922	1923	1924	1925	% роста или уменьшенія за період
Без посѣва	6,9	5,3	4,8	4,2	—40 %
Посѣв до 2-х дес.	45	40,7	36,6	33	—26
—от 2 до 6 дес.	40,3	44	46,7	49	+15
от 6 до 10 дес.	5,6	7,8	9	10,2	+80
Свыше 10 дес.	1,2	2,2	2,9	3,3	+175

Замѣчаемое увеличеніе посѣвной площади таким образом наблюдается одинаково во всѣх видах хозяйств, а число безпосѣвных уменьшилось болѣе чѣм на одну треть. Также наблюдался и рост скота вплоть до 1926 г., когда он приостановился. Всего быстрее растут хозяйства болѣе сильныя, особенно приближающіяся о фермерскому типу с запашкой выше 10 десятин.

Продукція сельскаго хозяйства за три послѣдних года также непрерывно увеличивалась, в 1925—6. г. она исчислялась совѣтской статистикой в суммѣ около десяти миллиардов довоенных рублей (не считая продуктов лѣсов и охоты), в 1926—7 г. она по предположительным подсчетам должна была бы дать крестьян тву на 600 миллионов больше.*) (По данным Конъюнктурнаго Института валовой доход от сельскаго хозяйства равен в 1925 г.—1926 г. только 7276 милл. рублей—Обычный разнбой совѣтской статистики).

Эту премію за энергію и трудолюбіе оно и получило бы при существованіи нормальных хозяйственных отношеній, теперь же при совѣтском строѣ хорошій урожай мало приносит веселых перспектив

*) „Эк. Ж“. № 226-1926 г.

крестьянину, и он в результатъ „хитрой механики“ коммунистов снова ничего не получит.

Как мы видѣли выше, произведенія промышленности и СССР уже при выпускѣ их с фабрик стоят ныне в два раза выше, чѣм до войны. Пройдя ряд советских торговых организацій, они попадают из лавки советскаго кооператива или частнаго торговца в руки крестьян по цѣнѣ уже учетверенной, в рѣдких случаях — утроенной против нормы. Таким образом крестьянин в наше время может имѣть за свой рубль в три—четыре раза меньше товара, чѣм до войны и фактически получит лишь часть того, что ему требуется.

Дефицит промышленных товаров в 1925 году—1926 г. опредѣлялся в 277 миллионов рублей, в слѣдующем—он достигает 384 милл. рублей (Эк. Ж. от 16-X).

Итак, благодаря „хитрой торговой механикѣ“ всякій довоенный рубль превращается всего в четвертак. Но это не все.

Крестьянин получает средства, нужныя для покупки товаров и уплаты налогов только послѣ совершенія им продажных сдѣлок на хлѣб.

Сколько же он получает за сельско—хозяйственные продукты.

Сколько ему дает город?

В этом отношеніи „хитрая механика“ дѣйствует не менѣе успѣшно.

Интересныя цифры по этому поводу находим в таблицѣ „Экономич. Бюлл. Конъюнктурнаго Института“ № 5—1926 г.:

Отношеніе міровых оптовых цѣн к цѣнам СССР, принятым за сто.

Д а т ы	Пром. товары	Сельско-хоз. товары
1913 г.	64	143
1925 г.	44	146
1926 г. (1 Марта)	38	114

Из таблицы видно, что в „эксплоататорской“ Англии промышленныя цѣны за эти годы упали сравнительно с нашими почти вдвое, а сельско—хозяйственные продукты только на 20 %.

Какой же политики цѣн держится правительство, называющее себя „рабоче—крестьянским“?

Как оно охраняет интересы обездоленного землероба.

Вывод из всѣх приведенных выше цифр может быть один отрицательный.

Растрачивая и распыляя без пользы для населенія и казны громадныя капиталы в области промышленности и торговли, совѣтская власть пытается весь минус уродливаго и неумѣлаго хозяйничанія свалить на плечи наиболѣе сильнаго физически, наименѣе активнаго политически класса мелких землевладѣльцев. Игнорируя завѣтъ Ленина, предостерегаващаго от чрезмернаго нажима на крестьянское хозяйство, напоминоващаго, что мы уже давно ѣдем на заморенной крестьянской клячкѣ и можем ее забить, коммунисты в 1926 году предпринимают новый поход на мужицкій кошелек, пытаясь хитростью или силой забрать у него послѣдніе гроши, нужныя им для осуществленія проектов так называемой „индустриализаціи“ страны.

Поход ведется в двух направленіях:

1) изъятія больших масс сельско—хозяйственных товаров путем пониженія цѣн таковых,

2) путем суроваго нажима налогового пресса.

По данным совѣтской статистики первая часть задачи выполнена с успѣхом. Уже лѣтом 1926 г.

хлѣбныя цѣны по СССР снизились: пшеницы на 38%, ржи—на 43%, ячменя на 51%. *] Корреспондент „Экономической Жизни“ из Ульяновска шлет своей редакціи торжествующую телеграмму: „Цѣны на рожь упали до 45 и даже 42 коп. пуд. Впервые за послѣдніе 25 лѣт.“

Чтобы пресѣчь мужику возможность продавать хлѣб по болѣе справедливым, выгодным для него цѣнам конкуренту--частному торговцу, обычно предлагающему высшія цѣны, желѣзным дорогам было предписано не отправлять и не принимать от частных лиц хлѣбных грузов; в тѣх же цѣлях были закрыты банками кредиты под хлѣб частникам, а с цѣлью избѣжать конкуренціи частных мукомолов большинство арендованных мельниц было у их арендаторов отобрано в казну.

Весь громоздкій и грозный аппарат совѣтской власти был таким образом пущен в ход, чтобы разжать крестьянскій кулак, слишком крѣпко сжимавшій трудовой хлѣб.

Чтобы хотя приблизительно понять реальное значеніе для крестьянина потерь на удешевленіи хлѣба, достаточно указать, что по контрольным цифрам Госплана товарная часть продукціи крестьянскаго хозяйства в 1925 году выражалась в цифрѣ 3929 милліонов рублей, а на 1926 год предполагалось довести до цифры 4373 милл.

Таким образом, при паденіи хлѣбных цѣн только на тридцать процентов в среднем, крестьянство теряло свыше одного милліарда рублей...

Этого для „рабоче—крестьянской“ власти казалось недостаточно. Для выжиманія из мужика хлѣба

*) „Эк. Ж.“ № 197 1926 г.

сельско—хозяйственный налог был вновь и значительно повышен, особенно для хозяйств фермерского типа, по преимуществу поставляющих хлеб на продажу.

Еще в прошлом 1925-6 г. высший предѣл обложения по сельско—хозяйственному налогу в среднем по СССР опредѣлялся в 12 % дохода, в нынѣшнем 1926-1927 г. он увеличился вдвое, достигнув 24 %.

Новые ставки налога страшно тяжелы как раз для середняцких и фермерских хозяйств, примѣрно для 25 % крестьянских дворов всей Россіи. (Около 5 миллионов дворов). В эту группу входят во первых, хозяйства с годовым „условным“ доходом от 450 и до 800 рублей и во вторых, выше 800 рублей.

Первая группа—это именно тот еще не вполне окрепшій слой болѣе культурнаго трудового крестьянства, которым держатся всѣ достигнутые кое—какіе успѣхи сельско—хозяйственной техники, слой, который энергично развивает продукцію своих полей, кормит города, дает миллионы пудов на столь необходимый совѣтской власти экспорт и снабжает техническим сырьем совѣтскія фабрики.

С этих хозяйств, столь недавно вышедших из состоянія нищеты, государство взимает налога на 40 % выше прошлаго года. В абсолютных цифрах это составляет от 40 и до 80 рублей в год на каждый двор; если прибавить сюда же еще расходы страхованія, крестьянское самообложение, расходы на культ и т. п., то эта цифра должна быть болѣе чѣм удвоена, т. е. обложение превысит 25 % дохода этого типа хозяйства.*) Совѣтская статистика не отличается объективностью, агенты ея внизу очень часто

*) М. Лившиц: „Тяжесть сельско-хоз. налога.“ Москва.

перегибают палку, стремясь показать свое усердие и понимание поставленных „ударных задач“. Поэтому, если в этих исчислениях кто и погрѣшает, то только не в сторону благопріятную для крестьянина. Вот почему вполне возможно признать справедливость тѣх заявленій отдѣльных крестьян и даже общин, в которых они жалуются, что обложение далеко превышает эти размѣры.

Если же однако от этой середняцкой группы перейти к высшей категоріи крестьянских хозяйств, доходность которых свыше 800 рубл., то обложение принимает обычный для коммунистов характер конфискаціи имущества предприимчивых и энергичных хозяев, ставших для партіи ненавистными, как возможные капиталистическіе наслѣдники рахитическому періоду „Нэп'а“. Группа эта насчитывает по исчислениям совѣтских статистиков свыше одного милліона хозяйств. Тяжесть обложения этой группы выясняется из слѣдующаго примѣра, заимствованнаго нами у того же совѣтскаго автора.

Предположим, что крестьянское хозяйство имѣет 2000 рубл. дохода, состоя из 8 ѣдоков, т. е. располагает всего 250 рубл. на человѣка. С такого крестьянскаго хозяйства совѣтская власть взимает около 400 рублей сельско—хозяйственнаго налога. Если сюда присоединить самообложение (100 % сельско—хозяйственнаго налога) страхованіе, оплату двух сезонных рабочих и иные расходы болѣе мелкіе, то окажется, что налог отбирает свыше 50 % дохода, при—том дохода, так называемаго „условнаго“, который был исчислен по весенним ставкам на хлѣб, когда цѣны на него стояли на 30-40 % выше теперешних.

При примѣненіи подобных грабительских норм сельско—хозяйственный прогресс становится абсолют-

но невозможным, зажиточный крестьянин неизбежно превратится в обобранного, озлобленного, раззоренного полу—паупера—„раскулачивается“.

Что несет это „раскулачивание“ наиболее энергичной части крестьянства?

Крестьяне непосильными налогами вынуждаются дѣлиться, чтобы перейти в низшій по обложенію разряд.

Из сильной естественной семейной кооперации крестьянского хозяйства, выбрасывающаго хлѣб на экспортный рынок, получается два-три маломощных „полу—бѣдняцкаго“ типа, продукціи коих едва хватает для собственнаго потребленія. Совѣтское государство, разоряя во имя навязчивой химеры, утопической фантазіи, на практикѣ лишь приводящей к нищетѣ, всеобщему недовольству и неизбежному краху, —наиболѣе способных, энергичных и сильных, подрывает тѣм самым основы своего собственнаго существованія, на практикѣ доказывает, что основы коммунистической партіи находятся в непримиримом противорѣчьи с интересами всего государства.

Чтобы закончить очерк отношеній совѣтской власти к крестьянству, необходимо коснуться сравнительной тяжести обложенія крестьянства и других классов населенія в СССР. Вывод удивит своей неожиданностью.

„Рабоче—крестьянское“ правительство относится к крестьянству значительно суровѣе, чѣм к городскому буржуа. Это не какой либо парадокс, а вывод, напрашивающійся сам собой при разсмотрѣніи норм обложенія отдѣльных классов населенія.

Так, если взять для сравненія нормы сельско—хозяйственнаго налога и сравнить их с таковыми же по подоходному налогу, то окажется, что налог в

размѣръ 41 рубля платят: торговец с доходом в 1200 рублей, кустарь с доходом в 1360 рублей, служащій и рабочій с доходом в 3800 рублей и крестьянин с доходом всего лишь в 440 рублей.

„Привилегированные“ рабочіе и служащіе, получая вознагражденіе ниже 400 руб. в год, не облагаются подоходным налогом, „привилегированные“ крестьяне платят значительный налог (6 1/2 %) уже при годовом нищенском доходѣ в 150 рублей на хозяйство.

Принятая с апрѣля 1926 г. система опредѣленія окладного дохода необычайно примитивна и дает полный простор усмотрѣнію органов фиска, тѣм менѣе совершенных, чѣм болѣе они удалены от центрального аппарата, чѣм ближе приближаются к плательщику. Так в объекты, подлежащіе обложенію налогом, включены внѣ—земледѣльческіе заработки т. е. кустарные и отхожіе промысла, как извѣстно в большей части носящіе просто потребительскій характер, и в сущности не дающее населенію почти никакого дохода. Исчисленіе таковых доходов носит совершенно ненормальный характер, является сплошным произволом. Не лучше обстоит дѣло и с исчисленіем чисто сельско—хоз. доходов. Оно строится не только по степени оцѣнки размѣра урожая, но и по системѣ оцѣнки имѣющагося у крестьян сельско—хоз. инвентаря.

Чѣм болѣе интенсифицирован, улучшен инвентарь в хозяйствѣ, тѣм выше платимый налог. Прошлой осенью с мѣст несея цѣлый поток жалоб на систему взиманія налога, уничтожающую для крестьянства всякій смысл пользованія такими усовершенствованными уборочными машинами, как напр. молотилки. Из Смоленской губ., с Украины сообщались

факты, из которых было очевидно, что налог отнимал у сельского хозяина не только ту пользу, которая приносилась подобными машинами, но сверх того еще и некоторую часть дополнительного капитала, т. е. это был уже не налог с дохода, а налог с самого капитала.

Варварская налоговая система уничтожала таким образом всякий интерес к развитию и дальнейшей интенсификации сельского хозяйства в смыслъ пользования болѣе совершенными сельско—хозяйственными орудіями.

Так отчетливо вырисовывается при свѣтѣ фактов „покровительственная“ политика рабоче—крестьянского правительства к крестьянству.

„Хитрая механика“

Поход коммунистов на тощій кошелек мужика в условіях „Нэп'а“ по внѣшней своей видимости как будто приблизился к практикѣ цивилизованнаго государства; уже не снаряжаются военныя экспедиціи для отобранія у крестьянина послѣднихъ хлѣбныхъ запасов, не отбираютъ всего, что у него есть, предоставляя его ужасам голодной смерти, но как мы видим, и ныне дѣйствующая система налогового обложенія сохраняетъ всѣ признаки конфискаціи, и фин—агентъ при надобности отбираетъ послѣднюю корову и ведетъ со двора овцу, при сопротивленіи призывая отряды ГПУ.

Этим налоговым нажимомъ совѣтская власть не ограничивается Система совѣтскаго строя и сосредоточенія в ея рукахъ „командныхъ высотъ“ позволяетъ ей развить и направить такъ товарообмѣнъ сельскими продуктами внутри страны, что в распоряженіе фиска-

вновь попадают громадныя матеріальныя цѣнности, отбираемыя у того же сельскаго производителя.

Здѣсь уже дѣйствует не сила отрядов „особаго назначенія“, а финансово-хозяйственная система, та „хитрая механика“, которая, всѣ усилія крестьян к возможному поднятію своего хозяйства обрекает на неудачу.

Крестьянское хозяйство современной Россіи извлекает ресурсы из трех почти равных источников —хлѣбных злаков. продуктов технических культур и животноводства. По данным Госплана зависимость того или иного вида сельско хозяйственного дохода по основным группам за послѣдніе три года такова:

	24 25 г. Удѣльный вѣс по современ. цѣнам произв.	25 26 г. Удѣльный вѣс по современ. цѣнам произв.	26 27 г. Удѣльный вѣс по современ. цѣнам произв.
Зерновые хлѣба, сѣно солома и проч. кормовыя культуры . . .	27,7	28,7	33,4
Техническія куль- туры (включая кар- тофель, овощи и фрукты) . . .	31,1	32,8	28,6
Продукты живот- новодства. Весь до- ход от товарн. части сельскаго хозяйств.	41,2	38,5	38

Если вопрос о хлѣбных цѣнах таким образом является для крестьянина весьма важным, то таким же представится и вопрос о цѣнах на сельско-хозяйственное техническое сырье.

Как в первом случаѣ совѣтская власть стремится возможно болѣе понизить цѣны, чтобы получить большой доход при вывозѣ за границу, так и в отношеніи сельско—хозяйственной продукціи технических культур и животноводства интересы крестьянства целиком отданы в жертву своры гострестов и синдикатов закупающих сырье, нужное для фабрик и заводов, а иногда торгующих на тот же экспорт.

„Вверху“ могут сколько угодно писать церкуляров о сниженіи накладных расходов; сколько угодно предписывать „строжайшую экономію“, „внизу“ эти приказы расшифруют: станут в цѣлях экономіи платить за лен, табак, свеклу или подсолнух, шерсть или кожу на 30% дешевле, и баланс „экономій на мужикѣ“ покроет безалаберную безхозяйственность неуча и расточительность мошенника, швыряющего чужія деньги.

В качествѣ иллюстраціи приведем один примѣр. Заготовительныя цѣны на лен в теченіе трех мѣсяцев 1925 г.—1926 г. были понижены совѣтской властью три раза, в октябрѣ и декабрѣ 25 г. и январѣ 1926 г. послѣдній раз с 6 р. 80 к. до 6 р. 30 коп. за пуд. Цѣны понижались на внутреннем рынкѣ без причины со спекулятивными цѣлям и в то самое время, как на заграничном рынкѣ онѣ стояли на уровнѣ около 11 р. 50 коп. за пуд, не проявляя тенденціи к сниженію...

Если обратиться к сельско—хозяйственным цѣнам по отдѣльным производящим районам, то мы видим на цифрах ясно выраженную тенденцію совѣтской власти во вред крестьянскому хозяйству злостно спекулировать на цѣнах его продукціи.

Любопытныя сопоставленія, ярко иллюстрирующія этот вывод, находим в данных Конъюнктурнаго

Института, приводимых г. Яковлевым („Эконом. Жизнь“ № 247 и слѣд.), сведенных в слѣдующую таблицу:

Наименованіе отношеній.	Картофельный и льноводный рай- оны. IIIУ—26 г.	Льноводный район. IIIУ—26 г.	Молочно—пшенич- ный район. IIУIII—26 г.
Индекс цѣн от- дѣльных произво- димых в районѣ сельско—хозяйст. товаров, к общему индексу цѣн всѣх с.-х. товаров, про- изводимых в рай- онѣ.			
Пшеницы . . .	—	—	0,76
Картофеля . . .	0,78	1,03	0,91
Льноволокна, . . .	0,66	0,55	1,36
Овса	1,26	1,02	1,04
Молока	1,02	1,16	0,91

Как видно из этой таблицы, по общему правилу совѣтская государственная торговля устанавливает по отдѣльным районам тѣм меньшія цѣны, чѣм болѣе район заинтересован в сбытѣ своей товарной продукціи. Если крестьянин производит в извѣстной области на продажу лен, совѣты там понижают его цѣну на 25—40% сравнительно с областью сосѣдней, где лен мало идет на рынок, в молочно—пшеничном районѣ за пшеницу платят на 10—20% меньше, за молоко на 25—30% меньше; в областях товарнаго разведенія картофеля за него предлагают крестьянину на 25—40% меньше сосѣдняго района и т. д.

Пользуясь своим положеніем государственнаго купца, имѣя в своем распоряженіи не только госу-

дарственную казну, но и государственные средства принужденія, аппарат транспорта и монополию внешней торговли, совѣтская государственная торговля из купца превращается в государственного вымогателя, насиліем или хитростью выбивавшаго из сельскаго производителя послѣднія средства, отбирающаго всѣ излишки его скуднаго хозяйства.

Вѣчно ненасытная в своей скаредности, не довольствуясь громадной разницей между внутренней и заграничной цѣной, она непрестанно стремится еще болѣе их снизить, притом именно там, гдѣ сельскій производитель начинает выказывать признаки энергіи, гдѣ имѣются зачатки промышленнаго земледѣлія. Жадная и невѣжественная, она не замѣчает при этом того, что подобной, хуже чѣм кулацкой политикой, она рубит сук, на котором висит дальнѣйшее развитіе народнаго хозяйства и прежде всего той же государственной промышленности.

Уже в 1926 году эти результаты начали сказываться.

Рост посѣвных площадей кое-гдѣ приостановился (потребляющіе районы), кое-гдѣ продолжается (хотя и в очень слабом темпѣ); зато техническія культуры всюду пошли вспять. Под подсолнухом и кукурузой посѣвы сократились до 79% прошлагодных (Украина) и 84% (С. Кавказ), под табаком до 84%; крестьяне уменьшают сѣв свеклы, картофеля, льна и проч.

Прирост скота прекратился. В потребляющих районах число его упало до 84% прошлагодняго, в производящих падает свиноводство и т. п. и т. д... В результатѣ совѣтская промышленность, не имѣя возможности достать на мѣстном рынкѣ сельско-хозяйственное сырье, вынуждена ввозить его из заграницы в размѣрѣ 40% всего импорта.

Экспорт технических культур сокращается. В 1925 году он равнялся по льну одной четверти довоенного, в 1926 году—будет еще того меньше. По табаку, некогда представлявшему такое видное значение в балансе вывозной торговли, положение еще хуже, в 1926 г. на экспорт еще шло около 200 тысяч пудов, в следующем—желтого табака не хватит для собственного потребления.

Государственные заготовительные планы по масляному смену выполнены были лишь на 80% предположений. Причина—установление на него цены 80 коп. за пуд, т. е. в два раза меньшей, чем до войны. [в соотношении с хлебными ценами]. Хлопка не хватило 50% потребности. Шерсть и кожа ввозятся в все больших количествах, как будто мы не страна сельского хозяйства, а какой то промышленный Манчестер. Экспорт сливочного масла из сибирского и иных районов сокращается из за низких заготовительных цен и т. д. и т. по д.

Подобная политика нелпа не только потому, что она мшаает развитію промышленности, она преступна еще болѣе потому, что, уничтожая в крестьянской среде стимул к совершенствованію хозяйства, препятствует росту народного производства и обрекает сельского хозяина на застой и косность хлебной продукции. Советская власть активно препятствует таким образом прогрессу земледѣлія и наивно удивляется, когда начинают проявляться первые вѣстники того, что крестьянин не останется покорным свидѣтелем и слѣпым потатчиком ея „мудрым“ распоряженіям.

Поход коммунистов на кошелек мужика уже предпринимается не первый раз, в сущности это повтореніе в миниатюрѣ налетов 1920 года с конфискаціями всего наличного хлебнаго запаса.

Тогда крестьяне отклик на повсеместное ограбление сокращением запашки, переходом на натурально—потребительское хозяйство, рядом местных восстаний.

Если послѣднія только ухудшили его положеніе, то первый метод одержал рѣшительную побѣду, вызвав появленіе „Нэп'а“.

Судя по вышележащему, и сейчас крестьянство откликнется на повышение налогов и „хитрую механику“ соответствующим образом.

Это будет не слѣпой и кровавый бунт, а экономическое воздѣйствіе,—удар по самому больному чувствительному для совѣтскаго хозяйства мѣсту, производству технических культур и на экспорт.

Послѣднія извѣстія совѣтской прессы подтверждают эти выводы Корреспонденты из производящих хлѣб районов (Томская губ., Сѣв. Кавказ, Украина) единогласно сообщают, что болѣе состоятельные крестьяне уплачивают налог, но заявляют, что на будущій год они запахать много хлѣба не будут, ибо отдавать казнѣ весь продукт труда нѣтъ никакого смысла. Словом, повторяется в нѣкотором родѣ исторія 1920-21 годов, когда из-за массовых реквизицій хлѣба крестьяне прекратили запашку, ограничивая их лишь своими потребностями.

Если в 1924-5 г. продукція технических культур по довоенным цѣнам опредѣлялась в 461 милл. рублей, поднялась в слѣдующем до 715 милл., то в 1926 г. Госплан опредѣляет ее лишь в 672 милл. рублей.

Конфискуя путем налога у сельских производителей от 12 до 50 % их товарных излишков, совѣтская власть пользуется этими средствами для развитія экспорта и пополненія бюджета.

Большой интерес представляло бы прослѣдить, насколько умѣло и цѣлесообразно для государства расходовались доселе эти товарныя массы, однако по условіям мѣста мы лишены этой возможности.

Коснемся в общих чертах лишь вопроса о том, насколько выгодно для страны реализуют совѣтско—хозяйственные органы заграничный хлѣбный экспорт, как отражается на доходности хлѣбной торговли—этой самой важной отрасли внѣшней торговли Россіи, совѣтская система хозяйства.

Возьмем для сравненія страну, наиболѣе по своим естественным условіям приближающуюся к Россіи—Канаду. *)

Расходы на пуд вывозимаго за границу хлѣба в копейках на пуд выражаются в слѣдующих размѣрах:

Статьи расходов	СССР. Копейки	Канада.
1. Расходы от прибытія на ссыпные пункты до погрузки в вагон. .	15,40	2,65
2. Расходы по доставкѣ к порту .	21,60	40,68
3. Расходы в порту по погрузкѣ и морской перевозкѣ	18,95	12,65
4. Расходы по экспорту и реализаціи	5,30	0,90
	<hr/> 61,25	56,88

Анализируя таблицу, мы видим, что в то время, как организаціонные и торговые расходы в Канадѣ равны всего 16,23 коп., в СССР они поглощают

*) Цифры взяты из книги „Д. Павлова. Хлѣбное хозяйство Канады, Москва“ и „Экон. Жизнь“ от 7-го Октября 1926 г.

39,65, т. е. русскіе производители в сравненіи с канадскими теряют на каждом пудѣ 23,42 коп. из за дурной организациі совѣтской торговли.

Эти цифры впрочем совершенно тускнѣют при сравненіи с накладными расходами, падающими на инныя отрасли сельско—хозяйственной торговли. Прожорливые пожиратели крестьянскаго достоянія, покупая, напримѣр, лен по цѣнѣ 6 р. 30 коп.—7 р. 10 коп. за пуд, тратят на накладные расходы от 2 р. 80 коп. до 3. руб. за пуд,—суммы совершенно невѣроятныя при капиталистическом хозяйствѣ, а за яйца—совѣтскіе купцы платят крестьянкам лишь $\frac{1}{3}$ того, что они выручают на заграничных рынках.

Итоги хозяйства „пролетарскаго“ социалистическаго государства для крестьянина удручающіе.

Было бы совершенно невозможно учесть тѣ колоссальныя цифры, которыми должно оплачивать русское крестьянство социалистическія увелеченія правящей группы.

Одну из подобных попыток представляет доклад, прочитанный 16-го Октября 1926 года. Я. А. Яковлевым в Московской Коммунистической Академіи. Сумма переплат крестьянства городу по его исчисленію из за вышеозначенной экономической политики превышает миллиард рублей в год!

Мы думаем, что эта цифра является преуменьшенной. Городской спрут совѣтскаго паразитарнаго хозяйства выкачивает во всяком случаѣ из крестьянскаго населенія столь громадныя реальныя цѣнности, не давая ему взамѣн ничего или почти ничего, что во истину приходится удивляться и великому терпѣнію народному, и колоссальному запасу жизненных сил, не сгибающихся под страшной тяжестью эконо-

мической политики, столь нелѣпой по системѣ и столь преступной по своим послѣдствіям.

Трагедія великой страны заключается в том, что, несмотря на величайшія матеріальныя жертвы, когда налоги достигают столь чудовишных размѣров, что производительное накопленіе капитала становится возможным только путем нелегальнаго сокрытіе его от ненасытнаго фиска, средства государства растрачиваются то на внутренніе опыты „индустріализаціи“ на соціалистических основах, то на внѣшнія, обреченныя заранее на неуспѣх авантюры, вродѣ германской, китайской и индійской революцій или англійских стачек.

Из тощаго крестьянскаго хозяйства ученики Ленина надѣются выколотить тѣ миллиарды рублей, при посредствѣ которых они мечтают превратить крестьянскую серемажную Русь в коммунистическій Рур и Манчестер.

По странной ироніи судьбы люди, называющіе себя послѣдователями Маркса и теоріи экономическаго матеріализма, в своей экономической политикѣ на русской почвѣ превратились в мечтательных и беспочвенных Маниловых, не желающих знать окружающей жизни.

В то время, как они, подобно индусских факирам, обѣщают истомленному промышленной анархіей сто сорока милліонному народу в одну минуту вырастить из пепла пальму,—воздвигнуть без помощи капитала из пустого горшка соціализированной промышленности разрушенное производство, совершают различные таинственныя заклиненія и в мистическом трансѣ шаманят, их взор едва замѣчает фигуры маленьких людей, занимающихся в дѣйствительности не

мечтами, а грубой и черной прозаической мелкой работой воссозданія промышленности с низов, с фундамента полуразрушеннаго соціального зданія, заваленнаго мусором и обвалившейся землей.

„Красный купец“.

„Настоящіе правильные капиталы возникают в странѣ не иначе, как основываясь на всеобщем трудовом благосостояніи ея... Народ найдет в себѣ охранительную силу... захочет труда и порядка, захочет чести“. Ф. М. Достоевскій. т. 9 стр. 288.

К тому времени когда появился на сцену „Нэп“, недавніе капиталисты за четыре года свирѣпой гражданской войны были или физически уничтожены, как „враги народа“, или превратившись в полу—рабов, обязанных „трудовой повинностью“, занимались черными работами,—мели улицы или чистили отхожія мѣста, и запас их знаній и способностей пропадад без пользы для общества.

Когда в результатѣ всеобщаго обнищанія, творец коммунизма російскаго образца, Ленин, под вліяніем крестьянских беспорядков и кронштадскаго бунта перешел на вторыя позиціи и провозгласил эру новой экономической политики,—капиталов и капитализма в Россіи уже не существовало.

Были экспропрированы всѣ фабрики и заводы, всѣ торговыя предпріятія, всѣ домовладѣнія стоимостью свыше 10000 рублей (Это на бумагѣ, на дѣлѣ отбирали и менѣе крупныя) всѣ банки, всѣ транспортныя средства, всѣ земли, нѣдра, воды. Собственники должны были чувствовать себя счастливыми,

когда они могли жить на свободѣ, в их „владѣніях“ оставлен был воздух...

За время войны и междуусобія роковым образом была истреблена вся кредитная система. Милліард семьсот пятнадцать милліонов золотого запаса государства исчез.

2539 милліонов вкладов акціонерных банков, 239 милліонов Государственнаго Банка и 1685 милліонов рублей мелких вкладов в Сберегательныя Кассы, итого 4463 милліонов золотых рублей (цифры 1913 года) были конфискованы или превратились в пыль в результатѣ обезцѣненія курса совѣтскаго рубля.

На этом страшном пепелищѣ капитализма волею исторіи вчерашніе разрушители призваны были стать строителями новаго хозяйственнаго зданія.

По мысли их учителя, зданіе должно было лишь по внѣшности походить на монументальныя постройки капитализма.

И в то время, как всякій капиталист всегда все строит так, как еслибы он надѣялся прожить цѣлое столѣтіе—прочно и солидно,—это новое строеніе „Н э п ' а“ уже при началѣ его планированія рассчитывается на неопредѣленно короткій період времени,—впредь до того желаннаго момента, когда этот барак вновь можно будет снести и выстроить новое уже вѣчное зданіе социализма, „если удастся так через 10-20 лѣт“.

В устах творца „Н э п ' а“ такія ограниченія во времени существованія послѣдняго были психологически понятны. Вѣдь это был тот самый человѣкъ, который еще столь недавно учил несложному искусству всеобщаго разрушенія. Опровергая свои недавніе при-

звы, рекомендуя собрать осколки разрушенного колоссального экономического здания, что бы из них наскоро сложить жалкій примитивный барак, нужно было хотя отдаленной мечтой неясных абрисов будущего грандиозного здания заморозить мысль толпы разрушителей, отвлечь их от рокового вопроса о том, зачем же было разрушать большое, чтобы созидать малое.

Тѣ же утвержденія о временном характерѣ Нэп'а звучат и по сейчас, поэтому то экономическая политика СССР подвергается непрерывным колебаніям. За періодами болѣе или менѣе снисходительнаго отношенія к капиталистическому накопленію и „нэпману“ неизмѣнно слѣдуют періоды рецидива коммунистического разрушенія. Раны соціальному организму, только что начинающія затягиваться, вновь растрavляются грубыми соціальными лѣкарями, не знающими иного леченія, кромѣ хирургической операціи.

Послѣ первых медовых мѣсяцев Н э п ' а настает тяжелый 1924 год, когда по признанію наркомторга Каменева, благодаря „жесткой“ экономической и фискальной политикѣ, вынуждены были закрыться нѣсколько сот тысяч мелких торговых предпріятій.

Нѣкоторое послабленіе „частнику“ в 1925 году вновь смѣнилось періодом „зажима“ в 1926 году, когда ему фактически запрещается занятіе хлѣбной торговлей, отбирается или стѣсняется мукомольная промышленность и проектируется ряд мѣр к разрушенію связи частника с кустарем.

Період новой экономической политики, період п е р е х о д н ы й. Фактически идеологи социализма и соціальной революціи вынуждены были отступить от своих соціальных утопій, но идеологически они хотят эту связь сохранить и ради этого они вре-

менами дѣлают набѣги на нэпмана, крестьянство и наносят этим возстановливающемуся хозяйству больший или меньший вред.

Однако же чѣм болѣе дней отдѣляет нас от періода эпохи военного коммунизма, тѣм болѣе слабыми становятся эти набѣги, тѣм скорѣе и настойчивѣе в дальнѣйшем направляется экономическая политика в сторону упроченія позицій растущими элементами капиталистических отношеній в надежное русло капитализма.

В самой верхушкѣ правящей партіи все громче раздаются голоса, отстаивающіе начала и тенденціи, способные при своем послѣдовательном примѣненіи неизбежно привести к новому уже чисто капиталистическому періоду.

Калинин дѣлится с аудиторіей своим замечательным „открытіем“ о том, что не всякій крестьянин, улучшающій свое хозяйство, накаплиющій средства производства, выбрасывающій на рынок хлѣб и продукты технических культур, может быть признан кулаком.

Задачи „накопленія“ и обогащенія проповѣдываются Бухариным как очередныя задачи „соціалистическаго накопленія“.

И даже в самой „Коммунистической Академіи“ читаются доклады на тему о том, что „надлежит так организовать политику сельско—хозяйственнаго кредита, чтобы благопріятствовать развитію того типа сельскаго хозяйства, который бы вызвал рост промышленности“, а в своих предпосылках докладчики констатировали, что „разсчитывать в ближайшіе годы на возстановленіе в довоенных размѣрах хлѣбо—экспорта не представляется возможным из за измельчани

крестьянского хозяйства и „выпаденія“ помѣщичьих хозяйств“. *)

Укрѣпленное крестьянское хозяйство становится таким образом в глазах части коммунистов вѣрнѣйшим залогом успѣшности их планов развитія промышленности, единственным вѣрным источником пополненія до нельзя отощавшей государственной кассы.

При таких условіях теорія „раскулачиванія“ кулаков имѣет значеніе лишь для коммунистической галерки, повторяющей еще и сейчас покрытые плѣсенью времени лозунги. Облагают состоятельных граждан не столько потому, что боятся возрожденія капитализма, сколько потому, что без того нечѣм будет содержать ни государственный аппарат, ни тучу паразитарных экономических организацій, состоящих на содержаніи государства, не дающих ему ничего, но зато охраняющих „чистоту принципов“ коммунизма, т. е. по просту ставших организаціями преторіанцев, готовых охранять учрежденія и синекуры, гдѣ без работы можно жить, процвѣтать и даже углублять процессы „соціалистическаго накопленія“, конечно, не забывая и своего собственнаго...

Переменным непостоянным характером экономической политики по отношенію ко всякой частной торгово—промышленной дѣятельности объясняется состав тѣх лиц, которые в період „Н э п ‘ а“ начинают заниматься этим трудным и полным риска дѣлом.

Торговля и промышленность для частных лиц становится занятіем, подобным занятію контрабандным промыслом. „Нэп—ман“—новое названіе торговца и крупнаго пвоизводителя—властями только — только терпим.

*) „Эк. Ж“. № 241 за 1926 г.

Он не гражданин Союза и не может принимать участія в выборах каких бы тот ни было—государственных, профессиональных или общественных организаций, вплоть до сельского общества и кооператива.

Даже раззорившись он не получит мѣста ни в одном государственном учрежденіи. Его дѣти не имѣют доступа в высшую школу. Получив счастливым случаем образованіе, только с большим трудом послѣ длиннаго испытанія, безчисленнаго заполнения анкет, гдѣ приходится свое буржуазное происхожденіе замаскировывать близостью дѣдушек и бабушек к благородному сословію пролетаріев, удастся такому буржуазному отпрыску поступить на государственную службу.

А если ему не повезет и „буржуазный отпрыск“ попадает на скамью подсудимых, наказаніе ему увеличивается ввиду его происхожденія.

Нэп—ман—это как бы общественный изгой, заранее во всем виновный, нераскаянный и зачерствѣвшій в грѣхах грѣшник. В средѣ общества „праведников“, увѣровавших в принципы ленинизма, этот—парія—один своей нечестивой профессіей ежедневно доказывает свое отвратительное невѣріе ..

Торгово—промышленная дѣятельность столь опасное и непривлекательное занятіе, что только очень немногіе из прежняго класса капиталистов рискуют вновь стать в ряды новой буржуазіи.

«Красные» купцы вербуются из того соціальнаго слоя, который недавно еще принимал участіе во всеобщем разгромѣ. Красный купец не напуган, не терроризован, происшедшим.

Его интересы во всеобщей свалкѣ, конечно, также пострадали, но сцены конфискацій и внезапных обогащеній, явившихся слѣдствіем послѣдних, разож-

гли его аппетиты, дали возможность заключить, что и при этом строѣ можно „хорошо заработать“, если „не быть дураком“.

«Первоначальное накопленіе» рѣдко бывает трудовым, оно очень часто запятнано эксплоатаціей себѣ подобных и безсовѣстной спекуляціей.

Могло ли оно быть иным в Совѣтской Россіи в условіях, созданных Нэп'ом, экономической политикой коммунистов и политической атмосферой.

Отвѣтъ может быть только отрицательным.

В новом буржуазном слоѣ воплощаются всѣ отрицательныя субъективныя качества типичнаго хищника. Коммунисты, создавая „нэп—мана“, отняли у него всѣ болѣе или менѣе симпатичныя человѣческія черты, которыя были присущи до—революціонному купечеству; они снабдили его взаменъ всѣмъ тѣмъ моральным багажомъ, которымъ владѣют и сами.

В верхах „нэпманы“ в значительной своей части не принадлежат к русской національности, если же они и вышли из ея среды, то какъ тѣхъ, так и другихъ совѣтскій строй не может привлекать и себѣ, он не может их ассимилировать, освоить. Если поэтому „нэп—ман“ спекулирует на человѣческой нуждѣ, если он эксплоатирует человѣческій труд, то это он дѣлает самым наглым и безсовѣстным образом, не сдерживаемый ни моралью, ни общностью культуры, ни бытовыми связями и симпатіями к окружающему населенію. „Нэп—ман“ не станет жертвовать ни на церкви, ни на богадѣльни; он не построит Народнаго Дома или больницы; он мечтает об одном,—скопить достаточно червонцев, чтоб выбравшись из этой угрюмой страны, гдѣ на него смотрят с такой ненавистью, зажить вдали на пріобрѣтенный капитал, как подобает солидному рантье. На берегах Сены

или Шпре он забудет эти годы унижений и опасностей и, конечно, никогда уже не будет рисковать своим капиталом, вкладывая его в совѣтскія „дѣла“. — Не так пріятно считать деньги даже и крупныя, стоя под висѣлицей и чувствуя веревку на своей шеѣ. —

— Тип во многих отношеніях совершенно непривлекательный. Но для страны не столько важны субъективныя качества „краснаго купца“, сколько его объективная полезность. „Нэп-ман“ в совѣтских условіях существованія не только соціально полезен, но даже необходим. Такова логика экономического процесса.

Возстанавливать частную торговлю и промышленность начал хищник, торговый волк, злостный спекулянт—красный купец.

Как и его творец—коммунист—он не будет оставаться ни перед чѣм в стремленіи к накопленію, — всѣ средства к тому для него будут пригодны и дозволены,

„Торгуя“ так, он одной ногой уже стоит в тюрьмѣ, но это не убавляет его энергіи. У него есть оправданіе: „Если честные люди во время революціи не гарантированы от тюрьмы и разстрѣла, то что дает честность, и к чему она красному купцу“?

Среди всѣх своих отрицательных качеств в той жестокой борьбѣ за существованіе, на которую он себя обрекает, и среди которой его пороки являются ему лишь щитом, — его энергія его единственная положительная черта.

В обществѣ, гдѣ над правом смѣются и цѣнят лишь силу, гдѣ лицемѣріе, провозглашая лозунг—все пролетарію,—на дѣлѣ ползает перед богатством и роскошью, гдѣ не справляются о том, каким путе

получено богатство, ибо оно могло быть получено только насиліем или преступленіем, успѣх все оправдывает и все освящает.

И—„красный“ купец не честность цѣнит, а успѣх, вѣрит только в свои силы, а над моралью в его присутствіи так часто смѣялись, называя это „буржуазным предрасудком“, что и он обман считает дурным дѣлом только тогда, когда за это садят в „подвал“, иначе это для него только „дѣло“.

Условія существованія частнаго предпринимателя при совѣтском строѣ настолько для него неблагопріятны, что только „красный купец“ мог жить и работать в этих тисках.

От понятія торговли в нормальном смыслѣ этого слова приходится совершенно отказаться.

„Красный купец“ находится в странѣ врагов, с его дѣятельностью власти мирятся только по прискорбной необходимости и с величайшим удовольствіем готовы причинить ему всякую непріятность и вред. Кредит немногочисленных и бѣдных средствами государственных банков для него почти закрыт, поэтому он должен обращаться к услугам „красных ростовщиков“, весьма расплодившихся за время „Нэп'а“ и паденія совѣтской валюты. Кредит же у ростовщика в этот послѣдній період достигал чудовищных цифр—3% в день.

Когда вводится червонное обращеніе, частный дисконт продолжает сохранять свою раззорительность.

Когда деньги тѣм или иным путем получены, надо найти торговое помѣщеніе, а затѣм—и самое главное—надо раздобыть товар.

Не думайте, что это легкая вещь, теперь вѣдь не буржуазный строй, когда магазинов и товаров было

сколько угодно. В наши дни торговое помещеніе в городѣ можно снять лишь от Ком — хоза или Мѣст — хоза (Коммунальное и Мѣстное Хозяйство), и так как развитіе частной торговли вовсе не соотвѣтствует идеям всякаго добраго коммуниста, а коммунальныя власти в отношеніи „частников“ не связаны никакими нормами расцѣнок, то, если у Вас не имѣется в коммунальном хозяйствѣ заручки, Вы никакого помещенія не получите и в вѣк.

В этом случаѣ красный купец устраивает на базарѣ палатку и торгует, как цыган на ярмаркѣ.

Но как получить товар?

Всѣ крупныя промышленныя предпріятія находятся в руках государства. Товаров, особенно наиболѣе ходовых, вродѣ мануфактуры, мало, их не хватает для удовлетворенія государственной и кооперативной торговли, каким же образом получить от „врага“ необходимый ассортимент?

Конечно, обычными средствами, т. е. покупкой публичной, можно достать только ничтожную часть путем выдачи премій мѣщечникам, стоящим в очередях и тѣм выполняющим роль прежняго оптовика расpredѣлителя и регулятора товаро — оборота; чтобы получить болѣе крупную партію для своей лавки или палатки, нужно завести связи с управляющим или завѣдывающим трестовским или синдикатским складом, поговорить с ним наединѣ „по душам“, немного „заинтересовать“ его в процвѣтаніи своего начинанія, и если все это удастся, то остается со страхом и надеждой ожидать окладного полугодія, когда шустрый красный фин — агент принесет новому нэпману пріятную вѣсть о причитающихся с него в пользу социалистическаго отечества сборах и налогах.

Если фин—инспектор раздѣляет Вашу увѣренность, что дѣло стоитъ прочно, то своим налоговым аппетитом он постарается усердно превратить его в эфемерное, рассыпающееся, как песок... Это красный купец однако же прекрасно предвидит заранѣе и, торгуя на десятки и сотни тысяч, он старательно отбрасывает столь компрометирующіе нули, всячески при случаѣ доказывая, что его торговля „совсѣм не стоящая“, совсѣм „убыточная“.

Обычно, сколь ни пронырлив красный фин—агент, „красный купец“ его благополучно надует, если же он настолько непредусмотрителен, что ведет правильныя торговыя книги, то его предпріятіе в первое же полугодіе не выдерживает налога и, лопаясь, исчезает в мутной рѣкѣ времен, не вызывая ни в ком сожалѣнія...

—Был, мол, дурак-и нѣтъ!—

Большинство, однако, выживает, приноравливается к окружающей средѣ, заводит нужныя связи, всюду находит, если не ходы, то лазейки и быстро накопляя, не взирая на всѣ налеты сборщиков податей, ведет медленную, на первый взгляд незамѣтную, но глубокую работу по воссозданію соціальной ткани, разрушенной эпохой первичнаго коммунизма.

Нарождаются предпосылки капитализма.

Зарожденіе капитализма в промышленности.

„Нѣкоторые полагают, что цѣль промышленности заключается в том, чтобы обогащать капиталистов или кормить рабочих. Ея задача не такова,—она в служеніи обществу производством дешевых и хороших продуктов. „В увеличеніи, улучшеніи, удешевленіи производства, а отнюдь не в перераспредѣленіи собственности — залог соціального прогресса“. Г. Форд. „Сегодня и завтра“.

Частная инициатива со времени „Нэп'а“ имѣла возможность направляться, как в область торговли, так и промышленности.

Однако же в условіях совѣтской дѣйствительности для всякаго капиталиста представлялось большим риском вкладывать капитал в промышленное производство.

Правда, и торговля, и промышленность одинаково являются рискованной спекуляціей, профессіи эти нынѣ та же карточная игра, шансы одинаковы.

Но в то время, как в торговлѣ капитал быстро оборачивается и мобилизуется, а его размѣры легче

укрыть от взров всепроникающих агентов фиска, промышленность требует значительно больших затрат, капитал в каналах промышленного обращения застревает надолго, и его уже не легко скрыть от учета финансового вѣдомства.

Вот почему при началѣ Нэп'а, нэпман, по преимуществу—„красный купец“—спекулянт—торговец, а не промышленник. И тот, и другой тѣм не менѣе проявляют свое существованіе, и их учитывает совѣтская статистика. Нечего и говорить, что, если к цифрам послѣдней, когда она пытается обосновать „достиженія государственной промышленности“ приходится подходить с осторожностью, трактуя их в сторону сниженія, то когда рѣчь заходит о ростѣ столь опаснаго для соціалистических мечтаній конкурента, как частный капиталист, при том жизненно заинтересованнаго в том, чтобы утаить обороты и доходы, цифры совѣтской статистики приходится всегда признавать преуменьшенными.

Начнем с разсмотрѣнія цифр, характеризующих удѣльный вѣс частнаго капитала в промышленности, как наиболее достовѣрных.

Производство промышленности видно из слѣдующей таблицы:

Валовая продукція промыш. товар. в милл. червонных рублей *)

	1924-25	1925-26 г.	% рост
Государственная	6087	8928	50 **]
Кооперативная	374	630	68,5
Частная	275	440	63,6
Мелкая	1719	1975	14,5

*) „Эк. Ж.“ № 246 1926 г.

**) По данным Госплана % прироста уменьшается до 42, в соотвѣтствіи с уменьшеніем общей суммы продукціи на 1 миллиард руб.

При разсмотрѣніи этих цифр необходимо имѣть в виду, что согласно совѣтскаго законодательства к мелкой промышленности относятся предприятия, имѣющія не менѣе 16 рабочих при механическом двигателѣ или 30 рабочих без такового.

Мы уже пытались дать в предшествующей главѣ общій очерк той атмосферы, среди которой вынужден работать частный предприниматель, дополним и иллюстрируем это статистическим матеріалом и отзывами официальной совѣтской прессы. Этими вопросами за послѣднее время все болѣе занимаются совѣтскіе экономисты. Точка зрѣнія их на вопрос о развитіи частных предприятий вообще зависит от того, к какой группѣ они принадлежат. Если автор принадлежит к составу оппозиціи, т. е. к группѣ Троцкаго—Зиновьева, он обычно доказывает, что „частник“ быстро прогрессирует и что, если не пресѣчь этот темп развитія соотвѣтствующими мѣрами совѣтской власти, не отобрать путем новаго увеличенія подоходнаго и промысловаго налогов накопленных им капиталов, то капитализм окончательно побѣдит социалистическіе элементы совѣтскаго хозяйства.

Если автор защищает позиціи Сталинской группы, он вынужден доказывать противное и при этом нерѣдко приводит факты, в другое время едва ли бы увидавшіе свѣтъ.

По удостовѣренію совѣтскаго экономиста А. Гинсбурга *), занимающаго к тому же официальное положеніе, размѣр обложенія налогами „частника“ выше такового же обложенія государственной торговли и коопераціи в шесть раз.

*) „Эк. Ж“, № 160 за 1926 г.

Кредитованіе „частника“ лишь в незначительном размѣрѣ происходит из средств государственных банков, в громадном большинствѣ оно идет из нелегальных частных источников на очень тяжелых условіях. как сказано выше, от 4 % и болѣе в мѣсяц. Однако же послѣдняя цифра, обычно указываемая совѣтскими статистиками, оспаривается. По данным Московской товарной биржи, недостающія частным предпринимателям средства „добывались“ ими на вольном рынкѣ из 5-8 % в мѣсяц! **)

Не менѣе тяжелы для частника и условія арендованіи им от мѣстных органов совѣтской власти промышленных предпріятій. Так Москов. совѣт Народ. Хоз. при сдачѣ предпріятій в аренду обуславливает таковую пятилѣтним сроком, плата устанавливается в процентном отношеніи к производству, причем все приобрѣтенное арендатором оборудованіе, имущество, техническія улучшенія переходят по окончаніи срока аренды к МСНХ безвозмездно.

Что такое представляют на практикѣ подобныя договорныя отношенія, можно видѣть из слѣдующих примѣров. ***)

Цинко-алюминный завод бывшій Анисимова сдан в аренду на условіи: аренда завода оплачивается арендатором из 4 % с общей выработки завода; при годовой выработкѣ в 480 тысяч рублей, арендатор платит около 20000 рублей в год. Сtimость же завода оцѣнивается всего в 43000 рублей.

Арматурный завод бывшій Краснова сдан артели на условіи платежа 6 % выработки. Годовая продукція 360 тыс. рублей, плата таким образом равна

**) Там же от 17 января 1926 г.

***) „ „ № 80.

21600 рублей при стоимости завода 119 тысяч рублей. В первом случаѣ арендатор окупает завод в 2, во втором—в 5 лѣтъ.

Можно ли при этих условіях негодовать на ростовщика, взимающаго 8% в мѣсяц?

Предприниматель вынужден согласиться на всѣ условія. Он готов скорѣе заплатить ростовщическую аренду за уже существующій завод, чѣм затрачивать еще большія средства, строя новый. Последнее не всегда и возможно по административным условіям. А риска, взяв завод от совѣтской власти и платя ей легальную и нелегальную дань, конечно, значительно меньше.

Несмотря на подобныя совершенно неслыханныя при нормальных капиталистических отношеніях условія существованія, частная промышленность цензовая не только не замирает, но выказывает, судя по выше приводимой официальной таблицѣ, всѣ признаки быстрого роста. За 1925—26 г. она в темпѣ роста продукціи обгоняет государственную, уступая в этом отношеніи лишь кооперативной.

В то время, как кооперативная промышленность существует за счет подачек от государства и понудительнаго увеличенія членских взносов, совершенно в сущности не увеличивая внутренняго производственнаго накопленія; в то время, как государственная—может увеличивать продукцію лишь благодаря колоссальному налоговому прессу, выдавливающему из населенія громадныя суммы, чтобы затѣм их распылить в чрезвычайно дорогом производствѣ,—частная находит в себѣ самой столько сил, что не только выносит ростовщическіе проценты, кабальныя арендныя ставки, варварскую систему налогов, но и стреми-

тельно развивает производство, собственными силами реконструируя свои предприятия.

Разсматривая эти цифры, приходится прийти к единственному заключению, что в то время, как государственная и кооперативная промышленность развиваются искусственно и несут пороки в самих себе, рост промышленности частной является органическим, связанным как с объективными тенденциями развития экономической жизни в послѣ—революціонный період, так и с индивидуальными свойствами человеческой природы.

Частный промышленник становится в его деятельности все болѣе необходим для народной экономики, и что особенно важно, он все тѣснѣе связывается крѣпкими органическими узами с рынком широкаго потребленія, с крестьянской массой, кустарем, частным купцом, давая им товары, которые государственная промышленность или вовсе не производит, или производит в недостаточном количествѣ.

При том по истинѣ страшном товарном голодѣ, который испытывает рынок промышленных товаров СССР, совѣтская власть, если бы и желала, не может позволить себѣ роскоши создать дальнѣйшія стѣсненія для частной промышленности. Несомнѣнно, если бы теперешніе оппозиціонные критики политики Сталина, благодаря тѣм или иным обстоятельствам, в один прискорбный для Союза момент стали у власти, они, несомнѣнно, вынуждены были бы продолжать политику послабленій частной предпримчивости, быть может, лишь замаскировав ее соотвѣтствующими громкими фразами.

Полтора года тому назад тот же оппозиціонер Каменев, при вступленіи в обязанности нарком—торга, принужден был констатировать вредные резуль-

таты похода, предпринятого до того властью против частного торговца. Объективные условия сильнее программ.

И как результат первых, советская власть все чаще за последний 1926 год возвращается к вопросу о способах усиления притока частных капиталов к частному производству.

Мотивировка таковых проектов, конечно, подбирается соответствующая идеологии. Было бы, конечно, странно из уст советских экономистов правовѣрного толка услышать прямолинейное заявление о том, что частный предприниматель—полезный помощник и даже единственный и незаменимый творец и строитель промышленности. И этого они и не говорят.

Необходимость вовлечения частных капиталов в промышленность они объясняют необходимостью изъять их из области частной торговли, гдѣ таковые капиталы якобы играют роль дезорганизаторскую.

Само по себѣ и это признаніе цѣнно. Частный капитал дезорганизует торговлю, но, очевидно, организует промышленность,—другого логического заключенія как будто вывести нельзя.

По тѣм же данным Московской Товарной Биржи частная предприимчивость в области химической и металлической в центральном промышленном районѣ настолько, видимо, развилась, что среди покупателей частника появились за последнее время даже государственные и кооперативные учреждения, 25 % сбыта частного опта шел на них.

Государственная промышленность уже подходит к тому времени, когда почти всѣ промышленные предприятия, дотолѣ бездѣйствовавшія, если они представляют какую либо производственную цѣнность, будут нущены в ход. Когда это осуществится, темп раз-

вертыванія промышленной продукціи естественным образом сократится. Совѣтскіе экономисты уже на 1926-27 год снижают рост продукціи государственной промышленности до цифры 15 %, а на слѣдующій год опредѣляют темп роста только в 12 %.

Самый легкій період развертыванія таким образом закончился или закончится в 1927 году.

Как пойдет темп развертыванія в будущем частной промышленности, конечно, трудно предугадать, но уже из всего ранѣе сказаннаго логически можно вывести заключеніе, что этот темп на уменьшится.

Совѣтская власть, если бы и хотѣла, не может ухудшить условій ея существованія, наоборот, идет иногда навстрѣчу облегченію таковых.

Товарный дефицит в странѣ за текущій 1926-7 год, как мы видѣли, еще увеличивается в сравненіи с прошлым, а хроническая неспособность государственных предпріятій выполнить задачу снабженія страны промышленными товарами, создает и для будущаго объективную обстановку, способствующую развитію частной предпріимчивости, средней и мелкой, особенно полу—кустарнаго типа.

Было бы весьма интересно остановиться на разсмотрѣніи вопроса о развитіи мелкой промышленности, однако, за неимѣніем мѣста и недостаточной статистической обслѣдованностью ея положенія, мы лишены этой возможности.

Укажем лишь на то, что темп развитія мелкой промышленности около 15 % является весьма высоким, он равен уже сейчас темпу развертыванія государственной промышленности на 1927 год, и надо думать, сохранит этот темп и в послѣдующем, обгоняя государственную промышленность.

Развитіе ея происходит таким же органическим

порядком, как и прочей промышленности.

Любопытным явлением экономической жизни современной России представляется и то, что рынок широкого потребления, все больше подпадая влиянию частного производителя и торговца, все определеннее испытывает это влияние в области цен. Все советские наблюдатели констатируют, что цены сырьевого рынка равняются по частнику, способному дать мелкому производителю, кустарю и сельскому хозяину лучшую, сравнительно с государственными предприятиями цену. Такое же явление наблюдается по целому ряду товаров, где частник успел уже организовать,—в кожевенной, трикотажной, скобяной, деревообделочной, галантерейной и иных отраслях.

В условиях жестокого товарного голода, при отсутствии серьезной торговой конкуренции со стороны кооперации, частный предприниматель диктует условия рынку, перекладывая на счет потребителей и кабальные аренды, и непомерные проценты, и даже часть налогов.

Но, кроме „голодного“ рынка, он в самом процессе организации производства находит частью те источники сбережения капитала, которые позволяют ему выносить неблагоприятные для работы условия полицейско—социалистического строя.

Он распределяет расходы совершенно иначе, чем гос—предприятия, его накладные издержки незначительны, его административный штат мал, несет интенсивную работу, как и рабочие его завода, он лучше, чем у трестов, оплачивается, поэтому дисциплина труда и интенсивность работы не являются пустыми невыполнимыми лозунгами—болтовней плакатных стѣнных газет,—а проводятся неуклонно в жизнь. Наконец, он знает рынок, связан с ним оптовой

розничной сѣтью таких же частных торговцев, и его товары оборачиваются в четыре—пять раз скорѣе, чѣм в гос.—синдикатах.

В частном предпріятіи работа кипит, ибо всѣ—от рабочаго до хозяина проникнуты жизненным личным интересом, потому что всѣ они стоят на почвѣ конкуренціи, соревнованія. Они знают, что только давая хорошій товар по сходным цѣнам, они могут работать, не падая на дно соціальной лѣстницы, правда, перевернутой как—бы вверх основаніем, но сохранившей всѣ свои отличительныя черты для падающаго вниз.

Кромѣ своих сил, знаній, умѣнія приспособиться к рынку, у новаго предпринимателя нѣтъ другой опоры и поддержки.

Государство он видит лишь в лицѣ фин—агента, всегда придирчиваго и черезчур требовательнаго, у него почти нѣтъ классовых организацій, он одинок, он не может рассчитывать ни на чью помощь—в этом мірѣ волков, споткнись только, и ты будешь раздавлен на смерть.

И он, как волк, сам свирѣпо бьется и конкурирует с себѣ подобными, изошряя всѣ силы ума и способностей.

Нужно ли удивляться, если в этой жестокой и до того нигдѣ невиданной борьбѣ на пепелищѣ капитализма нарождается новый тип капиталиста.

Это, конечно, тип жестокой и хитрый, с волчьим аппетитом и крѣпкими зубами, но зато тѣм лучше он будет выполнять свое историческое предназначеніе.

Совѣтскіе публицисты очень часто задаются вопросами, насколько интенсивно идет накопленіе капиталов в частной промышленности, и каковы основныя капиталы.

Вопросы, конечно, имѣют животрепещущее значеніе, далеко выходящее за предѣлы только экономического характера, тѣм или иным отвѣтом намѣчаются и дальнѣйшія вѣхи развитія капиталистической формы народнаго хозяйства и ея удѣльный вѣс.

Однако же, при трудности настигнуть и уцѣнить размѣр таковых капиталов, отвѣты получаются самые разнообразные. По большей части они даются с точки зрѣнія суммированія всего частнаго капитала, вложеннаго, как в промышленность, так и торговлю, поэтому вопроса об основных капиталах, располагаемых частными предпринимателями, мы коснемся в дальнѣйшем, послѣ разсмотрѣнія вопроса о торговлѣ.

Что же касается до проблемы интенсивности накопленія в частной промышленности, то здѣсь никаких опредѣленных болѣе или менѣе точных выводов сдѣлать не представляется возможным.

Во всяком случаѣ, очевидно одно.

Предприниматель, рискующій при совѣтских условіях вкладывать средства в промышленность, ежегодно платя до 50 % капитальной стоимости фабрики за аренду послѣдней, вынося тяжесть ростовщического кредита до 100 % и в шесть раз болѣе тяжкаго налога, сравнительно с своими гос — конкурентами, несомнѣнно, — обычной умѣренной нормой прибыли довольствоваться не может. Экономически простой расчет при полученіи меньшей, чѣм по кредитованію прибыли, заставит его предпочесть заняться дисконтом, т. е. сдѣлает из промышленника ростовщика.

Нѣкоторые совѣтскіе экономисты утверждают, что менѣе 100 % чистаго дохода частная промышленность давать не может, иначе она не прогрессирует бы...

Если эти расчеты и преувеличены, то во всяком случаѣ накопленіе в средѣ частной промышленности должно идти совершенно необычным темпом, не имѣющим ничего похожаго в операціях гос—учрежденій, трестов и синдикатов.

При оцѣнкѣ вопроса о степени жизненности частного и государственнаго хозяйства, величина нормы прибыли не столь важна.

Гораздо цѣннѣе другое.

Частная промышленность на другой же день послѣ разгрома капитализма и уничтоженія капиталов при первой же возможности и не взирая на чрезвычайно тяжелую обстановку, начинает успѣшно конкурировать с неизмѣримо болѣе совершенной в техническом отношеніи промышленностью государственной и выполняя свое социальное предназначеніе, помогает населенію изжить невзгоды товарнаго голода.

Путем повседневной суровой борьбы пионеры индивидуальной предпримчивости ежедневно дают доказательства неизмѣримаго превосходства такой организациі хозяйственных общественных отношеній, которая основана на принципах, свойственных всякой свободно рожденной личности, на признаніи государством принципа свободнаго труда и свободнаго творчества, насыщеннаго столь плодотворными сѣменами личнаго почина и предпримчивости.

Сначала на них смотрят с презрѣніем, как на прокаженных, зараженных ядами отжившаго стараго міра...

Это не мѣшает им продолжать работу созиданія полезных всему обществу матеріальных цѣнностей, — которых не может к удивленію народа создать весь мощный аппарат государственной промышленности.

И по мѣрѣ того, как социалистическій туман разсѣивается под вліяніем голода, холода, картин насилиій, разигрывающихся на глазах, и всеобщаго кровопролитія, к удивленію фанатиков не приближающаго наступленія „соціальнаго рая“,—по мѣрѣ того, как предвзятыя понятія и унаслѣдованные предразсудки смѣняются учетом суровой дѣйствительности, в отношеніях толпы к производителям, предпринимателям, начинает сказываться перемѣна.

Частный промышленник уже на практикѣ одним своим пятилѣтним существованіем доказал ту давно извѣстную практическим людям простую мысль, что государство не колоссальное акціонерное промышленное предпріятіе, что становясь промышленником, оно не может удовлетворить потребностей населенія так полно и дешево, как это может сдѣлать частная инициатива.

Пока в головах людей не окончательно исчезла мистическая вѣра в чудеса, эти доводы реальной дѣйствительности еще не найдут туда себѣ доступа, но есть предѣлы, за которыми всякая самая пылкая вѣра стынет, есть историческіе переломные моменты, когда народу становится слишком больно от тиранніи слѣпых предразсудков и упорнаго фанатизма секты.

Тогда настает наконец час побѣды логики и разума.

Освобожденная мысль, которой будут даны на выбор двѣ модели экономическаго строя, не может не остановить своего выбора на болѣе дешевом для народа, болѣе плодотворном, обѣщающем скорѣе вывести к жизни творческія силы, заложенные, как в природѣ человѣка, так и в окружающем нас мертвом мірѣ вещей.

Это будет побѣда свободной человѣческой ли-

ности, побѣдой труда, инициативы, энергіи, оплодотворенныхъ достиженіями научныхъ истин.

Измѣнятся объективныя условія страны, установится строй отношеній государства к частному капиталисту болѣе нормальный, отвѣчающій природѣ отношеній власти к отдѣльнымъ общественнымъ классамъ, измѣнится, несомнѣнно, и тип частнаго торговца. Мѣсто „краснаго кушца“, злостнаго спекулянта и жаднаго ростовщика займетъ просто купецъ и банкир, болѣе нормальный типъ, который былъ в свое время уничтоженъ совѣтской властью.

Когда были закончены эти строки, автору пришлось познакомиться с новой книгой Генри Форда „Сегодня и Завтра“. Эта книга, как и все дѣло величайшаго американскаго промышленника, является новымъ живымъ доказательствомъ того, какое громадное значеніе в промышленномъ развитіи всякой страны имѣютъ индивидуальная предпріимчивость, творческая личность. Статистическія цифры, рисующія развитіе предпріятій Форда, открываютъ безконечные горизонты промышленнаго прогресса, создаютъ цѣлую философію производственныхъ отношеній.

В маѣ 1921 г. заводомъ Форда выпущенъ автомобиль № 5.000.000, а спустя три года, в іюнѣ 1924 г. — № 10.000.000. В настоящее время выпущено уже около 13 милл. машин, и производство при полной нагрузкѣ достигаетъ 8000 в день или 2-х милл. в годъ. Компаніи, составляющей единоличную собственность Форда, принадлежитъ 88 заводовъ, разбросанныхъ по всѣмъ частямъ свѣта. На нихъ занято 200.000 рабочихъ; такое же число работаетъ в агентствахъ по продажѣ и ремонтныхъ мастерскихъ; наконецъ еще 200 тыс. работаютъ в чужихъ предпріятіяхъ надъ выполненіемъ заказовъ Форда. Всего, такимъ образомъ, его обслуживаютъ 600

тыс.—или, считая с семьями, около 3-х милл. людей.

В 1926 г. несмотря на общее вздорожание цѣн по сравненію с довоенным временем, Форд продает свои автомобили на 40 проц. дешевле, чѣм в 1914 г. Между тѣм, в 1914 г. средняя поденная плата на его заводах составляла 2,40 долл., а теперь минимальный заработок—6 долл. за восьмичасовой рабочий день. В этих двух пунктах—цѣнѣ продукта и заработной платѣ—корень экономической теоріи, которую развивает Форд. Его всепоглощающая забота и главная цѣль—удешевленіе производимаго продукта.

По словам А. А. Гольденвейзера (Руль № 1128) обогащеніе Форда вызвано не эксплуатаціей, а напротив—созданіем новых возможностей благосостоянія для широких масс, как рабочих, так и потребителей. И имя его, одинаково популярное среди людей разных социальных лагерей, звучит во всем мірѣ; как символ индустриальнаго прогресса. Оно войдет в исторію, как имя величайшаго промышленнаго организатора нашего времени. Какая разница между столь плодотворной практикой этого американскаго самоучки и жалкими совѣтскими формулами промышленнаго застоя!

Совѣты ввозят в Россію ежегодно тысячи тракторов Форда. Не было ли бы лучше, еслиб поощряли не ввоз мертвых машин, а развитіе того животворнаго духа предпріимчивости и свободной инициативы, которые создали Форда и „фордизм“?

Частный капитал в торговлѣ.

„Подходный налог поднят до 45 процентов дохода плательщиков, не считая мѣстной надбавки. Поскольку мѣстная надбавка в размѣрѣ 35 процентов основного налога мѣстами повышается до 50 процентов,—обложение подходным налогом может достигать 56-67 процентов от дохода. Обложение сверхприбыли в предѣлах до 50 процентов налога, т. е. 22.5 проц. дохода, может в отдѣльных случаях повысить размѣр подходнаго обложенія до 90 процентов“.

(Из рѣчи Рыкова на 15-й партійной конференціи Октябрь 1926 г.)

Вопросами частной торговли до послѣдняго времени совѣтская статистика интересовалась весьма мало. Только за послѣдній год в связи с возгорѣвшейся меж—партійной полемикой они начали привлекать вниманіе. Тѣм не менѣе каких либо сводных данных, посвященных этой темѣ, не имѣется. Поэтому приходится прибѣгать нерѣдко к матеріалам т. наз. выборочных обслѣдованій, всегда болѣе или менѣе несовершенных. Одно из таких выборочных обслѣдованій произвело в концѣ 1925 г. бюро частной торговли при Московской Товарн. Биржѣ, оно охватило свыше ста предпріятій важнѣйших отраслей оптовой и опт. розничной торговли. Результаты его сводятся к слѣдующему. „Тяжесть налогового обложенія была тѣм сильнѣе, чѣм выше был разряд предпріятія, т. е.

чѣм оно было значительнѣе. Так напр. для 5-го разряда обложеніе составляло в среднем 8,7% от общаго оборота, для 4-го разряда—11,7%, для 3-го—15,8% (принимались во вниманіе подоходный налог, урєвнительный сбор, арендная плата, квартирная пл. и пр.) Прочіе виды накладных расходов в частной торговлѣ незначительны. Так всѣ расходы по содержанію служащих составляют в предпріятіях 5 и 4 разрядов от $\frac{1}{2}$ до 3% оборота. Скорость оборотов капиталов в частной торговлѣ показывает очень яркій эффект. Несмотря на недостаток товара, быстрота оборота в мануфактурной торговлѣ равна в среднем 16—18 раз в год, а в нѣкоторых случаях до 36 раз. В торговлѣ пряжей быстрота оборота колебалась от 20 до 25 раз в год; в галантерейно—трикотажной торговлѣ — 12—13 раз; в москательной—химической 12 раз и т. д. Большинство предпріятій пользовались кредитом. Крупныя фирмы кредитовались преимущественно в банках и обществах вз. кредита, но не в полной мѣрѣ. Недостающія средства добывались на вольном рынкѣ по 5—8 процентов в мѣсяц. До 60% всѣх обслѣдованных текстильных фирм не получало товара непосредственно у производителей, остальные лишь в незначительных размѣрах получали его у трестов и синдикатов. Аналогичное положеніе было и в металлической и химической торговлѣ. Недостаток товара восполнялся ими главным образом путем покупки у посредников и кустарей. В снабженіи мануфактурной торговли доминирующую роль играли об—ва взаимнаго кредита. Закупки у кустарей были особенно значительны. В мануфактурной торговлѣ 70% фирм работало с кустарями. Еще выше роль кустаря в галантерейной, трикотажной, химической и металлической торговлѣ. Контингент покупателей склады-

вался главным образом из провинциальных розничных торговцев (от 70 до 95%). Принудительного ассортимента товаров частные торговцы не применяли. В самое последнее время усилилась тенденция частного опта к созданию подсобных промышленных предприятий при торговых фирмах". (Эк. Ж. № от 17 янв. 1926 г.). Не смотря на все, жизнеспособность частной торговли из этого обследования выявляется вполне определенно. Перед этим бесспорным фактом должны были остановиться сов. экономисты и так или иначе его оценить. В результате этого процесса среди оппозиционных членов господствующей партии наметились еще одна лишняя ревизионистская тенденция,—изменилось отношение к гос.—торговле.

Оппозиция хорошо знакома с действительным положением советских торговых учреждений, со всеми темными сторонами советской торговой политики, — в ее состав входит Каменев, недавний глава и руководитель комиссариата торговли. Очевидно, под его воздействием она выдвигает требование изъять из торговли капиталы промышленности и перебросить их на производство, другими словами отказаться совсем от функций советской власти в области обмена, ограничившись лишь поддержкой кооперативов. Советская торговля таким образом, очевидно, настолько себя скомпрометировала в глазах части коммунистов, что они решились на предложение столь смелое, как упразднение госторговли,—этого еще недавно любимейшего их детища. Хотя предложение это оппозиция поднесла под излюбленным соусом—необходимости сконцентрировать силы в пункт открывающем дорогу к социализации—усиления гос. промышленности, но „братский“ удар все же был жестокий. В процессе прений и ожесточенной меж—фракционной полемики

страна впервые могла читать в официальной прессе и подпольных листках критику существующего хозяйственного уклада, которому во все дни коммунизма до того воздавалась лишь напыщенная лесть.

Вообразите впечатленье на толпу почитателей „богомольцев“ или просто любопытных, когда из облаков официального фимиама вдруг неожиданно вместо гимна и славословия раздаются дерзкие слова об идолопоклонстве, когда на глазах толпы развешиваются кумиры, когда место безпрекословного поклонения занимают мысль, критика и слово,—три великих врага деспотизма. Это, конечно опасный для советской власти момент. В этом спор двух близнецов может вдобавь рано или поздно принять участие непросвещенная, безпартийная толпа, которая благодаря полному своему необразованию и „отсутствию сознательности“, способна выйти за марксистские пределы и перенести спор в более опасные плоскости, чем горные высоты ленинизма. Поэтому полемика была вскоре же прекращена. Внутри—партийная буря как будто затихла, оппозиция частью повинилась в грехах, а между тем, брошенные ею мысли, как камень в воду, продолжают привлекать общее внимание, захватывая все более широкие круги, и сколь ни абсурдны доводы расколников, как ни „безспорны“ положения правящей группы, все же апологетам последней все чаще приходится возвращаться к этому „брошенному камню“, все упорнее доказывать „ошибки оппозиции“.

И читая эти повседневные опровержения, даже и безсловесная толпа начинает беспокойно ворочать отвыкшими от самостоятельной работы мозгами. Одним из подобных „опровержений“ является статья совет-

скаго экономиста Крумина *), представляющая интерес потому, что она сконцентрировала всѣ данные, способныя по мнѣнію автора рѣшительно опровергнуть рост и опасность капиталистическаго накопленія.

Во вступленіи коммунистическій автор прежде всего расправляется с недавними лидерами.

... „Как обычно, и на данном историческом переломѣ от возстановленія и реконструкціи усиленно пытается дать о себѣ знать группа маловѣров, оппортунистов, слишком хорошо видящих рост капитализма в нашей странѣ и не замѣчающих еще болѣе быстрого роста и укрѣпленія социализма. Эту исторически—неблагодарную роль взяла на себя в нашей партіи так называемая „новая оппозиція“. Оппозиція, с исключительной, можно сказать, смѣлостью (чтобы не употреблять иного термина), одновременно с исключительной неграмотностью, а также с исключительным виляніем, противорѣчіями, опроверженіями через недѣлю, через мѣсяц того, что сама же выдвигала, выступила перед партіей и страной по вопросу о частном капиталѣ“...

Послѣ подобной „дружеской“ аттестаціи автор переходит к доводам. Остріе послѣдних он направляет главным образом против положенія оппозиціи, что частный капитал быстро увеличивает накопленіе. Цифра 600 милліонов рублей, в которой оппозиція исчисляет весь чистый доход частнаго капитала за 1925-1926 г. по его мнѣнію преувеличена, чистая доходность послѣдняго гораздо меньше, накопленіе же его равно „всего 100 милл. рублей.“ „При таком темпѣ, конечно, социалистическим высотам ничто не угрожает,“—

*) „Частный капитал и наша политика“.
„Эк. Ж“. № 236-1926 г.

успокаивает автор свою аудиторию. Статья написана по заказу—к вящему посрамленію оппозиціи, этим только и возможно объяснить фантастическую „статистику“ выводов из тѣх цифр, которыя приводит та же совѣтская статистика. Весь оборот частнаго капитала в совѣтской торговлѣ составлял по цифрам Госплана в 1924—25 г. 3700 милліонов рублей, в слѣдующем—4860 милліонов рублей, из общаго оборота в 20.468 милліонов рублей по всему Союзу, при этом, несмотря на лозунг—сокращенія и вытѣсненія частника из оптовой торговли—размѣръ послѣдней в общем товарном оборотѣ послѣ паденія в 1924 г., вновь поднимается до прежняго уровня, исчисляясь в 1925—6 г. в 981 милл. р.

Если вообще к цифрам совѣтской статистики всегда приходится подходить осторожно, то особенно это приходится рекомендовать при оперированіи с исчисленіем торговых оборотов, ибо свѣдѣнія о них совѣтская статистика почерпает в данных, собираемых главным образом агентами финансоваго вѣдомства. Всякій, побывавшій в Совѣтской Россіи, знает, что частные торговцы там в наше время ведут двойную бухгалтерію,—одну для себя, другую—для фиска. В послѣднюю попадают только тѣ данные, тѣ цифры оборота, которыя не могут абсолютно быть укрыты,—это по преимуществу сдѣлки с гос—учрежденіями, обычно проводимыя через товарныя биржи, весь прочій оборот от учета товарных бирж и фин—агентов ускользает.

В средѣ совѣтских дѣльцов появились особы „спецы“—бухгалтера, на обязанности коих лежит выработка специальных отчетов для фин—инспекторов, когда каждый счет и платежный документ прежде занесенія в книгу, анализируется с точки зрѣнія

уловимости казной. Может сдѣлка гдѣ—нибудь в ином мѣстѣ быть прослѣжена и обнаружена,—она записывается, нѣтъ таких опасеній—и она в книги не попадает.

В Москвѣ существует ряд предпріятій—палаток, гдѣ наличные запасы товаров незначительны, и гдѣ якобы производится лишь розничная торговля. Между тѣм Вы можете в них купить какое угодно количество, ибо имѣющіеся товары лишь образцы, товары покупателю доставляются непосредственно с какогонибудь таинственного склада и, конечно, не подпадают ни учету фин—агента, ни биржи. В той же Москвѣ ныне существуют цѣлыя правильно организованныя конторы ростовщиков, своеобразныя подпольныя банки. По внѣшнему виду это какое—нибудь ремесленное заведеніе, сапожное, портновское или чтонибудь в этом родѣ. В передней комнатѣ два—три типа чинят сапоги или шумят ножницами и машиной,—в задней засѣдает „банкир“, принимает кліентов и выдает ссуды. Свою бухгалтерію, конечно, он вовсе не ведет, считая, что касса и баланс всегда в его карманѣ. В столицѣ всѣ нэпманы хорошо знают „банкиров“ и благодаря установившимся нравам и обычаям,—своеобразной круговой порукой этой волчьей стаи, никогда не жалуются на ростовщика. Впрочем, это было бы небезопасно для жалобщика и в концѣ концов—безполезно, ибо „банкир“ обычно находится в лучших отношеніях с мѣстной властью. Процессы против ростовщиков в СССР почти не наблюдаются.

При этих условіях указываемыя выше цифры частнаго товарооборота являются явно и значительно преуменьшенными.

Подтвержденіе этому заключенію мы находим в

статьѣ сов.—экономиста Залкинда (Частная торговля в товаро—оборотѣ СССР 1926 г.). По его свѣдѣніям цифры оборотов частной торговли представляются в значительно больших размѣрах, как это видно из ниже слѣдующей таблицы.

В милліард. руб.	1923-24 г.	1924-25 г.	1925-26 г.
	5,09	4,75	6,69
Удѣльн. вѣс в общ. товарооборотѣ	35 %	23,4 %	21,3 %

Таблица показывает за послѣдніе два года увеличеніе размѣра оборотов частной торговли на 30%, в отношеніи же к общему товарообороту значеніе частной торговли за тот же період времени понизилось на 13 % Интересно сравнить относительную связанность частнаго торговца с гос. предпріятіями и кустарем По данным того же автора участіе частника в покупках у трестов и синдикатов выражалось в слѣдующем видѣ: в первое полугодіе 1924-25 продано ему на 133 милл. руб., во второе на 200 милл., в 1-ое полугодіе 1925-6 на 208 милл. руб., значительно больше частные торговцы получали от провинціальных отдѣленій гос.—торговли; за неимѣніем точных цифр по этому виду торговых операцій (свѣдѣнія относятся лишь к 28 торгам) можно предположить на основаніи имѣющихся данных, что провинц. отдѣленія снабжали частника двойным (в сравненіи с центром) количеством товаров. В процентном исчисленіи к общей суммѣ продаж трестов и синдикатов это даст по главным и провинц. отдѣленіям около 15 % в среднем. Совершенно обратную картину дают операціи частника на кустарном рынкѣ. Из общей массы кустарных издѣлій, опредѣляемой для 1924-25 г. в 1.700 милл. руб., только 300 милл. прошли через

гос. и коопер. аппарат. Если вспомним, что гос. промышленность главное внимание свое удѣляет снабженію гос. предприятий, удовлетворяя напр. металлоиздѣліями широкій рынок лишь на 38 % его потребностей, то приходится притти к заключенію, что дѣло снабженія товарами потребителя находится на $\frac{3}{4}$ в руках частнаго торговца. при чем частный торговец связан болѣе с кустарем, частной же промышленностью и широким рынком, чѣм с гос. промышленностью и гос.—торговлей. Наблюдая абсолютный рост частной торговли, официальные статистики правящей группы успокоивают себя тѣм соображеніем, что в отношеніи к общему торговому обороту страны значеніе частной торговли уменьшается. Однако же это уменьшеніе является результатом не какого либо внутренняго дефекта в организаціи частной торговли, а только враждебной к ней политики государства. Во времена военнаго коммунизма частная торговля была совершенно запрещена, и результаты сказались. Возможно, конечно, и сейчас прямо или косвенно повторить этот плачевный опыт, и результаты будут тѣ же. Вопрос идет не о том, может ли государство уничтожить частный торговый аппарат, а в том, что из этого выйдет... Стѣсненія частнаго торговца бьют прежде всего по населенію, а потом и по самому государству, ибо нелѣпо отдѣлять государство от его подданных... До сих пор однако же всевозможныя стѣсненія, изобрѣтаемыя властью и ея агентами по отношенію к частнику, не мѣшали ему наживать большіе прибыли на торговлѣ.

Размѣр прибылей не может не быть очень значительным. Как мы видѣли в главѣ о совѣтской торговлѣ, за функціи обмѣна по официальному подсчету начеленіе платит всему торговому ап-

парату Союза от $2\frac{1}{2}$ до 3 миллиардов червонных рублей. Эту цифру вынуждены признать наиболее правовѣрные сторонники Сталинской группы. Эта громадная масса, конечно, идет не столько в кассы гос—торговли и коопераціи, не взирая на порціи казенного доппинга, едва влачащих существованіе, сколько в карманы частника, ловко и быстро приспособляющагося к часто мѣняющейся торговой обстановкѣ. Оптовый частный торговец кладет в карман разницу в цѣнах между цѣнами треста и цѣнами оптового рынка. Когда двери трестов и синдикатов в 1925 г. перед ним закрываются, оптовик берется за организацію мелкой промышленности и кустаря. Тѣ и другіе охотно идут на подобное сотрудничество и создается громадное новое поле для приложенія сил частной инициативы. При больших кадрах безработных, слабом снабженіи кустарей сырыми матеріалами, и неимѣніи у них капиталов, при невозможности для гос—предпріятій надлежащим образом обслужить широкій рынок и при нежеланіи их снабжать частный рынок, такая помощь и сотрудничество выгодны для обѣих сторон и полезны для всего народнаго хозяйства. Если частная промышленность, вырабатывая продукции на 440 миллионов рублей, должна давать в среднем не менѣе 80% дохода, то резервуар накопленія частнаго предпринимателя в мелкой и кустарной промышленности неизмѣримо большій.

По данным совѣтской статистики значительно большая половина этих отраслей уже в 1926 году была организована частным капиталом и работала на частный рынок. О значеніи кустарнаго рынка мы распространяться не будем, скажем лишь в видѣ иллюстраціи, что производство кустарной промышленности на Украинѣ, в шесть раз превышает количе-

ство продукции, вырабатываемой местной республиканской промышленностью.

Доход „оптовика“ в этих областях имеет характер двойной: как организатор кустарного производства он получает предпринимательский доход, как поставщик сырья и скупщик изделий кустарного производства он берет с кустаря и рынка доход торговый. и в том, и другом случаях эти доходы, включая страховку от коммунистического насилия, должны быть очень велики. За доходами „оптовиков“ следуют доходы розничников.

Эта категория дѣлает барыши уже в самой периферии торговли, снабжая городское население хлебом, продуктами питания, промышленного (особенно кустарного) производства и деревню продукцией городов и отчасти хлебом (в недостаточных районах). Почти вся продукция советизированной промышленности значится в категории продуктов недостающих, а именно—мануфактура, галантерея, железо—скобяные товары. строительные материалы, стекло, посуда, обувь, кожаные изделия, даже дрова, всего этого обычно на рынках СССР в достаточном количестве нѣт. В избытокѣ иногда и не вездѣ имеется: хлеб, продукты животноводства, сахар, соль и керосин, причем в последнем также начинает в конце 1926 года чувствоваться недостаток Естественным следствием недостаточности производства и товарного голода является громадная разница между отпускными ценами синдикатов и розницей. Когда покупатель бросается на товар, предлагая всякую цену, когда действует закон спроса и предложения, то никакими распоряжениями о „снижении цен“ последнего не достигнешь. В лучшем случае только на некоторое время движение цен вверх приостанавливается, чтоб в

слѣдующем вновь возобновиться.

В этой игрѣ на пониженіе частный торговец не участвует.

Являясь лишь терпимым, юридически не имѣя права покупать с государственных складов товары, он может совершенно не считаться с циркулярами о пониженіях и обычно не считается. Распоряженія же о неотпускѣ ему гос—товаров он благополучно обходит, благодаря с одной стороны—взяточничеству, с другой стороны, потому что гос—торговля, загруженная до—нельзя кооперативными векселями, лишенная оборотных средств, часто вынуждена бывает продавать „частнику“ товар за наличные, чтобы этим путем покрыть срочные платежи.

В результатѣ частный торговец, не в примѣръ кооператорам, без помѣх кладет в карман всю разницу между оптовой цѣной и цѣнами вольнаго розничнаго рынка, накидывая столько, сколько может дать покупатель „Накидки“ достигают часто совершенно фантастических размѣров. Накидки, на примѣръ, на ситец по отношенію к оптовым цѣнам, в среднем доходят в 1926 г. до 54% по официальной совѣтской статистикѣ. Однако же в отдѣльных случаях, когда на рынках товара мало, эти „накидки“ достигают поистинѣ чудовищных размѣров. Так по данным обслѣдованія в Ленинградѣ перед Рождеством 1925 г. выяснилось, что ряд частных торговцев, даже снабжаемых мануфактурой в плановом порядкѣ и обязавшихся не примѣнять накидок свыше 30%, практиковали таковыя в 100—150%, а по данным текстильнаго синдиката Ленинграда накидки на сезонные товары в мартѣ 1926 г. доходили до 200% и выше.*) В октяб-

*) „Эк. Ж“, № 83 за 1926 г.

рѣ 1926 г. розничныя цѣны на стекло стояли на 300% выше оптовых. Если далѣе принять во вниманіе что по данным обследованія товарных бирж оборот товаров у частных торговцев очень быстр,—от 7 до 21 раза в год, то любители статистических упражненій могут попытаться высчитать приблизительную цифру прибылей, которая может заработать „красный купец“ на этом всесоюзном торжищѣ, на этом пиру спекуляціи, расцвѣтающей на почвѣ, удобренной пеплом „всероссійскаго пожарища“.

Когда само государство злостно спекулирует на населеніи, то можно ли ставить в вину спекуляцію частному торговцу?!

Таким же резервуаром прибылей для частника служила до недавняго времени и еще служит поныне хлѣбная и сырьевая торговля, В этой области государственная торговля, не говоря уже о кооперативной, ни в коем случаѣ не может угнаться за частной предприимчивостью. Совѣтскій торговый аппарат настолько слаб, неповоротлив и несвѣдущ, что и до сих пор разниа цѣн между районами Россіи, производящими хлѣб и непроизводящими, достигает без начисленія транспортных расходов громадных цифр, начиная от 100 % нормы накладки и ниже.

Однако же, если населеніе готово платить частнику двойную цѣну за доставленный товар, лишь бы он товар привез, то в области торговли хлѣбом и продуктами питанія частный капитал равным образом является полезным регулятором хлѣбных цѣн в различных районах, и участіе его в обмѣнѣ до сего времени сберегало крестьянству и городскому потребителю значительныя средства. Крестьянин всегда рад встрѣтить на рынкѣ частнаго скупщика, ибо послѣдній обычно предлагает цѣну на сельско—хозяйствен-

ное сырье высшую, сравнительно с гос—спекулянтами. Выдавая крестьянству премию в производящих хлѣбных районах, торговец перепродает продукты в малопроизводящих районах, гдѣ иначе, благодаря беззаботности и халатности государственных заготовителей населеніе должно было бы голодать или переплачивать еще большія суммы. Это полезная для населенія работа становится для всякаго очевидной, и коммунистам все труднѣе с ней бороться. Мѣры вроде запрещенія торговцам пользоваться желѣзнодорожным транспортом или повышение тарифов для частных грузов и тому подобное, лишь удорожают продукты в потребляющих районах, заставляя потребителей в двадцатом вѣкѣ пара и электричества оплачивать гужевой ветхозавѣтный транспорт, которым вынуждены пользоваться „частники“.

К чему приводит на практикѣ насиліе над экономическими законами, как дорого эти опыты над живым х зяйственным организмом обходятся населенію, видно из сравненія стоимости ржи и разницы на нее цѣн между производящими и потребляющими районами Россіи.

Разница между средними оптовыми цѣнами на рожь по производ. и потребл. полосам европейск. части СССР	На 1 окт. 1925 г.	1 окт. 1926 г.
Тоже между среди базарн. цѣнами.	23,3 коп.	41,9 коп.
	27,7	67,7 коп.

В 1925 г. когда частник мог подвозить хлѣб по желѣз. дорогам, потребитель переплачивал 23 (оптов. ц.) коп., в 1926 г. когда за дѣло хлѣбнаго снабженія взялось государство, потребитель переплачивает сверх того от 19 до 40 коп. на пудѣ.

Если барыши „частника“ непомерно высоки, то виноват не столько он, сколько тот экономическій строй, который ослабляет конкуренцію, увеличивает

стоимость продукции, дисквалифицирует крупную промышленность, дѣлая ее бездоходной, который, обобрав честных людей, разрушил тѣм нормальную торговлю, системой налогов и преслѣдованій превратив ее в спекуляцію, в игру, гдѣ слишком много неизвестных, гдѣ риск громаден, а барыши угрожаемы конфискаціей. Будем ли мы при таких условіях удивляться, что дань, платимая страной за безхозяйственность в области товарообмѣна, чрозмѣрна?

Мы не располагаем и никто, конечно, при совѣтских условіях не может располагать свѣдѣніями, способными установить приблизительную цифру капиталов, перекачиваемых из карманов потребителя в процессъ уродливаго товарнаго обмѣна. Укажем лишь, что по вычисленіям совѣтских экономистов из лагеря оппозиціи *) для истекшаго 1925-6 г. „прибыли торговаго капитала составляли 40 % с 4 миллиардов рублей, т. е. 1600 милліонов“, при чем в эту прибыль авторы не включают нормальную торговую прибыль, считая, таким образом, цифру 1600 милліонов накопленіем.—Сумма, быть может, и продиктованная отрывжкою военнаго коммунизма—ненавистью к частному капиталу, но тѣм не менѣе от нея до того размѣра накопленія—100 милліонов рублей, в котором последнее опредѣляют совѣтскіе оффиціозы, идет столь длинная лѣстница, что хотя статистическое блужданіе может длиться любое время, но болѣе или менѣе добросовѣстный наблюдатель едва ли найдет в себѣ смѣлость опуститься до послѣдней, столь успокоительной для совѣтских оффиціозов цифры. Истину приходится искать гдѣ то между двумя названными край-

*) „Большевик“ № 18 ст. Майзлина, „Красная Новь“ № 5 ст. Смирнова.

ностями, и ближе к цифрѣ оппозиціи, чѣм офиціозов. По данным комиссара финансов сумма доходов плательщиков, уплачивающих прогрессивный налог, на 1925-6 г. опредѣлена в 548 милл. рублей,—это тот минимум, который плательщиками никак не мог быть укрыт от сборщиков налогов, и он, конечно, должен быть весьма значительно повышен.

О размѣрах частных капиталов, вложенных в различныя отрасли промышленности и торговли, статистических данных совершенно не имѣется. Здѣсь исключительная область догадок. Одной из подобных догадок являются цифры комиссіи Вс. Сов. Нар. Хоз. и того же экономиста Гинсбурга; согласно им в торговлѣ и промышленности частных капиталов имѣется до 700 милліонов, в валютных операціях, домовладѣніи, транспортѣ до 200 милл., итого до 900 милліонов червонных рублей. Насколько эти исчисленія неполны, можно судить хотя бы по одному тому, что в них не попал капитал частных предпринимателей, вложенный ими в совѣтскіе государственные займы, между тѣм уже сейчас он исчисляется в суммѣ свыше 70 милліонов червонных рублей. Новая буржуазія в городах только что еще нарождается. По данным финансового вѣдомства в началѣ 1925 года лиц с „нетрудовым доходом“, уплачивающих подоходный налог, насчитывалось 1,062730 человек, вмѣстѣ с одним милліоном сельских хозяев фермерскаго типа, получающих доход свыше 800 рублей на хозяйство, это даст два милліона предприимчивых людей —ту основу, на которой по преимуществу будет строиться вся хозяйственная жизнь современной Россіи. Паразитарныя тенденціи совѣтскаго хозяйства должны встрѣтить наиболѣе рѣшительный отпор именно в этих группах, уже успѣвших связать себя

узами общих экономических интересов и взаимных услуг, проявляющих всѣ признаки дальнѣйшаго роста. В настоящій момент эти двѣ силы стоят друг против друга. С одной стороны продолжается по инерціи слабѣющее движеніе воинствующаго коммунизма, с другой—ему навстрѣчу идут настроенія иного свойства, это настроенія творцов новых матеріальных цѣнностей, людей, сознающих свое соціальное значеніе, по существу не враждебных совѣтской власти, но могущих стать таковыми, если власть не перестанет заниматься химерами, не захочет окончательно вступить на путь государственнаго практицизма.

Нэп и его результаты.

„Скажите,—проповѣдуете ли Вы, что мы (коммунисты) гнием на корню? Остаются ли Вы при прежних рѣшеніях о „Термидорѣ“, или Вы осуждаете их? Могильщики ли мы революціи?“ (Из рѣчи Бухарина на 15 партійной Конференціи оппозиціи Ноябрь 1926 г.)

Коммунизм дѣйствительно уже „сгнил на корню“, диагноз процессу поставлен оппозиціей вѣрно, и она от него, несмотря на приглашенія Бухарина, не отрекалась. И этот процесс внутренняго гніенія длится уже долго.

За истекшіе девять лѣтъ совѣтская власть испробовала много средств и способов, чтобы выйти из того страшнаго тупика, в который загнала утопическая теорія подполья. Всѣ они оказались одинаково безплодны потому, что строить какое бы то ни было государство сейчас изолированно, без поддержки и помощи капиталов сосѣдей и без поощренія накопленія их (капиталов) внутри страны невозможно. Еще болѣе абсурдно надѣяться, опираясь на международную торговлю (экспорт), с капиталистическим міром построить враждебное ему социалистическое государство. Оппозиція в своих московских выступленіях жестоко высмѣяла эту претензію правящей группы, называя ее щедринской идеей созданія социализма на „одной улицѣ“.

Если у Щедрина в „Помпадаурах“ есть помпадур единственный, который либерализм строит в одном уѣздѣ“*), то почему не быть ему у нас сейчас?

В этом спорѣ коммунистов формальная побѣда осталась за современными коммунистическими помпадаурами, но логическіе доводы оппозиціи не были, да и не могли быть опровергнуты. В настоящее время, если совѣтскій Союз может в нѣкоторых случаях констатировать извѣстный прогресс в хозяйственных областях сравнительно с годами военного коммунизма, то это произошло лишь потому, что СССР получил возможность послѣ снятія блокады вступить в торговые сношенія с Западом и Востоком,—это результат соглашенія с буржуазной Европой,—уступки коммунистов, признавших „Н э п“. Нарушится соглашеніе с буржуазіей, перейдут в то изолированное положеніе, в каком находилась страна в темную эпоху подлиннаго коммунизма, и всякому прогрессу будет положен конец. Таким образом весь относительный успѣх экономики и торговли СССР с границей не результат наступленія коммунистов, а их отступленія перед капитализмом. Они живут постольку, поскольку дѣлают постоянныя уступки послѣднему. Имѣя колоссальный запас природных богатств, громадныя резервуары свободных рабочих рук (по исчисленію Нар. Ком. землед. в 1925 г. по СССР было около 12 милліонов человек с недостаточным земельным надѣлом, из них 5 милл. не имѣли возможности приложить весь запас своей мускульной силы к землѣ), безконечныя пространства пустынных земель, требующих постройки желѣзных дорог и организаціи

*) Из рѣчи Радека в Ком. Академіи.

многомилліоннаго переселенія,—Россія не имѣет совершенно капиталов... Откуда она их может получить?

Правящая партія отвѣчает на этот вопрос:

—Из экспорта.—

В главѣ о положеніи сельскаго хозяйства мы уже дали общія характеристики того, возможно ли рассчитывать при существующей экономической политикѣ совѣтской власти на быстрое увеличеніе экспорта, мы указали, что чрезмѣрные налоги на производителей товарных масс имѣютъ результатомъ раздѣлъ болѣе крупныхъ хозяйствъ, и слѣдовательно, уменьшеніе товарныхъ излишковъ.

Если обратимся к цифрамъ совѣтскаго экспорта, то мы увидимъ, что при валовомъ сборѣ хлѣбовъ в 3859 милл. пудъ в 1925 г. экспортъ равняется лишь 4,2% от валовой продукціи, в то время какъ в 1913 г. онъ равнялся 13% послѣдней. Экспортныя возможности страны такимъ образомъ уменьшились ровно в 4 раза.

Балансъ внѣшней торговли Россіи в годъ войны по всѣмъ россійскимъ границамъ выражался в суммѣ 1634 милл. руб. по вывозу в том числѣ хлѣбныхъ продуктовъ на 744 милліона руб. и по ввозу—1536 милл. руб. В СССР тот же балансъ внѣшней торговли в 1924—5 г. по вывозу равнялся 551 мил. черв. руб., поднявшись в слѣдующемъ году до 663 милл. черв. руб., ввозъ поднялся с 720 милл. до 759 милл. черв. руб. за тоже время. Такъ какъ червонный рубль вдвое ниже довоеннаго, то в абсолютныхъ цифрахъ тепершній совѣтскій экспортъ приблизительно в пять разъ меньше до—военнаго, а вся вообще внѣшняя торговля носитъ в противоположность послѣдней ярко пассивный характеръ, давая казнѣ дефицитъ около ста милліоновъ руб. в годъ. Несомнѣнно, подобный катастрофическій упадокъ баланса внѣшней торговли Россіи не

может быть исправлен в течение очень продолжительного времени. Возникает основательное сомнѣніе, чтобы вообще когда либо при совѣтской системѣ хозяйства до—военный экспорт Россіи мог быть восстановлен. На этот вопрос сами совѣтскіе экономисты единогласно дают отвѣтъ: в до—военных размѣрах экспортныя возможности восстановиться—не могут „так как послѣ революціи отпали помѣщичьи хозяйства, давашія одни 300 милліонов пудов экспортнаго хлѣба; так как отпали хозяйства фермерскаго типа, особенно на Поволжьѣ, Сѣв. Кавказѣ и Украинѣ“, безжалостно уничтоженные безсмысленным потоком революціоннаго разрушенія.

Совѣтскіе экономисты утверждают, что даже при достиженіи сельским хозяйством довоенной посѣвной площади (на что потребуется еще 3-4 года) и при до—военных урожаях, экспорт не сможет достичь до—военных размѣров. *) Итак, этот источник изысканія необходимых для Россіи капиталов никаких иллюзій не внушает. В лучшем случаѣ излишками экспорта будет возможно покрыть ввоз 40% недостающаго совѣтской промышленности сырья и таковой же ввоз машин и орудій производства в размѣрах, потребных годичной амортизаціей послѣдних, для остальных нужд промышленности, т. е. для развитія ея в дальнѣйшем, не останется ничего. Коммунизм—это полнѣйшій застой, регресс в развитіи хозяйства. Еще менѣе надежд дают ресурсы внутренняго накопленія. В самой совѣтской промышленности, как мы видим, они совершенно ничтожны, они могли бы быть болѣе значительны в области частной промышленности и торговли, но этому мѣшает все

*) „Эк. Ж“. № 247 и 249—1926 г.

та же экономическая политика совѣтской власти, конфискующей накопленія частных лиц.

Надо думать, что благодаря именно этой политикѣ совѣтской власти значительная часть частных капиталов страны непрерывно утекает за границу. Многие частные промышленники и купцы из боязни конфискаціонных налогов вывозят контрабандным путем свои цѣнности и денежные средства. Факт этот достаточно хорошо извѣстен лицам, побывавшим в предѣлах Совѣтской Россіи, им, вѣроятно, также объясняется значительная утечка за границу червонцев,— утечка, имѣвшая своим непосредственным результатом в 1926 году то что совѣтскіе заграничные банки, мѣнявшіе червонцы на валюту, одно время из за громаднаго количества предъявленных к размѣну червонцев или совершенно пріостанавливали их размѣн (Берлин), или понижали при размѣнѣ их курс на 30-25 % (Харбин, Париж). Остается наконец послѣдняя и единственная надежда—на международных банкиров.

Здѣсь однако же препятствія еще болѣе серьезны.

Препятствія эти двух родов: во первых политическаго или психологическаго свойства, а во вторых—финансово—экономическаго. Кредит могут оказать, но европейскіе денежные рынки сейчас весьма напряжены, достать денег в Европѣ вообще трудно даже и для не—коммунистической власти. Всѣ міровые капиталы сейчас сосредоточены в Америкѣ, но захочет ли она его оказать Совѣтской Россіи?.. Не так давно П. Струве, говоря по этому поводу, обмолвился фразой, характеризующей столько же отношеніе к совѣтской власти эмиграціи, сколько и американских банкиров:

„Кредит означает довѣріе, и никакіе кредиты не могут быть основаны на обманѣ и притом двойном и вдвойнѣ пагубном—обманѣ богатых иностранцев и бѣдных соотечественников“. Такое же приблизительно сужденіе высказал в интервью американскій миллиардер Морган в 1922 г. в тот момент, когда Чичериным в Генуѣ был возбужден вопрос о полученіи Сов. Россіей от Европы трех—миллиарднаго займа. Тогда міровые банкиры вовсе не пожелали заводить об этом рѣчь. Будут ли они склонны отнестись к вопросу благожелательнѣе сейчас? Никаких положительных к тому данных не видно. В высшей степени сомнительно, чтобы англійскіе или амерканскіе банкиры пожелали вручить сотни миллионов правительству, которое враждебно их странѣ не только в своей политической платформѣ, но и употребляет всѣ средства, чтобы поколебать и разрушить самыя основы социальных отношеній. Устраненіе Зиновьева от руководящей роли в Коминтернѣ само по себѣ слишком недостаточно, чтоб измѣнить отношенія и взгляды. Потребуется нѣчто большее, а именно гарантіи того, что внѣшняя политика совѣтов перестанет вдохновляться идеями воинствующаго коммунизма. Одними обѣщаніями на сей раз вряд ли удовлетворятся, а реальных гарантій совѣтская власть дать, конечно, не сможет, и, если дает, то вынуждена будет их нарушить.. Прочной гарантіей могло бы быть только отдѣленіе сов. власти от коммунистической партіи, полная реформа политическаго строя СССР, о чем пока еще не говорят. Препятствія, как видно, и для коммунистов, и для банкиров почти неодолимые. Предположим, что они так или иначе будут устранены, и банкиры пойдут навстрѣчу желаніям сов. власти. Тогда возникают затрудненія второго порядка, разрѣше-

ніе коих не менѣе трудно.

Конфисковавъ свои и иностранные капиталы, совершенно наивно мечтать о возможности заключить новый долгосрочный заем, не урегулировавъ вопросов о старых долгах. Единственная страна, которой Совѣтская Россія ничего не должна—это Германія, но и здѣсь, благодаря небольшому количеству запасных средств и общему недовѣрію к принципам совѣтской власти, за послѣдній год удалось размѣстить лишь товарные кредиты, притом на сравнительно небольшую сумму 300 милліонов марок, на сроки всего от 2 до 4-х лѣтъ, и по сіе время из этой суммы реализовано товаров лишь на 40 милліонов американских долларов. Кредиты приходится просить у Англіи или Америки, и прежде их полученія ликвидировать прежнюю задолженность. Иными словами, получая, допустим кредит в сто милліонов, приходится брать обязательство на четыреста—пятьсот милліонов. Будет ли такая сдѣлка выгодна для страны и сможет ли она выполнить эти новыя обязательства? Утвердительный отвѣтъ может быть дан лишь в одном случаѣ,—если вся экономическая система будет перестроена по капиталистическому шаблону,—если этого не произойдет, то, конечно, новые капиталы пойдут или не по производительным каналам, или будут без пользы истрачены на различные болѣе или менѣе неудачные и чрезмѣрно дорогіе опыты „соціализаціи“.

Не трудно предугадать, что англійскіе и американскіе финансисты не согласятся дать новыя сотни милліонов, не получая гарантій их разумнаго размѣщенія. И в этой облсти таким образом на дорогѣ полученія заграничных займов стоит преграда в видѣ тѣх форм совѣтскаго хозяйственнаго организма, с которыми не примирится буржуазная Европа в Амери-

ка. Остается один выход—примириться с капитализмом—перейти от „Н э п ‘ а“ на третьи позиции.

Впервые в новой истории человечества государство столь полно проникается задачами промышленного и торгового строительства. В предыдущих главах мы в общих чертах пытались показать, к чему это приводит в области экономики. Не будет трудно сделать некоторые весьма краткие выводы о том, какими послѣдствіями эта послѣдняя дает себя знать в области отношений граждан друг к другу и к существующей власти. Во всяком другом государствѣ классовый его характер не выдвигается на первый план, он болѣе или менѣе скрыт, может проявляться не в формѣ прямолинейных утверждений законодательных постановлений, провозглашающих безправіе одних и всемогущество других, а в истолкованіи общих политических или экономических актов. Современное правовое государство исходит из положенія о равенствѣ перед законом всѣх граждан. Совѣтское государство не принадлежит к составу правовых государств; провозглашая диктатуру пролетаріата, изъясняя ее, как организованное насиліе над буржуазіей, оно тѣм самым ставит весь вновь народившійся класс предпринимателей в положеніе врагов, только терпимых и тѣм не менѣе непрерывно увеличивающих свое значеніе, как класса производителей. Благодаря деспотическим законам и произволу государства, ставшаго предпринимателем и монополистом, классовая борьба между рабочими и частными предпринимателями замерла, былой антагонизм промышленника и рабочаго смѣнился временным примиреніем. Антагонизм крестьянина и кустика с одной стороны и частнаго торговца и промышленника с другой под вліяніем тѣх же условій смѣнился извѣстным сотруд-

ничеством.

Всякое иное государство прямо или косвенно опирается на тот или иной производительный класс. На кого же сейчас может опереться совѣтское государство? Казалась бы, этот вопрос было бы нелѣпо задавать, раз государство опредѣленно и ясно прокламирует диктатуру пролетаріата. Такая безговорочная поддержка должна была бы быть ему обеспечена со стороны рабочаго класса.

Однако на дѣлѣ это далеко не так. С момента октябрьской революціи, когда рабочій класс оказал поддержку большевикам и привел их к власти, прошел слишком длинный многозначительный період, чтоб не измѣнить отношеній. Большевики превратились сами в предпринимателей; став во главѣ націонализованнаго производства, они унаслѣдовали не только производственный аппарат капитализма, но и сущность производственных противорѣчій. Всякое государственное предприятие СССР, в данное время построено по внѣшности на капиталистических началах. Принцип социализма—каждому по потребностям—давно уже выброшен из коммунистическаго обихода, он замѣнен другим—всякому по заслугам.—В соответствии с этой переменной в строй гос. предприятий все болѣе входят всѣ аксессуары капиталистическаго способа производства, как напр. сдѣльная заработная плата, безпрекословное подчиненіе техническому и административному надзору, единоличное управленіе фабрикой, штрафы и взысканія, наем рабочих внѣ бирж труда т. под.

Рабочему—которому так много обѣщали, в концѣ концов оставили только свободу митинговать на изрѣдка устраиваемых на заводах так наз. „производственных совѣщаніях“, притом свободу относитель-

ную, иногда влекущую для болѣе строптивных—увольненіе с работ. При низком уровнѣ заработной платы, тяжелых жилищных, санитарных и правовых условіях и усиливающейся безработицѣ совѣтскій пролетарій лишь в рѣдких случаях может быть признан вполнѣ надежной опорой совѣтской власти.

Остается крестьянство. И нѣкоторые заграничные лѣвые коммунисты утверждают, что сов. власть есть власть крестьянская. Германскій коммунист Корш (исключен из партіи) недавно писал: „Сталин король крестьян. Русская революція сейчас из радикально—буржуазной превращается просто в буржуазную“.

Это скорѣе предчувствія и предсказанія, чѣм дѣйствительность. Крестьянство СССР сейчас далеко не однородно.

Верхушечный—полу фермерскій его слой, облагаемый жестокими поборами и обираемый гос. торгами, по своей соціальной сущности не может не питать к совѣтской власти таких же враждебных чувств, как класс частных предпринимателей и торговцев. Средняя часть, т. наз. „середняки“ облагаемая в три—четыре раза выше горожанина—торговца, не способная из за дороговизны промышленных товаров и дешевизны сельс. хозяйств. продуктов восстановить свой земледѣльческій инвентарь, не имѣющая возможности одѣться и удовлетворить народившихся культурных потребностей, не питающая болѣе никаких надежд на возможность при помощи этой власти увеличить свои надѣлы, все болѣе должна склоняться к направленію мысли крестьянской верхушки.

Из приведенных нами в главѣ „Сельское хозяйство“ свѣдѣній читатель увидит, что полу—фермерскія хозяйства и „середняки“ составляют подавляю-

шую часть крестьянства, достигающую 63 % всего сельского населенія. Эти группы опредѣляют отношеніе всего крестьянства к власти. Ниже стоят: класс деревенских пролетаріев безпосѣвных—4,2 % и временно обѣднѣвших, имѣющих до 2-х десятин посѣва—33%. Последняя часть крестьянства довольно быстро уменьшается в своей численности, переходя в разряд болѣе состоятельный, за четыре года она уменьшилась на 40%. Всѣ тенденціи этой части направлены к этому переходу, и стоящая на их пути угроза повышения налога, как только их хозяйство начнет немного оправляться, едва ли может внушить им какія либо нѣжныя чувства к этой столь суровой по отношенію крестьянина власти. Остается таким образом надежда на ничтожный по численности и по хозяйственному значенію класс деревенских пролетаріев, разьединенных между собой, но связанных зато крѣпкими узами быта с окружающей мужицкой стихіей. Крестьянство, дѣлясь по своей хозяйственной мощности на различныя категоріи, во всяком случаѣ выступает, как единое, объединенное общим интересом перед лицом гос.—торговли и города, поставляющих товары, давящих деревню своими непомѣрными цѣнами. С другой стороны середина и верхушка крестьянства, раздѣлив помѣщичьи земли, заинтересованы не только в том, чтобы распредѣлить их по отрубам, но еще болѣе в том, чтобы эти выдѣленные участки закрѣпить в постоянное владѣніе, на которое не могли бы уже претендовать ни чужеродные элементы, приходящіе из города (еврейское переселеніе на Украйнѣ, в Крыму и на Дону), ни свои малоземельные, ни переселенцы из других областей (Кубань). В земледѣльцѣ все настойчивѣе и сильнѣе сказываются индивидуалистическія и собственническія тенденціи, стоящія

в полном противорѣчїи однако же всему совѣтскому строю. Таким образом и в том другом случаях настроенія подавляющей части крестьянских масс по отношенію совѣтской власти не может не быть в лучшем случаѣ оппозиціонными. В результатѣ власть повисает в воздухѣ, не поддерживаемая активно ни одним классам. Она конкурирует с промышленником и купцом, пользуясь при этом своими верховными прерогативами и создаваемыми ею же монополіями и запретами; она угнетает рабочих, как предприниматель; она раззоряет болѣе зажиточные слои крестьянства; пытаясь опереться на низы послѣдняго, она не умѣет и не может прочно привязать их к себѣ, ибо не располагает достаточными средствами для серьезнаго подъема их хозяйства; поднимая же на высшую ступень, она тѣм самым ставит их в разряд своих врагов, не способных мириться ни с низкими цѣнами на хлѣб, ни с высокими на промышленные товары.

К довершенію всего, задаваясь цѣлями міровой революціи, государство становится в оппозицію к самому себѣ и безразсудно тратит собираемые по крохам народныя деньги на цѣли, совершенно чуждыя странѣ.

Девять лѣтъ Россія жгла себя во славу всего человѣчества. Исполнилось как будто пророчество Ф. М. Достоевскаго, который 45 лѣтъ тому назад сказал: „мы не враждебно, а дружественно, с полной любовью приняли в душу нашу геніи чужих націй, всѣх вмѣстѣ... и тѣм уже выказали готовность нашу ко всеобщему, всечеловѣческому возсоединенію“ (Пушкинская рѣчь). Еще один раз нищій и голодный народ, мечтая о перерожденіи міра, мотал безумно наслѣдіе отцов и во имя этого всечеловѣческаго отрекался от наиболѣе дорогого своего. Полюбили уже не

„братушек“, на этот раз, а всѣх обездоленных, пролетаріев вселенной... Русскія увлеченія, надежды на освобожденіе міра, на объединеніе человѣчества! Во сколько обошлись народу эти красивыя мечты!—Они были красивы,—потому ими и увлекались в Россіи столько талантов, противоположных направленій... Красота подкупает. Но красота бывает различной.—Одна реальна, как колонада Парфенона, как собор Василия Блаженнаго, другая призрачна, как тающее закатное облако в наших сѣверных краях, гдѣ краски ушли от земли в небеса. В этой прельстившей русскую интеллигенцію красотѣ не было правды. Мечта противорѣчила дѣйствительности. Можно ли совершать благодѣянія за счет голодных? В правѣ ли отец обречь на смерть своих дѣтей, отнимая послѣдній кусок у них, чтоб отдать чужому? Через трупы и трупики русских младенцев и стариков шагали равнодушно колонны „спасителей Европы“... И когда они перебрали эти моря крови, одна Европа, сытая, равнодушная встрѣтила насмѣшками пророков, другая,—жадными пальцами прикидывая на счетах, что может дать ей благосклонность, встрѣтила поцѣлуем, но это был поцѣлуй блудницы... Жертва и кровь пропали даром...

И это не осталось незамѣченным, не прошло без слѣда в народной жизни и в жизни самой правящей партіи; на пространствѣ двух послѣдних лѣтъ эволюція мысли в средѣ послѣдней пролагает дорогу новому...

Так недавно бывший глава Коминтерна Зиновьев писал: „Мы (коммунисты) только временно находимся в Москвѣ, мы желаем, чтобы наше пребываніе там было возможно кратковременнѣе, и чтобы мы могли в скорѣйшем времени перенести коминтерн—штатъ

міровой пролетарской революції в другую страну“ [Комм .Интернац. № 9-1924 г.].

Психологія кочевника, конечно, весьма мало удѣляет вниманія подлинным нуждам той области, в которой он временно разбил свои палатки. Если он и бывает чѣм озабочен, то его заботы не простираются дальше того, как скорѣе и возможно больше собрать подати с временных его данников. Нужды и жалобы послѣдних его не трогают, он пасет свои табуны так же охотно на степи, как и на пашнях...

Однако же коммунистическій номад вот уже девять лѣтъ не может передвинуть своих кибиток на заманчивый Запад. Европейскіе и американскіе пролетаріи оказались довольно невоспріимчивы к пропагандѣ, и не смотря на самые жестокіе попреки и понуканія, они не выказывают никакого желанія повторить у себя на родинѣ „русскій опыт“.

„Поджигатели“ перед лицом очевидных фактов должны были признать свою неудачу, по своему обыкновению они замаскировали ее, назвав свое поражение „стабилизацией капитализма“, и устремили главное вниманіе на Восток, гдѣ им однако же приходится выступать не столько в роли социальных революціонеров, сколько под флагом національного освобожденія восточных народов от западных империалистов.

Крушеніе надежд на скорую социальную революцію на Западѣ неизбежно повлекло измѣненіе отношеній коммунистов как к другим странам, так и к той, среди народов коей они нашли себѣ пріют. Все чаще и упорнѣе высказываются мнѣнія о том, что нелѣпо тратить милліоны на поддержку заграничных отдѣлов коминтерна,—этих „приживальщиков“, этой «своры мелко буржуазной челяди» (группа Мед-

вѣдева—Шляпникова), отрывая их от нужд своей собственной страны,—этого „единственного социалистического государства“. Движеніе ширится, не смотря на жестокое противодѣйствіе группы Зиновьева в то время (1924 г.) чрезвычайно вліятельной, захватывает ту часть коммунистов, которая принадлежит к русской національности, распространяется в средѣ рабочего класса и наконец оказывает свое вліяніе и на полит.—бюро партіи. К началу 1926 г. в средѣ послѣдняго намѣчаются два теченія:—одно крайних интернационалистов—разсматривает Россію по прежнему лишь как временную базу для проникновенія коммунизма на Запад,—источник матеріальных средств и сил, другое смотрит на Россію не как на временную станцію, а как на мѣсто постоянного жительства, которое нужно устроить прежде заботы о всем другом. Коминтерн послѣдним разсматривается не с точки зрѣнія того, что чрез посредство его может дать Россія западному пролетаріату, а что она может от послѣдняго получить...

Склонившійся ко второму мнѣнію Сталин писал: задачей всѣх коммунистических партій міра является „поддержка совѣтскаго союза, так как послѣдній есть оплот революціоннаго движенія всѣх стран“. (Правда № 66 за 1925 г.)

Между этими двумя взглядами, конечно,—громадная разни́ца. Если при первой отправной точкѣ зрѣнія государственная идея отсутствует, нѣтъ и самой государственной власти, а есть лишь организація международных заговорщиков, которые с легким сердцем во всякій момент готовы принести в жертву своей химерѣ нужды и интересы страны, властью над которой им удалось овладѣть, то послѣдовательное проведеніе второго взгляда вводит их сторонников в

круг государственных идей, ставит управляемое ими государство на высоту самодовлѣющей верховной единицы, полагает начало разграниченію функцій государственных от отправленій партійнаго характера. Самому Коминтерну это теченіе отводит область скорѣе служебную, направляемую в государственных интересах, т.е. приблизительно ту, которую придавал Людендорф проѣзду большевистских вождей в 1917 г. в Россію.

Эти различія двух точек зрѣнія были настолько значительны, что компромисс оказался невозможным, и противники должны были неизбежно столкнуться. На этот раз государственное теченіе побѣдило. Верхушка оппозиціи, состоящая к тому же исключительно из представителей не русских элементов, была сломлена и хотя не отреклась от своих взглядов, вынуждена была подчиниться постановленіям XV парт. конференціи. Всѣ оппозиціонные члены полит.—бюро были из него исключены. Отступая от начал крайняго интернаціонализма, перестраивая таким образом свою идеологию, группа Сталина продѣлала это под видом очищенія „подлиннаго ленинизма“ от раскольнических тенденцій группы Зиновьева—Троцкаго.

Отступление это было тѣм легче, что оно прикрывалось текстами самого учителя (Ленина), в трудах котораго всегда возможно было найти подтвержденія весьма противорѣчивых сужденій.

„Сектанты“ коммунисты, очутившись у власти, управляя судьбами сто сорока миллионнаго народа, силою вещей вынуждены иногда становиться практика-ми; государственных нужды и потребности все сильнѣе начинают давать себя чувствовать; требуя удовлетворенія, они все яснѣе противорѣчат сухой и безплодной догмѣ секты. „Н э п“, как экономическая

система, носит в себѣ самом внутреннее противорѣчіе, изжить которое представляется совершенно неизбежным. Это был компромисс между разбитым экономическими законами коммунизмом, сохранившим политическую власть, и хозяйственными потребностями страны. За свое пятилѣтнее господство „Н э п“ развязал и усилил тенденціи экономического характера, но остановившись на пол—дорогѣ, в данное время своими формами государственнаго воздѣйствія на развивающіяся экономическія отношенія, как тяжелой плитой придавил жизненные силы экономики страны, и в теперешнем своем видѣ приводит к застою, является явной серьезной угрозой всему народному хозяйству.

„Оппозиція“ это противорѣчіе до известной степени осознала, но подходя к основной темѣ о структурѣ современнаго совѣтскаго экономического строя с правильной исходной точки, признавая усиленіе капиталистических элементов в СССР, она, состоя из лѣвых утопистов типа Троцкаго—Зиновьева, не сдѣлала из этого положенія логических выводов и пыталась увлечь правящую партію на путь повторенія в миніатюрѣ эпохи военнаго коммунизма, новых налоговых и правовых репрессій по отношенію крестьянства и частнаго капитала. Группа Сталина не сочла возможным встать на этот рекомендуемый оппозиціей путь, очевидно, сознавая, что он может привести к новому Кронштадту и новым крестьянским возстаніям.

Но встав однажды на эту позицію, правящая группа естественно не может остановиться на мѣстѣ. Тѣ же логическіе доводы, тот же учет объективных данных, которые привели экономистов и политиков совѣтской Россіи к сознанію невозможности вступить на путь, рекомендуемый оппозиціей, властно вынуждают сдѣлать и дальнѣйшіе шаги. Поход против

иниціативнаго хозяйственного меньшинства населенія, виражающійся в усиленіи до уродливых размѣров взысканія 90% доходности, (рѣчь Рыкова на 15 конференціи) у частных предпринимателей и 50% у крестьян,—поход, в значительной мѣрѣ предпринятый под вліяніем критики оппозиціи,—должен быть прекращен.

Иного логическаго выхода как будто нѣтъ, раз рецепты оппозиціи отвергнуты, раз дѣйствительно хотят считаться с интересами крестьянства.

Достигнув разоренія тѣх двух милліонов хозяйств, от которых государственная казна получает в настоящее время подавляющую часть налогов, разрушив частно—торговый аппарат, коммунисты, быть может, одержат видимую побѣду, но это будет побѣдой Пирра.

Государство останется с пустой казной, промышленность будет лишена сырья, вновь может повториться зловѣщій 1921 год. Будет торжествовать догмат секты, но сами сектанты вскорѣ же испытают, неизбѣжныя послѣдствія своего фанатизма.

Эти послѣдствія настолько неизбѣжны и самоочевидны, что онѣ как будто осознаны в значительной мѣрѣ правящей группой Сталина. И тѣм не менѣе, если это сознаніе не перейдет в убѣжденіе в неизбѣжность и плодотворность перехода к капитализму, оно не даст странѣ ничего реальнаго и цѣннаго. Проявившись в рядѣ уступок „частнику“ или крестьянину, оно будут носить по прежнему характер временный, новаго „обходнаго движенія“ и не принесет народу гарантій спокойнаго поступательнаго прогресса.

Разрѣшеніе на практикѣ даже столь второстепеннаго вопроса, как вопрос о реформѣ налогового обложенія в благопріятном для страны смыслѣ, не ста-

нет от этого легче, ибо вопросы налоговой политики суть часть общей экономической политики всякого государства и отдѣльно от нея разрѣшены быть не могут. Это лучше всего доказывается тѣм, что сов. власть не раз уже заявляла о своем желаніи облегчить крестьянству налоговое бремя, но вслѣд за временным сниженіем послѣдняго еще болѣе его отягчало. Преслѣдуя и подавляя инициативу отдѣльных производителей в различных отраслях народнаго хозяйства, конфискуя индивидуальныя накопленія, раз онѣ выходят за рамки обычнаго уровня, совѣтское правительство тѣм самым уничтожает источники, из которых при иных условіях оно могло бы черпать средства, необходимыя ему для выполненія бюджетных государственных задач, это оно, несомнѣнно, сознает, но дѣйствовать иначе оно не может за полным истощеніем своих финансовых ресурсов. Сов. налоги это—лишь часть совѣтской хозяйственной системы, а тѣ и другая настолько убійственны для экономического организма страны, что о дѣйствительном облегченіи непомернаго налогового бремени возможно будет говорить лишь тогда, когда самыя основы совѣтской экономики иснытают коренныя измѣненія. При данных же условіях, в рамках „Нэп'а“, без вполнѣ послѣдовательнаго перехода к капитализму страна не выйдет из того тупика, в который ее загнал коммунистическій бред. Противорѣнія между экономической политикой совѣтов и жизненными интересами страны не ограничиваются однако же вопросами налогового обложенія, они идут гораздо глубже, они по своему существу діаметрально противоположны, непримиримы.

Интересы широких слоев населенія, интересы крестьянства и городских индивидуальных производи-

телей требуют отмѣны совѣтской системы безхозяйственного покровительства гос.—торговлѣ, гос.—промышленности, уравненія шансов для послѣднихъ с отдѣльными индивидуальными хозяйствами, уничтоженія монополіи внѣшней торговли. Пойти навстрѣчу этимъ требованіямъ для совѣтской власти означаетъ ниспровергнуть всю ея бюджетную и денежную систему. Какъ извѣстно, червонное обращеніе металлическимъ запасомъ обезпечено лишь в совершенно ничтожной части —из одного милліарда трехсот милліоновъ черв. рублей, обращавшихся в Сов. Россіи к концу 1926 г., в кассахъ Государств. Банка по его балансу числилось лишь около 15 милліоновъ металлическаго обезпеченія.

Курс черв. рубля носит совершенно искусственный принудительный характер, онъ могъ кое какъ, хотя и с большими затрудненіями, держаться лишь благодаря совѣтскимъ монополіямъ и особенно—благодаря монополіи внѣшней торговли. Раскрѣпостить индивидуальную инициативу, понизить налоги до болѣе или менѣе нормальнаго уровня, отмѣнить разоряющія народъ монополіи и прежде всего монополію внѣшней торговли, отказаться отъ веденія убыточныхъ промышленныхъ предпріятій, передавъ ихъ прежнимъ владѣльцамъ, возстановить право собственности,—всѣ эти минимальныя задачи, уже стоящія на очереди, ожидающія своего осуществленія, не могутъ быть разрѣшены безъ примѣненія радикальных средствъ, безъ обращенія к чисто капиталистическимъ формамъ хозяйства, безъ перехода Сов. Россіи к правовому строю современныхъ цивилизованныхъ государствъ, безъ помощи мірового капитала. Чтобъ вывести страну изъ глухого тупика, требуются сейчасъ не реформы и свѣжія „заплаточки“ на обвѣтшалое рубище совѣтской власти, а реформа. Возможно, конечно, предположить, что сознаніе

необходимости приблизить систему «Нэп'а» к капиталистическому способу производства присуще многим коммунистам, быть может, даже большинству их болѣе интеллигентной части, но от сознанія и до осуществленія—еще очень длинный путь. Необходимость реформ всегда и вездѣ сознается многими, но осуществляется большею частью одним,—той выдающейся волевой личностью, которая находит в себѣ силы преодолѣть, как частные интересы отдѣльных лиц и групп, так и силу инерціи массы. Переход от „Нэп'а“ к капитализму к данному времени уже подготовлен всей суммой объективных предпосылок экономического развитія страны. Однако для своего претворенія в дѣйствительную жизнь он потребует появленія на сцену современной русской исторіи фигуры, быть может, столь же сильной, как Наполеон I или Петр Великій. Выйдет ли она из среды коммунистической партіи? Будет ли кто либо из коммунистов настолько смѣл и рѣшителен, чтобы, преодолев предвзятую идею, взять на себя всю тяжесть ответственности? Достанет ли у представителя партіи силы воли, чтобъ стать этой исторической фигурой прогресса?

Или нація выдвинет из себя иную личность, нам незнакомую, но не несущую на себѣ одіума неудачной власти, грѣхов и ошибок недавняго прошлаго?

—Кто знает!—

Нѣкоторые параллели.

„Когда родина в опасности, когда вооруженный чужестранец нападает на границы, всѣ слѣдуют за тѣм, кто несет знамя, кто бы он ни был—узурпатор, авантюрист, мошенник... Если вырвать в этот момент у него знамя, если прогнать его, дѣло общественное было бы погублено. Честные люди жертвуют своим отвращеніем ради общественного спасенія. Чтоб спасти Францію они служат ей недостойному правительству“.

Т Э Н.

Один из иностранных историков, давшій яркіе очерки императорской Россіи,—писатель по происхожденію и воспитанію весьма мало склонный к прикрашиванію или сглаживанію фактов трактуемаго им предмета,—Валишевскій—полу—поляк, полу—француз, констатируя факт неизмѣннаго возрастанія при императорах силы и могущества Россіи, не взирая на всѣ ошибки правителей и царей, на всѣ их недостатки, так объясняет это удивительное явленіе:

„Россія шла к могуществу силою той жизненной энергіи как государыни [Елизаветы], так и подданных, которая возмѣщала и ея, и их недостатки и группировала вокруг престола ряд умов, энергій и волю, готовых поддержать главный принцип власти и дѣятельности. Эта напряженная воля пробивалась из прошлаго, полного легенд, предвѣщала будущее, полное обѣщаній, окружала этот молодой, сильный и склонный к мистицизму народ атмосферой героизма, воодушевляла самых слабых, самых испорченных и

позволяла при всѣх недостатках и измѣнах восторжествовать идеѣ служенія общему идеалу, фанатическому культу этой идеи" (государства). Это нѣсколько метафизическое объясненіе причин успѣхов Россіи по существу не может не быть признано правильным.

Національное чувство создало великое государство, болѣе всего оно спасало Россію от всѣх бѣдствій и исторических невзгод. Государственный аппарат наступленія и защиты-военныя силы—были организованы на національных основах.

Войско состояло не из наемников, как то было у нѣкоторых западных держав в XVIII вѣкѣ, а из цвѣта націи—крестьян,—при том коренных областей. В этоху военнаго расцвѣта Россіи вплоть до царствованія Екатерины II рекрутов в русскую армію доставляли лишь десять великороссійских губерній. Украина имѣла тогда свою отличную военную организацію, Прибалтійскій край в рекрутчинѣ совсѣм не участвовал. Маленькій по численности центр великорусской Россіи (по ревизіи 1747 года в областях Великороссіи, поставлявшей рекрутов, числилось всего 6.624.026 жителей) создавал кадры той арміи, которая не смотря на бездарность елизаветинских полководцев, умѣла находить в себѣ силы побѣждать величайшаго вождя столѣтія—Фридриха Великаго, а самое поражение превращала в побѣду.—Де—Катт в своих мемуарах о Цорндорфѣ рисует такія сцены истребленія пруссаками русских гренадер:

„Русскіе солдаты падали рядами, цѣловали пушки в то время, когда их рубили саблями и не оставляли их“ [стр. 788].

И каким контрастом этим картинам великаго героизма предков, каким эпическим развалом выявит себя противо—германскій фронт в эпоху революціи!

Какая громадная непереходимая, казалось бы, грань лежит между этими двумя періодами русской исторіи,—нереходимая не потому, что их раздѣляет полтора столѣтія (для великаго народа это лишь историческій миг), а по внутреннему их содержанію, по страшному, коренному различію народной психологіи.

В результатѣ этого развала, невиданнаго в военной исторіи Европы, аналогію которому германскіе писатели могли подыскать лишь в распадѣ древне—персидской монархіи Дарія, Россія послѣ Брест—Литовскаго, Рижскаго и иных договоров вновь возвращается ни Западѣ к границам Московскаго государства эпохи Алексѣя Михайловича, потерявъ Финляндію, Эстонію, Ливонію, Литву, часть Бѣлоруссіи, и Украйны и Бессарабію. Оттолкнувъ династію Романовых, Россія в один историческій миг потеряла всѣ пріобрѣтенія, принесенныя ей в дар императорским періодом ея исторіи. К началу 1913 г. до—революціонная Россія имѣла 165 милл. жителей, ея народонаселеніе ежегодно увеличивалось на $3\frac{1}{2}$ милліона естественным приростом и переселеніем из сосѣдних стран. По прошествіи 13 лѣтъ внѣшне и внутренне спокойнаго существованія к 1 января 1926 г. она должна была бы имѣть свыше двухсот десяти милліонов человѣк. В дѣйствительности по данным совѣтской статистики на это время она имѣла лишь около ста тридцати двух милліонов!

Россія потеряла от сепарацій около 25 милл. человѣк, остальное слѣдует отнести на результаты войн, голода, эпидемій и уменьшенія рождаемости. Неудачная политика и, как ея результат,—война и революція—нанесли нашему государственному организму в области народонаселенія ущерб в восемьдесят

милліонов челѣвѣк... Таков страшный пассив послѣдних десятилѣтій. В чем же лежит причина столь глубокаго различія в поступках и поведеніи русскаго народа в XVIII и XIX вѣках? Гдѣ кроется объясненіе разительнаго отличія этих двух эпох начала и конца императорскаго періода русской исторіи? Національное чувство, дѣлавшее из наших предков героев, замѣщавших своею доблестью недостатки вождей, за сто пятидесятилѣтній період времени исчезло, смѣнившись безразличіем и апатіей, убитое в верхах иностранными идеями и оторванностью от массы, оно угасало в массах, придавленное бездушной, лишенной идеала бюрократической машиной, в которую превратилось государство. Государственная машина, лишенная живого вдохновеннаго внутренняго огня, работала механически, аппаратом внѣшняго принужденія. И когда случайно внѣшняя принуждающая сила ослабѣла, внутренних сил не оказалось, и вся машина стала.

Возродить это животворящее національное чувство, эту силу, дающую жизненную мощь всякому народу, питающую его творческую энергію, толкающую его к росту и совершенствованію, возможно было лишь в том случаѣ, если страна избавится от застарѣлой болѣзни, медленно развивавшейся в организмъ Россіи и ставшей очевидно опасной в послѣднія десятилѣтія.

Этим болѣзненным явленіем, поражавшим вниманіе многих наблюдателей русской до—революціонной жизни, была разъединенность народа и его интеллигенціи, оторванность русских граждан от политических судеб их родины. Великій преобразователь Россіи Петр I; „взнуздав коня“, вздыбил его и своей мощной рукой бросил Россію вперед—на Запад. Путь не был избран народом. Это был не выбор, а приказ.

—абсолютный, хотя и гениальный деспотизм.—

Современники и потомки лишь болѣе или менѣе удачно подражали великим дѣлам Великаго Петра. И так как гениальных среди них никого не было, то деспотизм из гениальнаго выродился в обычный произвол. Бюрократическая стѣна в теченіи двух столѣтій росла и раздѣляла двѣ Россіи: одну—маленькую, которая управляла,—другую неизмѣримо большую, которой управляли. Традиція Петра—удѣл народа повиноваться—неуклонно соблюдалась, народ никто и ни о чем не спрашивал. И еслибы люди не были смертны, не имѣли недостатков, не совершали ошибок, то, быть может, это и не имѣло бы трагических послѣдствій. Но так как тѣ, кто дѣйствовал за Россію, были люди полные недостатков, прѣстые средніе люди, то другіе, которые были лишь свидѣтелями всего совершающагося, сами не участвуя в управленіи, имѣли полную возможность критиковать. Отстраненные от всякаго участія в дѣлах страны они, критикуя, все болѣе и болѣе привыкали к мысли, что всякое дѣйствіе управлявших касается только послѣдних. Забывая, что эти послѣдніе дѣйствуют от имени и в интересах цѣлаго, государства, управляемые стали все больше смотрѣть на самое государство, как на что—то чуждое, постороннее. Россія до—революціонная при всей своей мощи страдала внутренней слабостью, раздѣленностью правящих от народа; государство не входило в частную жизнь гражданина, как часть общаго, а было внѣшной силой.

Трагедія 1918 года назрѣвала еще в тѣ дни, когда интеллигентная Россія радовалась пораженіям русской арміи на полях Маньчжуріи, когда так называемое образованное общество твердило про „авантюры“ и шептало на всѣх углах вороньим карканьем—„чѣм

хуже—тѣмъ лучше!“

В так называемом образованном обществѣ пред-революціоннаго періода уже нельзя было отыскать слѣда подлинных національных настроеній. Чувства здороваго патріотизма, служенія идеѣ государства и общества были во всеобщем употребленіи на словах, —на дѣлѣ же они были удѣлом лишь немногих избранных натур. Всюду бралъ верхъ самый жадный и жалкій эгоизм. Особенно зловѣще вырисовалась его отвратительная гримаса во время войны на фонѣ всенароднаго бѣдствія.

Когда на передовых постах умирали рядовые офицеры и солдаты, многіе из интеллигентов „окапывались“ в различных тыловых, земских или союзных организаціях и учрежденіях. В тылу шел постыдный непрерывный пир, и толпы жадных спекулянтов международнаго типа наживали безумныя деньги на заказах казны и военных поставках.—

Без конца твердили—„война до побѣднаго конца“,—но выбрасывавшіе этот лозунг не понимали того, что первым залогом побѣды всегда и вездѣ было искусство повиноваться, дисциплина дѣйствія, а не столь привычное занятіе критики. Критикой занялись всѣ и прежде всего политическіе вожди и придворная знать,—именно тѣ, от кого болѣе всего, казалось бы, слѣдовало ждать сознанія лежащей на них отвѣтственности перед страной и народом. В концѣ концов величайшим народным бѣдствіем рѣшили воспользоваться, как орудіем, для того, чтобы свалить историческую власть. Настало время явных интриг и тайных заговоров. Предательство и измѣна заняли мѣсто преданности и сознанія долга.

Впослѣдствіи, когда было уже поздно исправлять ошибку, когда было невозможно повернуть вспять

колесо исторіи, старый революціонер князь Крапоткин на Московском совѣщаніи 1917 г. бросил в лицо русскаго общества горькую фразу: „развѣ можно было мѣнять правительство во время войны“?!

В концѣ 1916 и началѣ 1917 г. г. этой столь простой истины не понимали настолько, что сами члены царской фамиліи готовы были участвовать в переворотѣ, подготовлявшемся правыми членами Государственной Думы во главѣ с А. Гучковым. Вожди умѣренных и правых партій первые положили начало вовлеченію арміи в политику, они же уговаривали генералов Алексѣева и Рузскаго не оказывать поддержки императору в дни петроградскаго возстанія. Эпигоны уходившей в прошлое эпохи не понимали, что переворот будет крушеніем. Ставя свои штемпеля под планами низверженія Николая II, всѣ эти люди тѣм подписывали себѣ смертный приговор. Исторія лишь привела его в исполненіе, избрав случайным палачом большевиков.

Правящіе круги, начиная от представителей знати и кончая представителями Государств. Думы, рискнув пойти на переворот, во всяком случаѣ показали, что историческаго момента они не понимают, что жажда власти, эгоистическія чувства и самоувѣренная критика ограниченных натур заняли мѣсто сознанія чувства долга и политической отвѣтственности. Это было время, когда каждая умѣренная политическая организація плыла по теченію, отрекаясь от своих принципов, или замыкалась в обывательскую скорлупу, наивно думая найти желанный покой под крылом спасительнаго лозунга— „вся власть Учредительному Собранію“; причалив к этой пристани, думали сыскать в ней избавленіе от все сильнѣе крѣпчавшей политической бури.

Политическая исторія не знает снисхожденія.

Понимали ли высшіе классы, в теченіе столѣтій руководившіе жизнью Россіи, куда заведет их роковая политика, или этого не понимали, для исторіи и Россіи это было безразлично.—Они показали на дѣлѣ свою соціальную непригодность и должны были сойти с исторической сцены... Началась великая смѣна государственных рулевых,—великая государственная и соціальная смута. Анархическіе элементы русскаго общества залили мутной волной всю страну. Все пошло в разброд. Безнадежно утеряно было представленіе о государствѣ, как о цѣлом, обнимающем частные интересы, направляющем их к общей, полезной для всѣх цѣли. Всякій кричал о правах, и никто не думал о своих обязанностях, представляя государство, как нѣчто постороннее, внѣшнее, были наивно увѣрены, что государство может дать все, лишь стоит только захотѣть и имѣть силу взять. Свободу понимали, как самовластіе или самоуправство, не ограничивая ее ни интересами других граждан, ни самого общества. Удивительно ли послѣ всего этого, что в результатѣ общаго развала государство в концѣ 1917 года распалось, утратило всѣ свои права, силы и функціи вплоть до способности самозащиты. Чтоб вновь возродить к жизни государственный организм, чтоб усмирить анархическую стихію, поднявшуюся отовсюду и превратившую общественную жизнь в войну всѣх против всѣх, нужны были громадныя, напряженныя усилія, требовалось сконцентрировать в руках государственных органов всю власть, отобрать от личности всѣ права, оставив ей вновь лишь одни обязанности. Этот процесс сосредоточенія власти пошел по путям, давно, казалось бы, сданным в архив исторіи. Національная жизнь совершается в

результатъ над—сознательных процессов. При ея изученіи не слѣдует обращать вниманіе на внѣшность, на политическія программы партій и организацій.— Все это лишь фасад, видимость, часто маскировка— не больше. Чтобы ознакомиться с сущностью явленія, приходится обращаться к фактам и дѣйствіям. Революціонеры наших дней, которым суждено было заниматься временной перестройкой государственнаго зданія Россіи, придя к власти, внесли в политическій обиход государства много чужих нарядов и пышной иностранной фразеологіи. Измышлены были цѣлыя системы мудреных націонализаций, социализаций, индустриализаций, муниципализаций и т. под. Новая власть спѣшно тачала как будто новые политическіе костюмы, воздвигала декораціи будущаго социально—политическаго рая, выбрасывала лозунги... Чѣм болѣе непонятным было то или иное слово, тѣм болѣе оно притягивало вниманіе. тѣм сильнѣе дѣйствовало своим таинственным смыслом на толпу. Но этими магическими понятіями лишь маскировали старую сущность. На словах стремились опередить мір новшествами. На дѣлѣ—в системѣ управленія во многом вернулись к средствам и методам, бывшим уже в государственном обиходѣ до Петра Великаго, когда государство Московское торговало в розницу и оптом хлѣбом, венгерскими винами, квасом, пушниной и пенькой, когда в таком ходу была система всевозможных монополій, когда в случаѣ польско—литовской войны облагали „торговых и посошных“ людей сборами в 40% и болѣе. Вернулись к закабаленію всѣх граждан в ярмо различных натуральных повинностей, вплоть до повинности „трудовой“. Когда этих средств не хватило, прибѣгли, как в эпоху царя Алексѣя Михайловича, к порчѣ монетной системы путем безконечных вы-

пусков сов. рублей. Денежное хозяйство превратили в натуральное XVI вѣка, и самыя подати собирали натурой отрядами „особаго назначенія“—спеціальных „опричных людей“. Служилое сословіе дворян, давно уже уничтоженное, как таковое, возродили в новом привилегированном служилом классѣ—партіи коммунистов,—обязанных безпрекословно отдавать себя на службу в возродившихся до—петровских приказах и петровских коллегіях и государственных фабриках.

Все было одѣто в причудливыя иноземные костюмы, но сквозь дыры, из под странных лоскутьев,—смѣси стараго и новаго, совершенно явственно вырисовывался старо—московскій кафтан.

Государство по московскому обычаю взяло все, не оставляя личности ровно ничего. Естественно боясь конкуренціи с внѣшним капиталистическим міром, современные коммунисты из интернаціоналистов все болѣе превращаются на дѣлѣ въ сторонников обособленности своей страны. Они запрещают сношенія отдѣльных сов. граждан с внѣшним міром, они мѣшают экономическому общенію СССР с границей путем введенія монополіи внѣшней торговли, они преслѣдуют суровыми уголовными карами сообщеніе границѣ различных экономических свѣдѣній о Россіи, рассматривая это, как „экономическій шпіонаж“, путем паспортных стѣсненій они затрудняют въѣзд въ предѣлы страны представителям умственного труда, путем монополіи печатнаго слова они ежедневной упорной газетной пропагандой пытаются доказать массѣ народа, что совѣтскіе порядки неизмѣримо выше заграничных, капиталистических.

Возвратившись из Петербурга в Москву, Россія стряхнула съ себя двухсотлѣтній надѣтый на нее Петромъ европейскій убор и вновь появилась в видѣ

старо—московскаго государства с той разницей, что к нему прилѣпили самоновѣйшій соціалистическій ярлык совѣтскаго пролетарскаго государства, странно противорѣчившій азіатскому облику строя. Недаром К. Каутскій однажды воскликнул: „Карл Маркс! О еслиб ты знал и предвидѣл, как изуродуют твоё учение!..“ Соціал. демократическій ярлык был, конечно, взят лишь напрокат,—чтоб хотя немного приукрасить в глазах простодушной и невѣжественной толпы убогое рубище, вытащенное из исторической могилы. И с той поры этот ярлык, как нѣкое воспоминаніе о Европѣ, маячит всюду, покрывая скудное содержаніе бѣднаго фантазіей и широтой замысла коммунистическаго творчества. Человѣческій ум не может создать в соціальной области ничего иного, как то, что уже было, и только сама жизнь в своём послѣдовательном поступательном развитіи показывает образцы высокаго и по истинѣ плодотворнаго творчества.

Войны Совѣтской Россіи с ея окраинами, осложнённые внутренним междуусобіем, тянулись очень долго. Результат их в значительной степеки был предрѣшен внутренним положеніем. Московское государство в XVI и XVII вѣках рѣдко имѣло удачу в подобных столкновеніях. Было бы поэтому большой непослѣдовательностью ожидать иного результата от столкновенія Россіи, превратившейся в Московскую державу XVI вѣка, с блоком тѣх же воскресших вновь государств, поддерживаемых к тому же испуганной и озлобленной Европой. Не смотря на многомилліонныя ополченія, собиравшіеся московской властью, всѣ усилія послѣдней не увѣнчались успѣхом, ни одна из окраинных столиц не была занята совѣтскими вооружёнными силами, и в концѣ концов Сов. Россія была вынуждена не только признать не-

зависимость отдѣлившихся окраин, но сверх того уступить Польшѣ нѣсколько уѣздов с населеніем, большинство коего принадлежит к русской національности по украинской или бѣлорусской ея вѣтвям. Прибѣгнуть к оружію в спорѣ с Румыніей из-за Бессарабіи не представилось возможным,—не хватило сил...

Когда войны закончились, и поражение было по примѣру восточных деспотій провозглашено побѣдой над „имперіалистами всѣх стран“, когда уступку уже совѣтизированным областям официальная пресса истолковала, как торжество всеобщаго признанія ленинских принципов „самоопредѣленія и сепарации“—этого „великаго открытія учителя“, когда шумная трескотня газет и крикливые митинги надоѣли, жизнь стала мало помалу предъявлять свои требованія. Во время войны насиліе узаконено, и недостатки отсталого государственнаго механизма сказываются не столь сильно. Хотя они и замѣтны, но их возможно отнести до извѣстной степени за счет „капиталистическаго окруженія“, свалить вины на интриги „бѣлых“ и происки „имперіалистов“. Страна представляла военный лагерь, и люди, рождавшіе неисчислимыя благ от признанной ими власти, должны были поневолѣ мириться с этой лагерной жизнью, успокаиваясь на мысли, что это лишь временныя лишенія, которыя исчезнут по окончаніи военной грозы, когда настанет великая пора „соціалистическаго строительства“.

Гроза наконец прошла, но и по ея окончаніи гражданин не перестает быть государственным рабом. „Нэп“ в области отношеній государства и отдѣльной личности внес большія облегченія, но далеко не завершил работы даже в сферѣ чисто экономических отношеній. Политическая структура государства оста-

лась незатронутой. Сословный характер отсталаго государства возведен на пьедестал, как величайшее достижение, осуществляемое пролетариатом Сов. Россіи, коему должны подражать прочія страны мира.

Как и во время войны, весь государственный строй и весь хозяйственный оборот основаны на принужденіи и страхѣ, ничего не оставляя вдохновенному порыву или почину отдѣльной сознательной воли. Государство рассматривает гражданина, как врага, котораго прежде всего требуется достаточно сильно напугать. Всякій призракъ права и законности в этом строѣ отсутствует. Здѣсь царство произвола, усмотрѣнія и цѣлесообразности, искривленной притом ложно понятой предвзятой доктриной.

Государственные повинности и налоги неизмѣнно сопровождаются угрозой для неплательщиков в видѣ суровой уголовной кары. Даже несвоевременный их взнос влечет начисленіе совершенно невѣроятных в капиталистических, цивилизованных государствах—штрафов, еще в 1924 г. доходивших до размѣра 3% в день... Всякое нарушеніе казеннаго интереса рассматривается, как уголовное преступленіе, даже и в том случаѣ, если оно не было умышленным. Всякій договор с государством, если контрагент—государство, спохватившись послѣ его подписанія, заблагоразсудит признать, что он для него невыгоден, признается ничтожным... Всякая критика правительственнаго строя—уголовное преступленіе, всякое открытое сопротивленіе даже и незаконным велѣніям власти преступленіе, заслуживающее смертную казнь. Государство монополизировало не только всѣ крупные фабрики и заводы, транспорт, банки и зданія, но самую мысль, слово, вѣрованія и убѣжденія,—словом весь физическій и духовный міръ,—міръ вещей и по-

нятій. Кто выходит за предѣлы дозволеннаго, тотъ разсматривается, какъ врагъ общества, которому нѣтъ и не можетъ быть пощады.—онъ долженъ быть истреблен... Исторія деспотическихъ государствъ Востока не знала столь полнаго поглощенія человѣческой личности.

Когда пришлось отъ военныхъ дѣлъ переходить къ мирному производительному труду и созиданію матеріальныхъ цѣнностей, этотъ милитаризированный на мигъ ожившій, но ветхій аппаратъ власти оказался совершенно непригоднымъ въ условіяхъ современной международной жизни, основанной на свободной конкуренціи отдѣльных хозяйствъ и народовъ и международномъ торговомъ оборотѣ.

Страхъ, какъ импульсъ къ дѣйствию въ военномъ строю можетъ фальсифицировать патріотическое воодушевленіе и замѣнить развитое въ европейцѣ сознаніе долга; принужденіемъ и силой возможно отнять хлѣбъ или скотъ у крестьянина,—фабрику у заводчика,—деньги у банкира. Но какъ возможно страхомъ наказанія заставить интенсивно работать рабочаго?.. Выгодно для казны торговать государственнаго торговца? Какъ палкой научить госуд. трестъ умѣло, дешево, обильно производить продукты? Можно ли наконецъ на террорѣ построить организацію сельскаго хозяйства, распыленнаго между десятками милліоновъ самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ?

Однако же какъ ни казались бы абсурдными попытки замѣнить индивидуальный расчетъ отдѣльной производящей личности системой государственнаго хозяйства, управляемаго изъ центра и регулируемаго въ периферіи терроромъ,—эти попытки не оставлены и до сихъ пор... Экономическая дѣятельность гос. предприятий и гос. торговъ отдана подъ надзоръ политической полиціи (Г.П.У.). Въ составѣ cadaго губернскаго

политическаго управленія организованы спеціальныя экономическіе отдѣлы, задачей коихъ является негласное наблюденіе за всѣми націонализированными предпріятіями губерніи, а въ центрѣ всесильный Дзержинскій руководил какъ дѣйствіями О.Г.П.У., такъ и всѣми учрежденіями государственнаго хозяйства. Созданъ были централизованный аппаратъ экономическаго и политическаго воздѣйствія, системѣ устрашенія приданы были чрезвычайная сила и власть, невиданныя въ исторіи. И не смотря на все, система эта не оправдала себя въ борьбѣ съ экономической стихіей производства и обмѣна и психической человѣческой природой. Страхъ наказанія дѣйствителенъ не суровостью будущихъ каръ нарушителямъ законовъ, а неизбежностью каръ. Въ совѣтскомъ же государствѣ наказанія жестоки, но избѣжать ихъ легко, и потому они нисколько не пугаютъ нарушителей. Это долженъ былъ бы признать и самъ Дзержинскій незадолго до своей смерти, когда «ликвидировалъ» коммуниста Волина *). Мошенниковъ страхъ больше не пугалъ, глупыхъ же и несвѣдующихъ научить не могъ... Новое „служилое сословіе“ — партія коммунистовъ, — которая по мысли Ленина

*) Начальникъ валютнаго управленія въ сообществѣ съ двумя другими спекулянтами устроилъ такую комбинацію. — Выпущенный на 10 мил. руб. заемъ былъ ими весь взятъ отъ Гос.—Банка на комиссію. Отрѣзавъ первый купонъ на 10 руб., полагавшійся въ премію держателямъ, ловкіе аферисты заложили заемъ въ тотъ же банкъ въ суммѣ вдвое превышавшей ихъ первоначальный взносъ и, положивъ въ карманъ нѣсколько милліоновъ, уже больше не интересовались судьбами его размѣщенія. Обвиняемые были разстрѣляны безъ суда по ордеру Дзержинскаго. [Пр. авт.]

— 124 —
должна была поставлять государству „честных и способных работников“, не выполнила своего предназначения, как это показывает совѣтская действительность и многочисленные судебные процессы о растратах.

Партиец, в тѣх рѣдких случаях когда имѣлъ знания и способности, мог быть сносным бюрократом, но никак не промышленником и торговцем, ибо инициативы, опыта, знаний предпринимателя ему во всяком случае было взять неоткуда, личного интереса не существовало, а если он все же дѣйствовал, то толкал на преступленіе присвоенія государственных и общественных цѣнностей...

Совѣтское государственное хозяйство, вынужденное силою обстоятельств выйти на міровые рынки, конкурировать с капиталистическими предприятиями и предпринимателями, обречено всюду терпѣть поражения, приносить государству убытки там, гдѣ частная инициатива извлекает барыши.

Совѣтскій экономическій аппарат, как аппарат бюрократическій, как во внѣшней и внутренней торговлѣ, так и в производствѣ показывает ежедневно, что он держится не свойственными ему положительными качествами, а только системой принужденія и гос. — протекціи.

Такое положеніе, конечно, долго длиться не может. Страна со ста сорокамилліонным населеніем при современной системѣ мірового хозяйства имѣет возможности ни оставаться в экономической и политической изоляціи, ни возстановливать среднѣвѣковую хозяйственную и государственную систему. Производственные процессы сильнѣе всякой политики, рано или поздно они все же восторжествуют и перестроят весь государственный организм по новому.

В течение пяти послѣдних лѣтъ совѣтскій аппарат власти выполнил ту черновую работу, которая необходима для государства. Грубыми — до — петербургскими средствами, но кое — как склепывая расшатанное здание государства; он водворил примитивной постройкой, который соответствовал до известной степени такому же примитивному складу мышления городских масс населенія, увлекавшихся социалистическими мечтаниями; организованной им военной силой он удерживал в орбитѣ русскаго государства одну окраину, стремившуюся к сепарации; центробѣжными силами других окраин он противопоставил централизованную систему торговли и промышленности и тѣм в наиболее опасное для государства переходное время парализовал или обезвредил их сепаратистскія стремленія; он предложил обществу нѣкоторыя формы организаціи. Когда же пришлось в эти грубыя и несовершенныя формы влить дѣйствительное и живое содержаніе, совѣтскій строй оказался к тому абсолютно неспособным не потому, конечно, что у него для того не хватало настойчивости, а потому, что он в его теперешней формѣ лишен внутренней творческой энергіи, тѣх великих жизненных сил, того національнаго духа, который двигал Россію к побѣдам во времена Елизаветы, который, как говорил Валишевскій, — „при всѣх недостатках и измѣнах позволялъ восторжествовать идеѣ служенія общему идеалу, фанатическому культу идеи государства“.

Провозглашенная большевиками идея служенія „интернационалу“ могла увлечь людей охваченных бредом социалистических утопій лишь ненадолго, и когда бред интернационализма начал разсѣиваться, „интернационал“ даже в глазах коммунистов стал превращаться в пустое мѣсто, в жалкое скопище „запре-

бетников русского мужа“, в сборище международных прихлебателей...

Интернаціонал мог быть временным орудіем разрушенія, идеей же творящей, созидающей великія цѣнности, могла быть лишь идея національная, идея служенія не дальнему, а близкому, родному... Интернаціональная идея оказалась в силѣ разрушить Величайшее Государственное Зданіе Россіи в 1917 г., она в дальнѣйшем еще может надѣлать много зла Западу, но возсоздать хотябы совѣтское російское государство в прежних предѣлах она, очевидно, не имѣла сил. Сами большевики, агитируя на Востокѣ, уже вынуждены в качествѣ рычага для приведенія в движеніе народных масс, употреблять лозунги не интернаціоналистическіе, а совершенно иного рода—чисто національные. Всякая вещь имѣет свое начало, свое предназначеніе и свой конец.—В Россіи интернаціонал приходит к своему естественному завершенію.

„Термидор“

РОССІЯ

...„Какому хочешь чародѣю
Отдай разбойную красу!
Пуской заманит и обманет,
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасныя черты“...

А. Блок.

С русским народом произошло то, что нерѣдко происходит со всяким отдѣльным человѣком, слишком привыкшим пользоваться опредѣленным каким—либо благом и потому не замѣчающим его при нормальном теченіи жизни. Мы цѣним воздух и свѣтъ особенно интенсивно тогда, когда его лишены, на примѣр находясь в тюрмѣ; здоровьем мы начинаем дорожить, лежа на одрѣ болѣзни.

Двѣсти лѣтъ историческаго непрерывнаго роста, непрерывных успѣхов в международной политикѣ разслабили національное русское самосознаніе, отучили русское общество от пониманія той великой цѣнности, какую представляет національный идеал для всякаго живого государственнаго организма. Когда пришла революція, подобное ослабленіе національнаго самосознанія вмѣстѣ с издавна привитыми русской интеллигенціи лозунгами интернационализма привели к тому, что интересы русскаго народа оказались на послѣднем планѣ при всѣх столкновеніях и

коллизіях русской столь недавно, назалось бы, господствующей національности с инкорпорированными в ее состав различными инородными элементами и окраинными частями государства. Русский народ с легким сердцем наблюдал, как историческія судьбы его страны и его государства, созданнаго прежде всего его многовѣковой исторіей, становятся игрищем многоязычной меньшей по численности, но болѣе настойчивой и требовательной части. Он оставался безразличным молчаливым свидѣтелем того, как его великодержавіе превращалось в пыль, попираемую и оплевываемую тѣми, кто вошел в его государство в результатѣ добровольнаго или насильственнаго присоединенія, как его культура, его язык унижались, как нѣчто низшее; как его вѣра осмѣивалась, как предразсудок и глупость. Он молча наблюдал, как в результатѣ провозглашенных принципов „самоопредѣленія націй“ в его величавом „Государственном Домѣ“ появились уродливыя пристройки народностей, никогда не живших самостоятельной государственной жизнью, не имѣющих не только собственной культуры, но нерѣдко и своей письменности... Всѣ они требовали, чтоб он уступил им дорогу, чтоб он отрекся от своих верховных прав. „Национальное самоопредѣленіе“ стало удѣлом и правом всѣх вчерашних пришельцев, маленьких некультурных народцев, и только он—недавній хозяин и создатель этого „Дома“ был этого права лишен. В настоящее время русское населеніе всюду поставлено в то положеніе, какое оно занимало бы в том случаѣ, еслиб оно испытало на себѣ участь завоеванія его в результатѣ какого либо иноземнаго нашествія. Всякій пришлец в русском государствѣ является сейчас его хозяином, ему приносятся в жертву самые закон-

ныя интересы русскаго населенія. Русскій народ как бы сознательно премѣнялъ свое положеніе господина на положеніе слуги, едва терпимаго, всѣми „униженнаго и оскорбленнаго“.

Было бы в высшей степени неправильным счесть этот фактъ за результат какого—то „засилья“, это был совершенно добровольный акт, в нем сказались тѣ характерныя черты самоотрицанья и самоуниженья, которыя были подмѣчены еще пятьдесят лѣтъ назад Ф. М. Достоевским и развиты в его произведскіях не один раз. В своем „Дневникѣ Писателя“ за 1873 г. он по поводу некрасовскаго „Власа“ дал такую характеристику типа народнаго «отрицателя»: „Это прежде всего забвеніе всякой мѣрки во всем (и замѣтьте, всегда почти временное, являющееся как бы каким то навожденіем). Это—потребность хватить через храй, потребность... дойдя до пропасти, свѣситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну, иногда броситься в нее вниз головой. Это потребность в человѣкѣ, иногда самом неотрицающем и благоговѣющем, отрицанья всего, самой главнѣй святыни сердца своего, самаго полнаго идеала своего, всей народной святыни, которая сейчас стала невыносимым каким то бременем... Стоит только попасть ему в роковой для нас (русских) круговорот судорожнаго и моментальнаго самоотрицанія и саморазрушенья, так свойственный русскому народному характеру, в иныя роковыя минуты его жизни“.(Ф. М. Достоевскій. Стр. 206 т. 8).

Но может ли это психологическое явленіе, свойственное нашему народному характеру, длиться долго? Может ли наконец и скоро ли наступит процесс стрезвленія, моральнаго оздоровленія націи?.. У того же великаго сердцеѣдца и психолога русской души

мы находим на этот вопрос слѣдующій многозначительный отвѣтъ: „Но зато с такою же жаждой самосохраненія и покаянія русскій человѣкъ, равно как и весь народ, и спасает себя сам и обыкновенно, когда уже итти больше некуда. В возстановленіе свое русскій человѣкъ уходит с самым огромным и серьезным усиліем, а на отрицательное прежнее движеніе свое смотрит с презрѣніем к самому себѣ“.

Итак великій писатель предсказал момент исцѣленія. Он должен наступить тогда, когда „итти дальше некуда“, когда „народ дойдет до послѣдней черты“...

Наступил ли этот час послѣдняго терпѣнья народнаго?

—Тѣ, кто побывали в современной Россіи, кто наблюдал жизнь Москвы или Кіева, Одессы или Харькова, могут, конечно, дать отвѣтъ, и отвѣты эти будут одинаково трагичны; они прозвучали бы, как похоронный колокол, еслиб в них не слышались нотки грядущаго грознаго національнаго возрожденія...

Когда в Кіевѣ увольняют сотни русских городских служащих за то, что они не знают украинскаго языка, русскій народ может счесть это фактом второстепеннаго значенія. Когда в Донецком бассейнѣ дѣти русских рабочих не могут учиться на родном языкѣ, потому что всѣ школы украинизированы, русскій народ сочтет это „недоразумѣніем“. Когда в Черноморском флотѣ и армейских корпусах на Украинѣ проектируют ввести командным языком украинскій, мы сочтем это только ошибкой.

Но что скажет русскій народ, когда из его европейскаго земельного фонда, котораго по признанью Наркомзема не хватает для пяти милліонов крестьян-

земледѣльцев *), выдѣляют сотни тысяч десятин лучших земель на югѣ в Одесской (Херсонской) губ., в Крыму и на Кавказѣ для надѣленія еврейских ремесленников, проживавших дотолѣ в городах и с земледѣльческой культурой совершенно незнакомых, или для коммунистических пришельцев из заграницы?

Что скажем мы, наблюдая, как в предѣлах Закавказья, Туркестана и отчасти Киргизской степи громадные по пространствам земельные излишки предназначаются лишь для мѣстных обитателей,—для всѣх, кромѣ русских? Что скажет русскій народ, наблюдая, как подавляющая часть высших административных должностей занимается всѣми, только не русскими? Когда Москва превращается в город чужеземцев? Когда людей осмѣливающихся указать на это (профессор Ключников), высылают за границу? Когда у крестьянина нѣтъ плуга, косы и топора, когда кругом в Россіи такая нищета, а мы одѣляем отбираемыми у нищаго народа деньгами международных (как писал коммунист Шляпников) „захребетников“?

Не выведет ли он того единственно возможнаго заключенія, что его добротой чрезмѣрно злоупотребляют, что он „уже дошел до послѣдней черты“ терпѣнія, и что этому, ставшему невыносимым положенію должен быть наконецъ положен предѣлъ?..

Признаками наступленія такого переломнаго момента, симптомами пробуждающагося національнаго самосознанья наполнена современная дѣйствительность Россіи. Если жизнь деревни все еще стихійна, разрознена и ее трудно расцѣпить с этой стороны, то жизнь города уже сейчасъ даетъ достаточно доказательствъ этого идейнаго, вполне опредѣленнаго и до-

*] Экономич. Ж. от 10 декабря 1925 г.

мстаточно яркаго поворота.

Коммунисты своей монополіей печатнаго слова всего болѣе изуродовали внѣшнія проявленія человѣческой мысли, и тѣм не менѣе жизнь—сильнѣе преград и предписаній, совѣсть, проснувшись в человѣскѣ, властнѣе политической полиціи. Литература, театръ Сов. Россіи показывают признаки идейнаго перелома. Трескучія напыщенные драмы постановок Меерхольда вродѣ нелѣпаго „Рычи Китай“, трагедіи Луначарскаго, поэзія Маяковскаго, рифмы Демьяна Бѣдинаго, половая извращенность Кузьмина, вымученное „творчество“ десятков молодых поэтов, прославляющих „наше дѣло“, подражающих Верхарну, но не проявляющих и сотой доли его таланта, рассказы Лидіи Сейфуллиной, от которых несет казенными запахами времен Греча и Булгарина,—вся эта безнадежно безцвѣтная извращенная или жалко тенденціозная литература, живущая постольку, поскольку она воспріимает сегодняшних побѣдителей, окончательно опротивѣла читающей публикѣ. На интернаціонально коммунистическое литературное наводненіе послѣдняя отвѣтила, как могла,—прекратила покунку и чтеніе казенной прозы и поэзіи, прекратила посѣщеніе лубочных казенных пьес. Книжки гос—издата все въ больших количествах остаются на складах, превращаясь въ макулатуру, продаваемую на пуды. Возникает длительный кризис совѣтскаго книгоиздательства. Казенное издательство Петербурга лопнуло, такая же участь, несомнѣнно, грозила бы и его коллегам Москвы, еслиб не обильныя субсидіи из государственных средств. Аудиторіи, ежедневно поучаемой о великих достиженіях социализма и ленинизма, надоѣли лицемеріе и фальшь коммунистической рекламы, столь противорѣчащей унылой и тяжелой дѣйствительности,

опротівѣла пошлость забот о „дальнем“, когда „ближній“ наг и бос. Принудительным образом выколоченные милліоны на англійскую забастовку горнорабочих сыграли здѣсь не послѣднюю роль. Людям надоѣла мишурная ложь официальных славословій и принудительных жертв на пользу сытаго Запада. Русскій рабочій, интеллигент, горожанин оглядываются кругом и начинают вновь любить свое, родное,—то, что еще так недавно отвергали и презирали,—свою культуру, свой язык, свою классическую литературу. Пушкин, Тургенев, Достоевскій, Толстой вновь занимают въ Россіи то почетное мѣсто, которое они занимают и в литературѣ міровой. Театр, возвращаясь от своих интернаціоналистических кумиров, вновь уходит к Островскому, у котораго так силен русскій быт, Станиславскій побѣждает Мейерхольда. Новые молодые драматурги, пытаются создать ряд постановок новых пьес, гдѣ уже неизмѣримо больше объективизма, правды и пониманья дѣйствительности, чѣм во всѣх писаніях Луначарских, Сейфуллиных и К-о. Зарождается совѣтская сатира на гос—дѣльцов и кооператоров. Наконец по Москвѣ начинают, как во времена Плеве и Сипягина, ходить по рукам различныя прокламаціи*). Перемена народнаго міросозерцанія, пробужденіе національнаго чувства дѣлаются все ощутительнѣе и замѣтнѣе. Великій народ почувствовал причиняемую ему несправедливость. Она была тѣм больнѣе, что исходила от тѣх, кто, получив равноправіе, истолковал это, как признак слабости, и попытался равноправіе превратить в господство. Страданья и несправедливость в конечном счетѣ всегда ломают лишь слабого, сильнаго они

*) О них говорит Ларин (Лурье).

только приводят в негодование и возмущение, побуждают к активному действию, к протесту. И так как русский народ никак не может быть отнесен к первой категории, то на несправедливость и подавление его индивидуальной самобытности он может ответить только так, как подобает сильному и мужественному народу.

Сознание, конечно, еще не сразу претворяется в определенное действие, тем медленнее сказывается во вне народное самосознание. За истекшие 13 лет русский народ вынес так много страшного, исторически трагического, что было бы весьма трудно ждать немедленного окончательного решения той тяжбы, которую сейчас ведет коммунизм со всей страной. Можно лишь констатировать, что как объективные экономические отношения внутри страны и вне ее, так и субъективные переживания русского народа складываются в данное время все более неблагоприятно для коммунизма и коммунистов. Время теперь-против них. Близится „Термидор“

„Термидор“ близится, придет ли он в форме нового возмущения или добровольных уступок власти, но он придет. Его предсказывают не только лидеры коммунистической оппозиции, его предчувствиями, вѣяниями и трепетным ожиданием наполнена современная жизнь России.

Он неизбежен потому, что так называемые „социалистические“ элементы советского хозяйства в течение 9 лет своего существования на деле показали полное несоответствие народным нуждам, свою абсолютную абсурдность.

Он неизбежен не потому только, что нельзя „строить социализм в одном уезде или на одной улице“, а потому, что советская система, уничтожая производи-

тельное накопленіе капитала, т. е. средств и орудій производства, прекращает рост промышленности и, способствія потребительскому бесполезному распыленію капиталов, тѣм самым обрекает страну, полную величайших производственных возможностей, на мертвящій застой.

Он неизбежен потому, что экономическіе законы міра постольку же непреложны, позкольку и цѣлесообразны. Он неизбежен потому, что в сердцѣ и сознаніи народном начинает сказываться національное чувство, зрѣет активный протест. С другой стороны объективныя условія, вызывавшія послѣ февраля 1917 г. и всеобщаго развала необходимость полнѣйшаго сосредоточенія государственной власти, в настоящее время отпали. Мы стоим на порогѣ новаго періода русской исторіи. Он придет под лозунгом освобожденія человѣческой личности от пут всепроникающаго государства. Интересы творящей личности на этот раз не только не противорѣчат, а совпадают с интересами государства, властно предписывая скорѣйшій переход к новым современным общественно—политическим формам. Как ни смутны вѣстники грядущих измѣненій, как ни медленно совершается прогресс в мирѣ человѣческих отношеній, как ни тяжело ждать этого невѣдомого часа, он все приближается.

Из революціи 1789-1799 г. г. Франція вышла обновленной и сильной. Выйдет ли Россія таковой же из революціи 1917-1927 г. г.? Оставит ли послѣдняя послѣ себя лишь пепел и осколки—слѣды великих безумств современных самосожигателей или также сѣмена новой жизни?.. Революція еще не закончилась, и отвѣтъ на эти страшные вопросы может дать лишь послѣдующая исторія.

В туманѣ совѣтской дѣйствительности вырисовываются сейчас лишь смутные абрисы... Это скорѣе предчувствія, призраки, чѣм реальные факты будущих достижений. Самое важное среди послѣдних и самое очевидное, по нашему мнѣнію,—это та психологическая реакція в средѣ русскаго общества, которая явилась непосредственным результатом революціи.

Тѣ, кто живут в Россіи, быстро излечиваются в суровой школѣ дѣйствительной жизни от социальных фантазій, трудясь над восстановленіем столь безразсудно разрушеннаго, возвращаясь от интернационализма к здоровому національному самосознанію.

Тѣ, кто эмигрировали за границу, познакомились с творческими методами Запада, не переставая быть русскими, восприняли трудовую его психологію и, вернувшись вновь на родину, оплодотворят жизнь запасом практических знаній, принесут ей в дар уваженіе к правам свободной человѣческой личности.

И по мѣрѣ того, как все сильнѣе будет рѣдѣть мистическій туман социальных утопій, столь далеких подлинным народным нуждам; по мѣрѣ того, как бред предвзятых, надуманных, противорѣчивых концепцій строенія общества будет уступать мѣсто учету реальной дѣйствительности,—в сердцах русских граждан все ярче должно будет разгоратся жгучее чувство ответственности перед тѣм безликим, но дорогим всѣм государством, націей, отечеством,—интересы котораго так часто и так безпощадно приносились в жертву химерам...

Элементы уваженія и служенія цѣлому, общему,—государству, слившись со все умножающимися элементами личной свободы и права, образуют из себя гармоническое цѣлое, создадут ту незыблемую основу современнаго правового государства, на которой

строится жизнь всякаго народа періода новой исторіи человѣчества.

Тогда то на двух континентах, на трех океанах, на безграничных просторах равнин и гор распустится новая жизнь новой Россіи.

Зацвѣтет не призранными одувальниками, уносимыми вдаль при первом дыханіи вѣтра дѣйствительности, а ощутимыми красивыми цвѣтами, приносящими плоды.

Это будет новая Америка.

Только Америка Старого Свѣта.

Вновь обрѣтенная ея заблудшими сынами—
Родина.—

Спектатор.

Замѣченныя опечатки:

Напечатано:		Слѣдует читать:	
стр.	строка		
1.			соціологи
3.	10	пропущено	„liberum veto“
4.	2	успѣвшим
6.	30	философскія
9.	19	соціальных
11.	33	ему
11.	34	публицистов
12.	15	интенсификаціи
12.	16	развитіи
13.	2	граматами
37.	32	организованных
45.	11	наблюдатели
45.	18	помощников
49.	15	чугуна
50.	33	слѣдующими
56.	17	финансы
71.	18	экономист
90.	2	сокращеніем
92.	18	увлеченія
93.	26	индусским
93.	32	заклинанія
96.	24	короткій
97.	32	революціи
124.	26	раскольников
129.	16	торговли
140.	28	теперешній
149.	4	не могут не быть
149.	7	классом
169.	21	степени